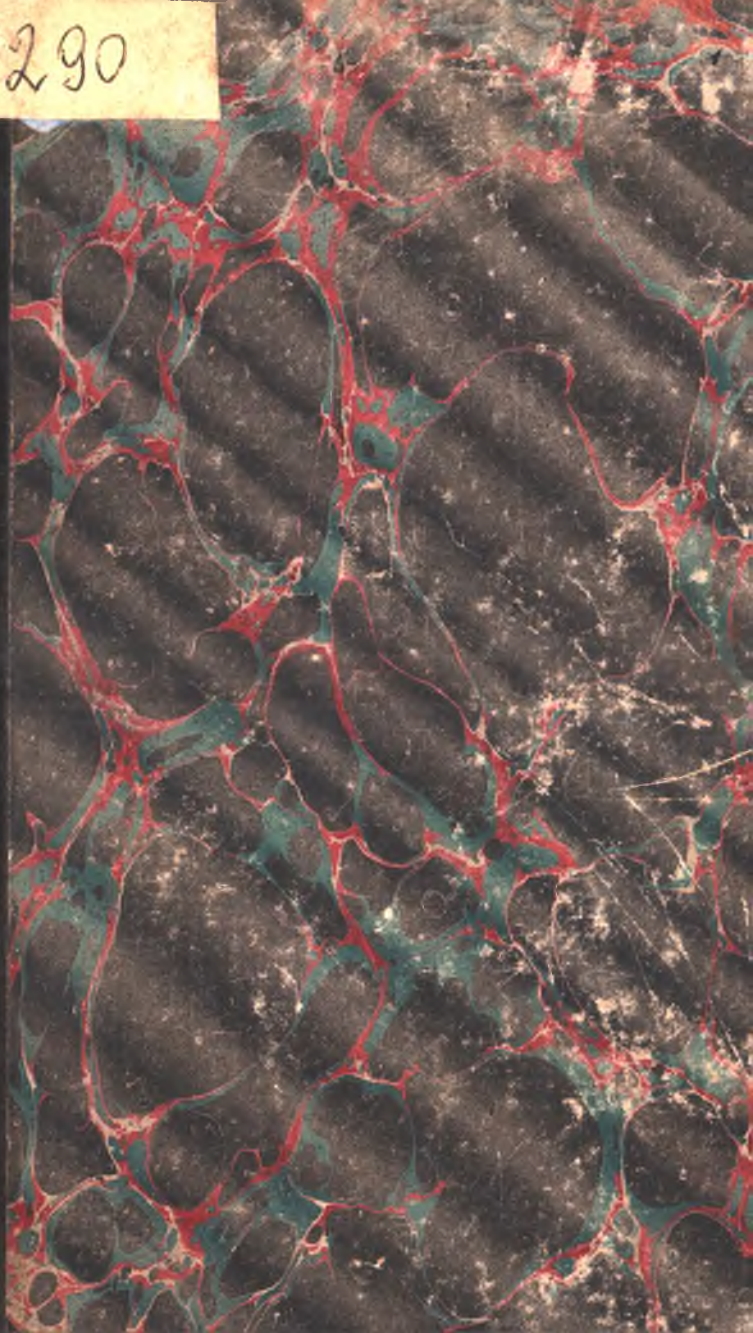

7290

нет Вильгельмъ Вундтъ. *316*

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ПСИХОЛОГІЮ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
привать-доцента Московскаго Университета

Н. Самсонова.

147290
641
вдессъ
1912

НБ ПНУС

7290

МОСКВА.

Книгоиздательство „КОСМОСЪ“.

1912.

4512

Отд.	7
№	40

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе автора	Стр. V
Предисловіе переводчика	VII

I. Сознаніе и вниманіе 9

Психологія, какъ описаніе процессовъ сознанія. Метрономъ.—Ритмическая природа нашего сознанія.—Объемъ сознанія.—Порогъ сознанія.—Точка фиксаціи и зрительное поле сознанія.—Фокусъ вниманія.—Объемъ вниманія.—Перцепція и апперцепція.

II. Элементы сознанія 38

Психическіе элементы и образованія. Ощущеніе и представленіе.—Образы воспоминанія и воспріятія.—Качество и сила ощущений.—Чувствованія.—Различіе между ощущеніемъ и чувствованіемъ.—Три пары чувствованій.—Теченіе чувствованій.—Аффекты и настроенія.—Волевые процессы.—Мотивы воли.—Движенія по влеченію, произвольныя и по выбору.—Внѣшнія и внутреннія волевыя дѣйствія.—Качества чувствованій.—Чувствованіе и апперцепція.

III. Ассоціація 66

Ассоціаціи и апперцепціи. Сліявія тоновъ въ звукъ. Представленія пространства и времени.—Ассимиляціи и диссимиляціи.—Прямыя и репродуктивныя формы ихъ.—„Узнаваніе вновь“ и „узнаваніе“ предметовъ.—Послѣдовательная ассоціація.—Такъ называсмое „качество чего-то знакомаго“.—Побочныя представле-

нія.—Вліяніе чувствованій при воспризнаніи.—Такъ называемыя „способности духа“ при забвеніи, воспоминаніи и т. д.—Ассоціаціи по воспоминанію.

IV. Апперцепція 99

Общія свойства апперцептивныхъ сочетаній мыслей въ сравненіи съ ассоціаціями.—Общее представленіе и его разложеніе.—Конкретное и абстрактное мышленіе.—Рѣчь и мышленіе.—Разсудокъ и фантазія.—Примѣры примитивныхъ формъ мышленія въ языкѣ первобытныхъ народовъ.—Развитіе апперцептивныхъ сочетаній мыслей изъ ассоціативныхъ.—Недостаточность метода самонаблюденія при рѣшеніи психологическихъ проблемъ мышленія.—Задачи психологіи языка и психологіи народовъ.

V. Законы душевной жизни 121

Отношеніе психическихъ законовъ къ естественно-научнымъ.— Психо-физическій индивидуумъ.— Вопросъ объ общезначимости законовъ.— Принципъ творческихъ производныхъ.— Принципъ гетерогоніи цѣлей.— Принципъ связующихъ отношеній.— Принципъ усиленія черезъ контрастъ.— Психологическій и физическій способы разсмотрѣнія.— Соотношеніе психическихъ цѣнностей и физическихъ величинъ.— Физическіе и психическіе элементы.— Сущность души.— Мифологическія возрѣнія.— Гипотеза субстанціальности души.— Принципъ актуальности души.

Предисловіе.

Настоящее введеніе въ психологію имѣеть цѣлью не разъясненіе естественно-научныхъ и философскихъ предпосылокъ психологіи и не обзорніе психологическихъ изслѣдованій и ихъ результатовъ. Цѣль этой книжечки—скорѣе введеніе въ основныя понятія современной экспериментальной психологіи, при чемъ опущено все то, что въ изучаемыхъ явленіяхъ и методахъ необходимо лишь для болѣе специальныхъ занятій. Конечно, въ наше время и такого рода введеніе не можетъ обойтись безъ фактовъ и экспериментальныхъ методовъ. Но для того, чтобы схватить самыя существенныя ученія новѣйшей психологіи, достаточно изложить лишь сравнительно немногія основныя, наиболѣе важныя положенія; и при ознакомленіи съ характеромъ и методами этой психологіи можно обойтись если не безъ экспериментовъ, то во всякомъ случаѣ безъ особо сложныхъ инструментовъ, необходимыхъ для специальныхъ изслѣдованій. Читателя же, который пожелалъ бы

познакомиться съ психологіей въ болѣе подробномъ изложеніи, я долженъ отослать къ своему „Очерку психологіи“, въ которомъ указана и необходимая для болѣе спеціального изученія литература, совершенно опущенная въ этомъ введеніи.

В. Вундтъ.

Лейпцигъ, въ іюнь 1911 г.

Предисловіе.

Вундтъ въ своемъ предисловіи къ этому „Введенію“ отмѣтилъ, что цѣль его—„вести читателя въ основныя понятія современной экспериментальной психологіи“. Съ одной стороны, конечно, новое „Введеніе“ въ значительной мѣрѣ достигаетъ поставленной цѣли. Но можно отмѣтить въ немъ и другую сторону: психологія Вундта весьма своеобразна, ее никакъ нельзя отождествить съ современной психологіей вообще, какъ, повидимому, выходитъ у автора. Между тѣмъ „Введеніе“ излагаетъ исключительно воззрѣнія самого Вундта. Поэтому въ психологію самого Вундта эта книга вводитъ въ несравненно бѣльшей мѣрѣ, чѣмъ въ „современную экспериментальную психологію“ вообще. Вундтъ уже давно остановился на нѣкоторыхъ законченно выработанныхъ воззрѣніяхъ и въ дальнѣйшемъ давалъ или переработки, или дополненныя изданія прежнихъ сочиненій. Несмотря на то, однако, что „Введеніе въ психологію“ принадлежитъ также къ типу переработокъ, оно представляетъ большой интересъ, какъ хорошее введеніе въ психологію Вундта, написанное самимъ авторомъ. Тяжеловатый, расплывчатый стиль, господствующій въ послѣднихъ сочиненіяхъ Вундта, смѣняется въ этомъ „Введеніи“ относительно болѣе легкимъ и до-

ступнымъ, отчасти напоминающимъ стиль написанныхъ въ молодые годы „Лекцій о душѣ человѣка и животныхъ“. И вообще „Введеніе“ всего больше напоминаетъ изъ прежнихъ сочиненій Вундта именно „Лекціи“: многое перешло изъ нихъ въ новую книгу почти дословно, съ легкими измѣненіями въ стилѣ или въ примѣрахъ. Но какъ ни доступно и хорошо написаны „Лекціи“, все же онѣ слишкомъ обширны по сравненію съ „Введеніемъ“, загромождены фактическимъ матеріаломъ и требуютъ усидчиваго изученія. Въ послѣдней же своей книгѣ Вундтъ возможно простымъ языкомъ изложилъ все самое существенное изъ своихъ возрѣній, ограничился немногими, но удачными примѣрами (напр., экспериментальныя изслѣдованія ритма, примѣры изслѣдованія языка первобытныхъ народовъ изъ *Psychologie der Sprache* и т. п.) и совершенно опустилъ все, что могло бы затруднить читателя, впервые приступающаго къ изученію его сочиненій. Его возрѣнія въ послѣдней книгѣ, такъ сказать, окончательно откристаллизировались, отчланились.

Н. Самсоновъ.

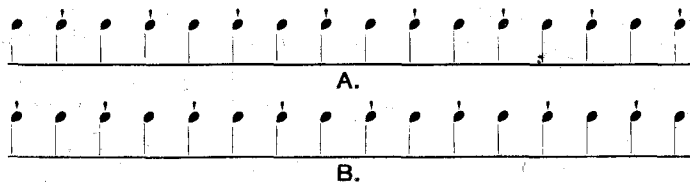
I. Сознаніе и вниманіе.

На вопросъ о задачѣ психологіи примыкающіе къ эмпирическому направленію психологи обыкновенно отвѣчаютъ: эта наука должна изучать состоянія сознанія, ихъ связъ и отношенія, чтобы найти въ концѣ-концовъ законы, управляющіе этими отношеніями.

Хотя это опредѣленіе и кажется неопровержимымъ, однако оно до извѣстной степени дѣлаетъ кругъ. Ибо, если спросить вслѣдъ затѣмъ, что же такое сознаніе, состоянія котораго должна изучать психологія, то отвѣтъ будетъ гласить: сознаніе представляетъ собою сумму сознаваемыхъ нами состояній. Однако это не препятствуетъ намъ считать вышеприведенное опредѣленіе наиболѣе простымъ, а поэтому пока и наилучшимъ. Вѣдь всѣмъ предметамъ, даннымъ намъ въ опытѣ, присуще то, что мы, въ сущности, можемъ не опредѣлить ихъ, а лишь указать на нихъ; или, если они сложны по природѣ своей, перечислить ихъ свойства. Такое перечисленіе свойствъ мы, какъ извѣстно, называемъ описаніемъ, и къ вышеприведенному вопросу о сущности психологіи мы всего удобнѣе подойдемъ, если попытаемся возможно болѣе точно описать во всѣхъ его свойствахъ сознаніе, состоянія котораго являются предметомъ психологическаго изслѣдованія.

Въ этомъ намъ долженъ помочь небольшой инструментъ, который хорошо знакомъ каждому сколько-нибудь причастному къ музыкѣ человѣку,—метрономъ. Въ сущности, это не что иное, какъ часовой механизмъ съ вертикально поставленнымъ маятникомъ, по которому можетъ передвигаться небольшой грузъ для того, чтобы удары слѣдовали другъ за другомъ черезъ равные интервалы съ большей или меньшей скоростью. Если грузъ передвинуть къ верхнему концу маятника, то удары слѣдуютъ другъ за другомъ съ интерваломъ приблизительно въ 2 секунды; если перемѣстить его возможно ближе къ нижнему концу, то время сокращается приблизительно до $\frac{1}{3}$ секунды. Можно установить любую степень скорости между этими двумя предѣлами. Однако можно еще значительно увеличить число возможныхъ степеней скорости ударовъ, если совсѣмъ снять грузъ съ маятника, при чемъ интервалъ между двумя ударами сокращается до $\frac{1}{4}$ секунды. Точно такъ же можно съ достаточной точностью установить и любой изъ медленныхъ темповъ, если имѣется помощникъ, который, вмѣсто того, чтобы предоставить маятнику свободно качаться, раскачиваетъ его изъ стороны въ сторону, отсчитывая интервалы по секунднымъ часамъ. Этотъ инструментъ не только пригоденъ для обученія пѣнію и музыкѣ, но и представляетъ собою простѣйшій психологическій приборъ, который, какъ мы увидимъ, допускаетъ такое многостороннее примѣненіе, что съ его помощью можно демонстрировать все существенное содержаніе психологіи сознанія. Но чтобы метрономъ былъ пригоденъ для этой цѣли, онъ долженъ удовлетворять одному требованію, которому отвѣчаетъ не всякій примѣняющійся на практикѣ инструментъ: имен-

но, сила ударовъ маятника должна быть въ достаточной мѣрѣ одинаковой, такъ чтобы, даже внимательно прислушиваясь, нельзя было замѣтить разницу въ силѣ слѣдующихъ другъ за другомъ ударовъ. Чтобы испытать инструментъ въ этомъ отношеніи, самое лучшее измѣнять произвольно субъективное удареніе отдѣльныхъ ударовъ такта, какъ это показано наглядно на слѣдующихъ двухъ рядахъ тактовъ:

Въ этой схемѣ отдѣльные удары обозначены нотами, а болѣе сильные удары—удареніями, поставленными надъ нотами. Рядъ А представляетъ поэтому такъ называемый восходящій, а рядъ В—нисходящій тактъ. Если окажется, что въ ударахъ маятника мы по произволу можемъ слышать то восходящій, то нисходящій тактъ, т.-е. можемъ слышать одинъ и тотъ же ударъ то подчеркнутымъ болѣе сильно, то звучащимъ болѣе слабо,—то такой инструментъ будетъ пригоднымъ для всѣхъ излагающихся ниже психологическихъ экспериментовъ.

Хотя только что описанный опытъ долженъ былъ служить лишь для испытанія метронома, однако изъ него можно уже сдѣлать одинъ заслуживающій вниманія психологическій выводъ. Именно, при этомъ опытѣ замѣчается, что для насъ въ высшей степени трудно слышать удары маятника совершенно равными по силѣ, иначе говоря, слышать ихъ не ритмически. Мы постоянно впадаемъ вновь въ восходящій или нисходящій тактъ. Мы можемъ выразить этотъ вы-

А водъ въ такомъ положеніи: наше сознаніе ритмично по природѣ своей. Едва ли это обусловливается какимъ-либо специфическимъ, лишь сознанію присущимъ свойствомъ; скорѣе это явленіе находится въ тѣсной связи со всей нашей психофизической организаціей. Сознаніе ритмично потому, что вообще нашъ организмъ устроенъ ритмично. Такъ, движенія сердца, дыханіе наше, ходьба—ритмичны. Правда, въ обычномъ состояніи мы не ощущаемъ биеній сердца. Но уже дыхательныя движенія воздѣйствуютъ на насъ, какъ слабыя раздраженія, и прежде всего движенія при ходьбѣ образуютъ ясно различаемый задній фонъ нашего сознанія. Ноги при ходьбѣ представляютъ собой какъ бы естественныя маятники, движенія которыхъ, подобно движеніямъ маятника метронома, обыкновенно, слѣдуютъ другъ за другомъ ритмически, чрезъ равныя интервалы времени. Когда мы воспринимаемъ въ наше сознаніе впечатлѣнія чрезъ одинаковые интервалы, мы располагаемъ ихъ въ аналогичной этимъ нашимъ собственнымъ внѣшнимъ движеніямъ ритмической формѣ, при чемъ особый видъ этой ритмической формы въ каждомъ данномъ случаѣ (хотимъ ли мы, напримѣръ, составить рядъ изъ нисходящихъ или изъ восходящихъ тактовъ) въ извѣстныхъ границахъ остается предоставленнымъ нашему свободному выбору, какъ это бываетъ, напримѣръ, при движеніяхъ ходьбы и ихъ видоизмѣненіяхъ—въ обычной ходьбѣ, въ бѣгѣ, прыганьи и, наконецъ, въ различныхъ формахъ танцевъ. Наше сознаніе представляетъ собою не какое-нибудь отдѣльное отъ нашего физическаго и духовнаго бытія существо, но совокупность наиболѣе существенныхъ для духовной стороны этого бытія содержаній.

Изъ вышеописанныхъ опытовъ съ метрономомъ можно получить и еще одинъ результатъ, если мы будемъ измѣнять длину восходящихъ или нисходящихъ рядовъ тактовъ. Въ приведенной выше схемѣ каждый изъ рядовъ А и В состоитъ изъ 16 отдѣльныхъ ударовъ или, если считать повышеніе и пониженіе за одинъ ударъ, 8 двойныхъ ударовъ. Если мы внимательно прослушаемъ рядъ такой длины при средней скорости ударовъ метронома въ $1-1\frac{1}{2}$ секунды и послѣ короткой паузы повторимъ рядъ точно такой же длины, то мы непосредственно замѣтимъ ихъ равенство. Равнымъ образомъ, тотчасъ же замѣчается и различіе, если второй рядъ будетъ хотя бы на одинъ ударъ длиннѣе или короче. При этомъ безразлично, будетъ ли этотъ рядъ состоять изъ восходящихъ или нисходящихъ тактовъ (по схемѣ А или В). Ясно, что такое непосредственное воспризнаніе равенства послѣдующаго ряда съ предшествующимъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если каждый изъ нихъ былъ данъ въ сознаниіи цѣликомъ, при чемъ однако отнюдь не требуется, чтобы оба они создавались вмѣстѣ. Это станетъ яснымъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, если мы представимъ себѣ условія аналогичнаго воспризнанія при сложномъ зрительномъ впечатлѣніи. Если посмотрѣть, напри- мѣръ, на правильный шестиугольникъ и затѣмъ во второе мгновеніе вновь на ту же фигуру, то мы непосредственно познаемъ оба впечатлѣнія, какъ тождественныя. Но такое воспризнаніе становится невозможнымъ, если раздѣлить фигуру на многія части и разсматривать ихъ въ отдѣльности. Совершенно такъ же и ряды тактовъ должны восприниматься въ сознаниіи цѣликомъ, если второй изъ нихъ долженъ производить то же впечатлѣніе, что и пер-

вый. Разница лишь въ томъ, что шестиугольникъ, кромѣ того, воспринимается во всѣхъ своихъ частяхъ разомъ, тогда какъ рядъ тактовъ возникаетъ послѣдовательно. Но именно въ силу этого такой рядъ тактовъ, какъ цѣлое, имѣетъ ту выгоду, что даетъ возможность точно опредѣлить границу, до которой можно идти въ прибавленіи отдѣльныхъ звеньевъ этого ряда, если желательно воспринять его еще какъ цѣлое. При этомъ изъ такого рода опытовъ съ метрономомъ выясняется, что объемъ въ 16 слѣдующихъ другъ за другомъ въ смѣнѣ повышеній и пониженій (такъ называемый $\frac{2}{8}$ -тактъ) ударовъ представляетъ собою тотъ maximum, котораго можетъ достигать рядъ, если онъ долженъ еще сознаваться нами во всѣхъ своихъ частяхъ. Поэтому мы можемъ смотрѣть на такой рядъ, какъ на мѣру объема сознанія при данныхъ условіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется, что эта мѣра въ извѣстныхъ предѣлахъ независима отъ скорости, съ которою слѣдуютъ другъ за другомъ удары маятника, такъ какъ связь ихъ нарушается лишь въ томъ случаѣ, если или вообще ритмъ становится невозможнымъ вслѣдствіе слишкомъ медленнаго слѣдованія ударовъ другъ за другомъ, или же, въ силу слишкомъ большой скорости, нельзя удержать болѣе простой ритмъ $\frac{2}{8}$ такта, и стремленіе къ связному воспріятію порождаетъ болѣе сложныя сочетанія. Первая граница лежитъ приблизительно около $2\frac{1}{2}$, послѣдняя около 1 секунды.

Само собою разумѣется, что, называя наибольшій, еще цѣликомъ удерживаемый при данныхъ условіяхъ въ сознаніи рядъ тактовъ „объемомъ сознанія“, мы разумѣемъ подъ этимъ названіемъ не совокупность всѣхъ состояній сознанія въ данный моментъ,

но лишь составное цѣлое, воспринимаемое въ сознаніи, какъ единое. Образно выражаясь, мы измѣряемъ при этомъ, если сравнить сознаніе съ плоскостью ограниченнаго объема, не самую плоскость во всемъ ея протяженіи, но лишь ея поперечникъ. Этимъ, конечно, не исключается возможность многихъ другихъ разбросанныхъ содержаній, кромѣ измѣряемаго. Но, въ общемъ, ихъ тѣмъ болѣе можно оставить безъ вниманія, что въ этомъ случаѣ, благодаря сосредоточенію сознанія на измѣряемомъ содержаніи, всѣ лежащія внѣ его части образуютъ лишь неопредѣленныя, измѣнчивыя и, по большей части, легко изолируемыя содержанія.

Если объемъ сознанія въ указанномъ смыслѣ и представляетъ собою, при соблюденіи опредѣленнаго такта, напр., $\frac{2}{8}$ -такта, относительно опредѣленную величину, которая въ указанныхъ границахъ остается неизмѣнной при различной скорости ударовъ маятника, зато измѣненіе самаго такта оказываетъ тѣмъ большее вліяніе на объемъ сознанія. Такое измѣненіе отчасти зависитъ отъ нашего произвола. Въ равномерномъ протекающемъ рядѣ тактовъ мы можемъ съ одинаковымъ успѣхомъ слышать какъ $\frac{2}{8}$ -тактъ, такъ и болѣе сложный, напр., $\frac{4}{4}$ -тактъ:

Такой ритмъ получается, когда мы вводимъ различныя степени повышенія, напр., ставимъ самое сильное изъ нихъ въ началѣ ряда, среднее по силѣ—въ срединѣ и каждое изъ слабыхъ—посрединѣ обѣихъ половинъ всего такта, какъ это показано на только что приведенной схемѣ, въ которой самое сильное повышеніе обозначено тремя ударами, среднее—

двумя и самое слабое—однимъ. Помимо произвольнаго ударенія однако и этотъ переходъ къ болѣе сложнымъ тактамъ въ высокой степени зависитъ отъ скорости въ послѣдовательности ударовъ. Тогда какъ, именно, при большихъ интервалахъ лишь съ трудомъ возможно выйти за предѣлы простого $\frac{2}{8}$ -такта, при короткихъ интервалахъ, наоборотъ, необходимо извѣстное напряженіе для того, чтобы противостоятъ стремленію къ переходу къ болѣе сложнымъ ритмамъ. Когда мы слушаемъ непосредственно, то при интервалѣ въ $\frac{1}{2}$ секунды и менѣе очень легко возникаетъ тактъ въ родѣ вышеприведеннаго $\frac{4}{4}$ -такта, который объединяетъ восемь ударовъ въ одинъ тактъ, тогда какъ простой $\frac{2}{8}$ -тактъ содержитъ въ себѣ лишь два удара. Если теперь измѣрить по вышеуказанному способу объемъ сознанія для такого болѣе богато расчлененнаго ряда тактовъ, то окажется, что еще пять $\frac{4}{4}$ -такта, построенныхъ по приведенной выше схемѣ, схватываются, какъ одно цѣлое, и если ихъ повторить послѣ извѣстной паузы, они воспринимаются, какъ тождественные. Такимъ образомъ, объемъ сознанія при этомъ болѣе сложномъ ритмическомъ дѣленіи составляютъ не менѣе 40 ударовъ такта вмѣсто 16 при наиболѣе простой группировкѣ. Можно, правда, произвольно составить еще болѣе сложныя расчлененія такта, напр., $\frac{6}{4}$ -тактъ. Но такъ какъ это усложненіе ритма съ своей стороны требуетъ извѣстнаго напряженія, длина ряда, воспринимаемаго еще, какъ отдѣльное цѣлое, не увеличится, но скорѣе уменьшается.

При этихъ опытахъ обнаруживается еще дальнѣйшее замѣтательное свойство сознанія, тѣсно связанное съ его ритмической природой. Три степени повышения, которыя мы видѣли въ вышеприведенной

схемъ $\frac{4}{4}$ -такта, образуютъ, именно, maximum различенія, который нельзя перейти. Если мы причтемъ сюда еще пониженія такта, то четыре степени интенсивности исчерпаютъ всѣ возможныя градаціи въ силѣ впечатлѣній. Очевидно, что это количество степеней опредѣляетъ также и ритмическое расчлененіе цѣлаго ряда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его объединеніе въ сознаниі, и наоборотъ — ритмъ движеній такта обусловливаетъ то число градацій интенсивности, которое въ расчлененіи рядовъ необходимо въ качествѣ опорныхъ пунктовъ для объединенія въ сознаниі. Такимъ образомъ, оба момента находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ: ритмическая природа нашего сознанія требуетъ опредѣленныхъ границъ для количества градацій въ удареніи, а это количество въ свою очередь обусловливаетъ специфическую ритмическую природу человѣческаго сознанія.

Чѣмъ обширнѣе ряды тактовъ, объединяемыхъ въ цѣлое при описанныхъ опытахъ, тѣмъ яснѣе обнаруживается еще другое, весьма важное для сущности сознанія, явленіе. Если обратить вниманіе на отношеніе воспринятаго въ данный моментъ удара такта къ непосредственно предшествовавшимъ и, далѣе, сравнить эти непосредственно предшествовавшіе удары съ ударами объединеннаго въ цѣлое ряда, воспринятыми еще раньше, то между всѣми этими впечатлѣніями обнаружатся различія особаго рода, существенно отличныя отъ различій въ интенсивности и равнозначныхъ съ ними различій въ удареніи. Для обозначенія ихъ всего цѣлесообразнѣе воспользоваться выраженіями; сложившимися въ языкѣ для обозначенія зрительныхъ впечатлѣній, въ которыхъ эти различія равнымъ образомъ относительно независимы отъ интенсивности свѣта. Эти

обозначенія—ясность и отчетливость, значенія которыхъ почти совпадаютъ другъ съ другомъ, но все-таки указываютъ различныя стороны процесса, поскольку ясность болѣе относится къ собственному свойству впечатлѣнія, а отчетливость—къ его отграниченію отъ другихъ впечатлѣній. Если мы перенесемъ теперь эти понятія въ обобщенномъ смыслѣ на содержанія сознанія, то замѣтимъ, что рядъ тактовъ даетъ намъ самыя различныя степени ясности и отчетливости, въ которыхъ мы ориентуемся по ихъ отношенію къ удару такта, воспринимаемому въ данный моментъ. Этотъ ударъ воспринимается всего яснѣе и отчетливѣе; ближе всего стоятъ къ нему только что минувшіе удары, а затѣмъ—чѣмъ далѣе отстоятъ отъ него удары, тѣмъ болѣе они теряютъ въ ясности. Если ударъ минулъ уже настолько давно, что впечатлѣніе отъ него вообще исчезаетъ, то, выражаясь образно, говорятъ, что оно погрузилось подъ порогъ сознанія. При обратномъ процессѣ образно говорятъ, что впечатлѣніе поднимается надъ порогомъ. Въ подобномъ же смыслѣ для обозначенія постепеннаго приближенія къ порогу сознанія, какъ это мы наблюдаемъ при опытахъ съ маятникомъ метронома надъ давно минувшими ударами, пользуются образнымъ выраженіемъ *потемнѣнія*, а для противоположнаго измѣненія—*проясненія* содержаній сознанія. Пользуясь такого рода выраженіями, можно поэтому слѣдующимъ образомъ формулировать условія объединенія состоящаго изъ разнообразныхъ частей цѣлаго, напр., ряда тактовъ: объединеніе возможно до тѣхъ поръ, пока ни одна составная часть не погрузилась подъ порогъ сознанія. Для обозначенія наиболѣе бросающихся въ глаза различій ясности и отчетли-

ности содержаній сознанія обыкновенно пользуются, наконецъ, въ соотвѣтствіи съ образами потемнѣнія и проясненія, еще двумя наглядными выраженіями: о наиболѣе отчетливо воспринимаемомъ содержаніи говорятъ, что оно находится въ фиксаціонной точкѣ (Blickpunkt) сознанія, о всѣхъ же остальныхъ—что они лежатъ въ зрительномъ полѣ (Blickfeld) сознанія. Въ опытахъ съ метрономомъ, такимъ образомъ, воздѣйствующій на насъ въ данный моментъ ударъ маятника каждый разъ находится въ этой внутренней точкѣ фиксаціи, тогда какъ предшествующіе удары тѣмъ болѣе переходятъ во внутреннее зрительное поле, чѣмъ далѣе они отстоятъ отъ даннаго удара. Поэтому зрительное поле можно наглядно представить себѣ, какъ окружающую фиксаціонную точку область, которая непрерывно тускнѣетъ по направленію къ периферіи, пока, наконецъ, не соприкоснется съ порогомъ сознанія.

Изъ послѣдняго образнаго выраженія уже ясно, что такъ называемая точка фиксаціи сознанія въ общемъ обозначаетъ лишь идеальное средоточіе центральной области, внутри которой могутъ ясно и отчетливо восприниматься многія впечатлѣнія. Такъ, напр., воздѣйствующій на насъ въ данный моментъ ударъ при опытахъ съ метрономомъ, конечно, находится въ фиксаціонной точкѣ сознанія, но только что передъ нимъ воспринятые удары сохраняютъ еще достаточную степень ясности и отчетливости, чтобы объединяться съ нимъ въ болѣе ограниченной, отличающейся отъ остальнаго зрительнаго поля своею болѣею ясностью, области. И въ этомъ отношеніи психическіе процессы соотвѣтствуютъ заимствованному изъ сферы зрительныхъ воспріятій образу, гдѣ также одинъ изъ пунктовъ такъ назы-

ваемаго зрительнаго поля является точкой фиксаціи, кругомъ которой можетъ быть ясно воспринято еще значительное количество впечатлѣній. Именно этому обстоятельству обязаны мы тѣмъ, что вообще можемъ въ одно мгновеніе схватить какой-либо цѣльный образъ, напр., прочесть слово. Для центральной части зрительнаго поля нашего сознанія, непосредственно прилегающей къ внутренней фиксаціонной точкѣ, давно уже создано подъ давленіемъ практическихъ потребностей, слово, которое принято и въ психологіи. Именно, мы называемъ психическій процессъ, происходящій при болѣе ясномъ воспріятіи ограниченной сравнительно со всѣмъ полемъ сознанія области содержаній, вниманіемъ. Поэтому о тѣхъ впечатлѣніяхъ или иныхъ содержаніяхъ, которыя въ данное мгновеніе отличаются отъ остальныхъ содержаній сознанія особенной ясностью, мы говоримъ, что они находятся въ фокусѣ вниманія. Сохраняя прежній образъ, мы можемъ поэтому мыслить ихъ, какъ центральную, расположенную вокругъ внутренней фиксаціонной точки, область, которая отдѣлена отъ остального, все болѣе тускнѣющаго по направленію къ периферіи, зрительнаго поля болѣе или менѣе рѣзкою пограничною линіей. Отсюда сейчасъ же возникаетъ новая экспериментальная задача, дающая важное добавленіе къ вышеизложенному измѣренію всего объема сознанія. Она заключается въ отвѣтъ на возникающій теперь вопросъ: какъ великъ этотъ болѣе тѣсный объемъ вниманія?

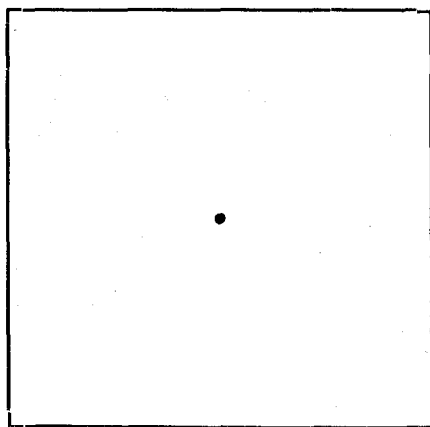
Насколько удобны ритмическіе ряды, въ силу присущаго имъ расчлененія, для опредѣленія всего объема сознанія, настолько же мало пригодны они, въ силу того же свойства, для разрѣшенія второй задачи. Ибо ясно, что какъ разъ вслѣдствіе

той связи, которую ритмъ извѣстнаго ряда тактовъ устанавливаетъ между фокусомъ вниманія и остальнымъ полемъ сознанія, точное разграниченіе между обѣими областями становится невозможнымъ. Правда, мы замѣчаемъ съ достаточною ясностью, что вмѣстѣ съ непосредственно воздѣйствующимъ ударомъ такта въ фокусъ вниманія попадаютъ также и нѣкоторые предшествующіе ему удары, но сколько именно,—это остается неизвѣстнымъ. Въ этомъ отношеніи чувство зрѣнія находится, конечно, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Въ чувствѣ зрѣнія именно можно наблюдать, что фізіологическія условія зрѣнія, взятая сами по себѣ, независимо отъ психологическаго ограниченія нашего яснаго воспріятія, ограничиваютъ воспріятіе протяженныхъ предметовъ, такъ какъ болѣе ясное отличеніе впечатлѣнія ограничено такъ называемою областью „яснаго видѣнія“, окружающею фиксаціонную точку. Въ этомъ легко убѣдиться, если твердо фиксировать однимъ глазомъ на разстояніи 20—25 см. центральную букву о на прилагаемой таблицѣ, а другой глазъ закрыть. Тогда можно, направляя вниманіе на расположенныя по краямъ точки зрительнаго поля, воспринимать еще буквы, лежація на периферіи этого круга изъ буквъ, напр., верхнее *h* или находящееся справа *i*. Этотъ опытъ требуетъ извѣстнаго навыка въ фиксаціи, такъ какъ при естественномъ, непринужденномъ зрѣніи мы всегда бываемъ склонны направлять на тотъ пунктъ, на который обращено наше вниманіе, также и нашу оптическую линію. Если же приучиться направлять свое вниманіе на различныя области зрительнаго поля, въ то время какъ фиксаціонная точка остается неизмѣнной, то такіе опыты покажутъ, что фиксаціонная точка вниманія и фикса-

ціонная точка поля зрѣнія отнюдь не тождественны и при надлежащемъ упражненіи вполнѣ могутъ отдѣляться другъ отъ друга, ибо вниманіе можетъ

		t	h	m			
	m	v	x	w	a	s	f
	l	g	i	e	s	f	p
z	r	a	e	n	p	r	h
r	f	u	e	t	h	f	b
k	h	e	p	n	o	t	v
n	z	l	u	e	r	k	m
d	i	n	i	w	g	e	t
	s	a	t	f	l	b	p
		m	d	w	e	k	t
			p	a	v	e	r

А

S

гда какъ находящіяся вокругъ *o* буквы *h t r n* отступаютъ въ болѣе темное зрительное поле сознанія. Нужно только сдѣлать эту таблицу изъ буквъ

быть обращено и на такъ называемую непрямо видимую, т. - е. находящуюся гдѣ-либо въ сторонѣ точку. Отсюда становится въ то же время яснымъ, что отчетливое воспріятіе въ психологическомъ и отчетливое видѣніе въ физиологическомъ смыслѣ далеко не необходимо совпадаютъ другъ съ другомъ. Если, напр., фиксировать среднюю букву *o* въ вышеприведенной фигурѣ, въ то время какъ вниманіе обращено на лежащую въ сторонѣ букву *n*, то расположенныя вокругъ *n* буквы *f g s i* воспринимаются отчетливо, то

такой величины, чтобы при разсматриваніи ея съ разстоянія въ 20—25 см. она приблизительно равнялась объему области яснаго видѣнія, при чемъ за критерій послѣдняго принимается возможность отчетливо различать буквы такой величины, какъ шрифтъ этой книги. Поэтому только что упомянутыя наблюденія сейчасъ же показываютъ намъ, что объемъ фокуса вниманія и области отчетливаго видѣнія въ фізіологическомъ смыслѣ также настолько далеко расходятся другъ съ другомъ, насколько отчетливое видѣніе въ фізіологическомъ смыслѣ при вышеуказанныхъ условіяхъ очевидно охватываетъ гораздо бѣльшую область, чѣмъ объемъ фокуса вниманія. Помѣщенная выше фигура содержитъ 95 буквъ. Если бы мы должны были всѣ фізіологически отчетливо видимые предметы отчетливо воспринимать также и въ психологическомъ смыслѣ, то, фиксируя букву о, мы схватывали бы всѣ буквы таблицы. Но этого отнюдь не бываетъ, и въ каждый данный моментъ мы всегда различаемъ лишь немногія буквы, окружающія внутреннюю фиксаціонную точку вниманія, будетъ ли она совпадать съ внѣшней фиксаціонной точкой зрительнаго поля, какъ при обычномъ зрѣніи, или же при нарушеніи этой связи лежатъ гдѣ-либо эксцентрически.

Хотя уже и эти наблюденія надъ одновременнымъ воспріятіемъ произвольно сгруппированныхъ простыхъ объектовъ, напр., буквъ, съ достаточной опредѣленностью указываютъ на довольно тѣсныя границы объема вниманія, однако съ помощью только ихъ нельзя рѣшить вопросъ о величинѣ этого объема вполне точно, т.-е. выразить его въ числахъ, подобно тому, какъ это оказалось возможнымъ при опредѣленіи объема сознанія посредствомъ опытовъ съ метро-

номомъ. Однако эти опыты надъ зрѣніемъ можно и безъ сложныхъ приборовъ видоизмѣнить такимъ образомъ, что они будутъ пригодны для разрѣшенія этой задачи, если только не упускать изъ виду, что непосредственные результаты естественнымъ образомъ и здѣсь имѣютъ значеніе лишь при допущеніи особыхъ условій. Для этой цѣли скомбинируемъ нѣсколько такихъ таблицъ буквъ, какъ вышеприведенная, каждый разъ съ новымъ расположеніемъ элементовъ. Кромѣ того, нужно изготовить нѣсколько большую по размѣрамъ ширму изъ бѣлаго картона съ маленькимъ чернымъ кружкомъ посрединѣ. Эту ширму *S* закрываютъ выбранную для отдѣльнаго опыта фигуру *A* и просятъ экспериментируемое лицо, которому фигура не извѣстна, фиксировать находящійся въ центрѣ маленькій черный кружочекъ, при чемъ другой глазъ остается закрытымъ. Затѣмъ съ большою быстротой сдвигаютъ ширму на мгновеніе въ сторону и вновь возможно быстрѣе закрываютъ ею фигуру. Быстрота при этомъ должна быть достаточно большою для того, чтобы въ то время, какъ фигура остается открытою, не произошло ни движенія глаза, ни отклоненія вниманія за поле зрѣнія ¹⁾. При повтореніи опыта необходимо точно такъ же каждый разъ выбирать другія таблицы буквъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ отдѣльное моментальное

¹⁾ Для болѣе точнаго и равномернаго выполненія этого опыта цѣлесообразно воспользоваться однимъ простымъ приборомъ, такъ называемымъ тахистоскопомъ (отъ греч. *tachista*—какъ можно скорѣе и *scopos*—смотрю), у котораго падающая ширма на очень короткое и точно измѣримое время позволяетъ видѣть открывающуюся фигуру. Но если нѣтъ этого аппарата подъ руками, то достаточно и вышеописаннаго опыта, для котораго требуется только большая быстрота рукъ.

впечатлѣніе будетъ дополняться предшествовавшими воспріятіями. Чтобы получить однозначные результаты, нужно найти такія условія опыта, при которыхъ вліяніе прежнихъ впечатлѣній отпадало бы и задача, слѣдовательно, сводилась къ вопросу: какъ велико число простыхъ, вновь вступающихъ въ сознание содержаній, которыя могутъ попасть въ данный моментъ въ фокусъ вниманія? Относительно постановки вопроса можно было бы, конечно, возразить противъ нашего метода опытовъ, что буква—не простое содержаніе сознанія, и можно было бы выбрать еще болѣе простые объекты, напр., точки. Но такъ какъ точки ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, то это вновь въ высшей степени затруднило бы опытъ или даже сдѣлало бы его невозможнымъ. Съ другой стороны, въ пользу буквенныхъ обозначеній говоритъ ихъ привычность, благодаря которой буквы обычнаго шрифта схватываются такъ же быстро, какъ и отдѣльная точка,—фактъ, въ которомъ легко убѣдиться черезъ наблюденіе. Имѣстѣ съ тѣмъ буквенныя обозначенія, благодаря своимъ характернымъ отличіямъ, имѣютъ ту выгоду, что они легко удерживаются въ сознаніи даже послѣ мгновеннаго воздѣйствія, почему послѣ опыта возможно бываетъ дать отчетъ объ отчетливо воспріятыхъ буквахъ. Если мы будемъ производить опыты указаннымъ образомъ, то замѣтимъ, что неопытный еще наблюдатель, по большей части, можетъ непосредственно схватить не болѣе 3—4 буквъ. Но уже послѣ немногихъ, конечно, какъ было сказано, каждый разъ съ новыми объектами произведенныхъ опытовъ число удержанныхъ въ сознаніи буквъ повышается до 6. Но уже выше этого числа количество удержанныхъ буквъ не поднимается, несмотря на дальнѣйшее упраж-

неніе, и остается неизмѣннымъ у всѣхъ наблюдателей. Поэтому его можно считать постоянной величиной вниманія для человѣческаго сознанія.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что это опредѣленіе объема вниманія связано съ однимъ условіемъ, какъ разъ противоположнымъ приведенному нами при объясненіи измѣренія объема сознанія. Последнее было возможно лишь благодаря воздѣйствію рядовъ впечатлѣній, связанныхъ въ объединенное цѣлое. При измѣреніи объема вниманія мы, наоборотъ, должны были изолировать другъ отъ друга отдѣльныя впечатлѣнія, такъ чтобы они образовывали любя необъединенныя и неупорядоченныя группы элементовъ. Эта разница условій зависитъ не исключительно отъ того, что одинъ разъ, при опытахъ съ метрономомъ, участвуетъ чувство слуха, другой разъ, при опытахъ съ зрѣніемъ,—зрительное чувство. Скорѣе, наоборотъ, мы уже сразу можемъ высказать предположеніе, что въ первомъ случаѣ главную роль играютъ психологическія условія соединенія элементовъ въ единое цѣлое, въ другомъ, наоборотъ, изоляція ихъ. Поэтому самъ собою возникаетъ вопросъ: какое измѣненіе произойдетъ, если мы заставимъ до извѣстной степени обмѣняться своими ролями зрѣніе и слухъ, т.-е. если на зрѣніе будутъ воздѣйствовать связныя, объединенныя въ цѣлое впечатлѣнія, а на слухъ, напротивъ,—изолированныя? Простѣйшій же способъ связать отдѣльныя буквы въ упорядоченное цѣлое—это образовать изъ нихъ слова и предложенія. Вѣдь самыя буквы—не что иное, какъ искусственно выдѣленные изъ такого естественнаго образованія элементы. Если произвести описанные выше опыты (съ тахистоскопомъ) надъ этими дѣйствительными составными частями рѣчи, то ре-

зультаты, въ самомъ дѣлѣ, получатся совершенно иные. Положимъ, что экспериментируемому лицу предлагается слово въ родѣ слѣдующаго:

Wahlverwandschaften,

тогда даже мало опытный наблюдатель можетъ сразу прочесть его безъ предварительной подготовки. Въ то время, слѣдовательно, какъ изолированныхъ элементовъ онъ съ трудомъ могъ воспринять 6, теперь онъ безъ малѣйшаго затрудненія воспринимаетъ 20 и болѣе элементовъ. Очевидно, что по существу это тотъ же случай который, самый намъ встрѣчался и при опытахъ съ ритмическими слуховыми воспріятіями. Лишь условія связи здѣсь иные,—поскольку то, что въ зрительномъ образѣ дается намъ, какъ единовременное впечатлѣніе, при слухѣ слагается изъ послѣдовательности простыхъ впечатлѣній. Съ этимъ стоитъ въ связи еще другое различіе. Слово только тогда можетъ быть схвачено въ одно мгновеніе, если оно уже раньше было извѣстно намъ, какъ цѣлое, или, по крайней мѣрѣ, при сложныхъ словахъ, въ своихъ составныхъ частяхъ. Слово совершенно неизвѣстнаго намъ языка удерживается поэтому не иначе, какъ лишь комплексъ необъединенныхъ въ цѣлое буквъ, и мы видимъ, что тогда воспринимается не болѣе 6 изолированныхъ элементовъ. Напротивъ, при ритмическомъ рядѣ ударовъ маятника дѣло совсѣмъ не въ формѣ такта, связывающаго отдѣльные удары, такъ какъ мы можемъ мысленно представить себѣ любое ритмическое расчлененіе, лишь бы оно не противорѣчило общей ритмической природѣ сознанія, напр., не превышало вышеупомянутое условіе maximum'a въ 3 повышенія. При всемъ томъ, какъ вытекаетъ изъ этого

требованія, указанная разница въ воспріятіи послѣдовательнаго и одновременнаго цѣлаго, какъ оно бываетъ при опытахъ надъ слухомъ и зрѣніемъ,—въ сущности говоря, лишь кажущаяся. Адекватный нашему ритмическому чувству размѣръ, въ общемъ, относится къ нему не иначе, чѣмъ соотвѣтствующее нашему чувству рѣчи цѣлое слово или цѣлое предложеніе. Поэтому и въ опытахъ съ чтеніемъ, совершенно такъ же, какъ и въ опытахъ съ метрономомъ, мы должны будемъ предположить, что схватывается вниманіемъ не цѣлое состоящаго изъ многихъ элементовъ слова, но что въ объемъ его каждый данный моментъ попадаетъ лишь ограниченная часть этого цѣлаго, отъ которой психическое сдѣяніе элементовъ переходитъ къ тѣмъ частямъ, которыя находятся въ болѣе отдаленныхъ зрительныхъ поляхъ сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ общеизвѣстный фактъ, который даетъ поразительное доказательство этому сдѣянію воспринятой вниманіемъ части цѣлаго слова или предложенія со смутно сознаваемыми содержаніями. Это прежде всего тотъ фактъ, что при бѣгломъ чтеніи мы очень легко можемъ просмотрѣть опечатки или описки. Это было бы невозможно, если бы для того, чтобы читать, мы должны были одинаково отчетливо воспринять въ нашемъ сознаніи всѣ элементы сравнительно длиннаго слова или даже цѣлаго предложенія. Въ дѣйствительности же, въ фокусъ вниманія въ каждый данный моментъ попадаютъ лишь немногіе элементы, отъ которыхъ затѣмъ тянутся нити психическихъ связей къ лишь неотчетливо воспринятымъ, даже отчасти лишь физиологически въ области непрямого видѣнія падающимъ впечатлѣніямъ; совершенно такъ же и въ слуховомъ воспріятіи ритма моментально воздѣйствующимъ

щія слуховыя впечатлѣнія соединяются съ предшествовавшими, отошедшими въ область болѣе смутнаго сознанія, и готовятъ наступленіе будущихъ, еще ожидающихся. Главная разница обоихъ случаевъ лежитъ не столько въ формальныхъ условіяхъ объема вниманія и сознанія, сколько въ свойствѣ элементовъ и ихъ сочетаній.

Если мы обратимся теперь, получивъ такіе результаты отъ опытовъ надъ зрѣніемъ, вновь къ нашимъ наблюденіямъ надъ метрономомъ, то очевидно, что черезъ эту аналогію тотчасъ же возникаетъ вопросъ, нельзя ли и при опытахъ съ маятникомъ найти такія условія, которыя дѣлали бы возможной такую же изоляцію простыхъ элементовъ, какая была нужна для измѣренія объема вниманія въ области чувства зрѣнія. Дѣйствительно, и въ опытахъ съ метрономомъ такая изоляція ударовъ такта произойдетъ тотчасъ же, какъ только мы не будемъ дѣлать мысленно никакихъ удареній, слушая удары маятника, такъ что не будетъ даже простѣйшаго размѣра въ $\frac{2}{8}$ такта. Въ виду ритмической природы нашего сознанія и всей нашей психофизической организаціи это, конечно, не такъ легко, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Все-таки мы всегда будемъ склонны воспринимать эти удары маятника, какъ рядъ, протекающій, по крайней мѣрѣ, въ $\frac{2}{8}$ размѣрѣ съ равными интервалами. Тѣмъ не менѣе, если только въ ударахъ маятника нѣтъ замѣтной объективной разницы, удастся достигнуть этого условія безъ особаго труда. Только при этомъ промежутокъ между ударами такта долженъ быть достаточно большой, чтобы мѣшать нашей склонности къ ритмическому расчлененію и въ то же время допускать еще объединеніе ударовъ въ цѣлое. Этому требованію, въ общемъ,

отвѣчаетъ интервалъ въ $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ сек. Въ этихъ предѣлахъ можно послѣ нѣкотораго упражненія довольно свободно схватывать удары маятника то ритмически, то неритмически. Если мы добьемся этого и такъ же, какъ и при ритмическихъ опытахъ, будемъ черезъ небольшую паузу послѣ воспріятія извѣстнаго числа ударовъ метронома слышать одинаковое или чуть большее или меньшее число, то и въ этомъ случаѣ можно еще отчетливо различать равенство перваго и втораго ряда. Если, напр., при первомъ опытѣ мы выберемъ рядъ А въ 6 ударовъ, при другомъ же—рядъ В въ 9 ударовъ, то при повтореніи обоихъ рядовъ тотчасъ же обнаружится, что при рядѣ А еще возможно вполне отчетливо различить равенство,

а при рядѣ В это невозможно, и уже на 7 или 8 ударѣ сличеніе рядовъ становится въ высшей степени ненадежнымъ. Поэтому мы приходимъ къ тому же выводу, что и въ опытахъ съ зрѣніемъ: шесть простыхъ впечатлѣній представляютъ собою границу объема вниманія.

Такъ какъ эта величина одинакова и для слуховыхъ и для зрительныхъ впечатлѣній, данныхъ какъ послѣдовательно, такъ и одновременно, то нужно заключить, что она означаетъ независимую отъ спеціальной области чувствъ психическую постоянную. Дѣйствительно, при впечатлѣніяхъ другихъ органовъ чувствъ получается тотъ же результатъ, и если исключить ничтожныя колебанія, число 6 остается максимумомъ еще схватываемыхъ вниманіемъ простыхъ содержаній. Напр., если взять для опыта лю-

бые слоги, только не соединенные въ слова, и сказать рядъ ихъ другому лицу съ просьбою повторить, то при такомъ рядѣ, какъ:

ap ku no li sa ro,

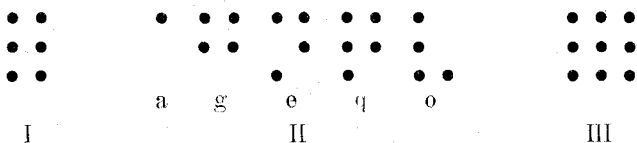
повтореніе еще удастся. Напротивъ, оно уже невозможно при рядѣ:

ra po xu am na il ok ru.

Уже при 7 или 8 бессмысленныхъ слогахъ замѣтно, что повтореніе большею частью не удастся; съ помощью упражненія можно добиться повторенія развѣ лишь 7 слоговъ. Итакъ, мы приходимъ къ тому же результату, который получился и при тактахъ А и В.

Но есть еще одно согласующееся съ этимъ результатомъ наблюденіе. Оно тѣмъ болѣе замѣчательно, что принадлежитъ третьей области чувствъ, осязанію, и кромѣ того сдѣлано независимо отъ психологическихъ интересовъ, по чисто практическимъ побужденіямъ. Послѣ долгихъ тщетныхъ попытокъ изобрѣсти наиболѣе цѣлесообразный шрифтъ для слѣпыхъ, наконецъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія французскій учитель слѣпыхъ, Брайль (Braille), разрѣшилъ эту практически столь важную проблему. Самъ слѣпой, онъ болѣе чѣмъ кто-либо другой былъ въ состояніи на собственномъ опытѣ убѣдиться, насколько его система удовлетворяетъ поставленнымъ требованіямъ. Такимъ образомъ онъ пришелъ къ выводу, что, во-первыхъ, извѣстное расположеніе отдѣльныхъ точекъ является единственно пригоднымъ средствомъ для изобрѣтенія легко различаемыхъ знаковъ для буквъ и, что, во-вторыхъ, нельзя при конструкціи этихъ знаковъ брать болѣе 6 извѣстнымъ образомъ расположенныхъ точекъ, если мы хотимъ, чтобы слѣпой еще легко и вѣрно различалъ

эти символы съ помощью осязанія. Такимъ образомъ, изъ шести точекъ (фиг. I), комбинируя ихъ различнымъ образомъ, онъ изобрѣлъ различные символы для алфавита слѣпыхъ (фиг. II):

Это ограниченіе числа точекъ шестью, очевидно, было не случайнымъ. Это ясно уже изъ того, что большее число, напр., 9 (фиг. III), дало бы большія затрудненія на практикѣ. Тогда можно было бы, напр., обозначить извѣстными символами важнѣйшіе изъ знаковъ препинанія и числа, которые отсутствуютъ въ системѣ Брайля. Но достигъ этого невозможно, такъ какъ при большемъ, чѣмъ 6, числѣ точекъ вообще нельзя отчетливо воспринимать разницу между символами. Въ этомъ легко убѣдиться съ помощью непосредственнаго наблюденія, если скомбинировать болѣе чѣмъ 6 выпуклыхъ точекъ и осязать ихъ. Такимъ образомъ мы вновь приходимъ къ той границѣ, которая получилась и при опытахъ надъ чувствами зрѣнія и слуха.

Однако значеніе этихъ выводовъ относительно объема сознанія и вниманія отнюдь не исчерпывается количественнымъ опредѣленіемъ этого объема. Значеніе ихъ прежде всего въ томъ, что они проливаютъ свѣтъ на отношенія находящихся въ фокусѣ вниманія содержаній сознаній съ тѣми, и которыя принадлежатъ болѣе отдаленному зрительному полю сознанія. Для того, чтобы установить тѣ отношенія, которыя прежде всего выясняются при этихъ опытахъ, мы воспользуемся для обозначенія обоихъ процессовъ—вхожденія въ сознаніе и въ фокусъ вни-

манія — двумя краткими терминами, примененными въ подобномъ смыслѣ уже Лейбницемъ. Если воспріятіе входитъ въ болѣе обширный объемъ сознанія, то мы называемъ этотъ процессъ перцепціей, если же оно попадаетъ въ фокусъ вниманія, то мы называемъ его апперцепціей. При этомъ мы, конечно, совершенно отвлекаемся отъ тѣхъ метафизическихъ предположеній, съ которыми связалъ Лейбницъ эти понятія въ своей монадологіи, и употребляемъ ихъ скорѣе въ чисто эмпирически-психологическомъ смыслѣ. Подъ перцепціей мы будемъ понимать просто фактическое вхожденіе какого-либо содержанія въ сознаніе, подъ апперцепціей — сосредоточеніе на немъ вниманія. Перцептируемыя содержанія, слѣдовательно, сознаются всегда болѣе или менѣе смутно, хотя всегда поднимаются надъ порогомъ сознанія; апперцептируемыя содержанія, напротивъ, сознаются ясно, они, выражаясь образно, поднимаются надъ болѣе узкимъ порогомъ вниманія. Отношеніе же между обѣими этими областями сознанія заключается въ томъ, что каждый разъ, когда апперцептируется извѣстное изолированное содержаніе сознанія, остальные, только перцептируемыя психическія содержанія исчезаютъ, какъ если бы ихъ совсѣмъ не было; напротивъ, когда апперцептируемое содержаніе связано съ опредѣленными перцептируемыми содержаніями сознанія, оно сливается съ ними въ одно цѣльное воспріятіе, границею котораго будетъ лишь порогъ сознанія (а не вниманія). Съ этимъ, очевидно, стоитъ въ тѣсной связи то обстоятельство, что объемъ апперцепціи относительно уже и постояннѣе, объемъ же перцепціи не только шире, но и измѣнчивѣе. Мѣняется же онъ, какъ это ясно показываетъ сравненіе простыхъ и сложныхъ ритмовъ, непременно вмѣстѣ

съ объемомъ психическихъ образованій, объединенныхъ въ нѣкоторое цѣлое. При этомъ различіе между просто перцепируемыми и апперцепируемыми частями такого цѣлаго отнюдь не исчезаетъ. Въ фокусъ вниманія скорѣе же попадаетъ всегда лишь ограниченная часть этого цѣлаго, какъ это въ особенности убѣдительно доказываетъ тотъ наблюдающійся при экспериментахъ съ чтеніемъ фактъ, что мы можемъ варіировать отдѣльныя просто перцепируемыя составныя части, при чемъ общее воспріятіе отъ этого не нарушается. Болѣе широкая область смутно перцепируемыхъ содержаній относится къ фокусу вниманія,—если воспользоваться образомъ, который самъ представляетъ собою примѣръ этого явленія,—какъ фортепیانное сопровожденіе къ голосу. Незначительныя неточности въ аккордахъ сопровожденія мы легко прослушиваемъ, если только самый голосъ не погрѣшаетъ ни въ тональности, ни въ ритмѣ. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе отъ цѣлаго значительно ослабѣло бы, если бы не было этого сопровожденія.

Въ этомъ отношеніи между перцепируемыми и апперцепируемыми содержаніями сознанія имѣетъ значеніе еще другой моментъ, который проливаетъ свѣтъ на выдающуюся важность апперцептивныхъ процессовъ. Мы исходили изъ того, что для насъ необычайно трудно воспринять рядъ ударовъ маятника, какъ совершенно равныхъ, такъ какъ мы всегда склонны придать имъ извѣстный ритмъ. Это явленіе, очевидно, находится въ связи съ основнымъ свойствомъ апперцепціи, проявляющимся во всѣхъ процессахъ сознанія. Именно, мы не въ состояніи, какъ это хорошо извѣстно и изъ повседневной жизни, постоянно и равномерно направлять наше вниманіе на одинъ и тотъ же предметъ.

Если же мы захотимъ достигнуть этого, то скоро замѣтимъ, что въ апперцепціи даннаго предмета наблюдается постоянная смѣна, при чемъ она то становится интенсивнѣе, то ослабѣваетъ. Если воспринимаемая впечатлѣнія однообразны, то эта смѣна легко можетъ стать періодической. Въ особенности легко возникаетъ такая періодичность въ томъ случаѣ, когда самые внѣшніе процессы, на которые обращено наше вниманіе, протекають періодически. Какъ разъ это и наблюдается при рядѣ тактовъ. Поэтому колебанія вниманія непосредственно связываются въ этомъ случаѣ съ періодами впечатлѣній. Вслѣдствіе этого мы ставимъ удареніе на томъ впечатлѣніи, которое совпадаетъ съ повышеніемъ волны апперцепціи, такъ что равные сами по себѣ удары такта становятся ритмическими. Каковъ именно будетъ ритмъ,—это отчасти зависитъ отъ нашего произвола, а также отъ того, въ какомъ объемѣ стремимся мы связать впечатлѣнія въ одно цѣлое. Если, напр., удары такта слѣдуютъ другъ за другомъ слишкомъ быстро, то это стремленіе къ объединенію легко ведетъ къ сложнымъ ритмическимъ расчлененіямъ, какъ это мы дѣйствительно видѣли выше. Подобныя же отношенія между апперцепируемыми и просто перцепируемыми состояніями сознанія получаютъ также и при другихъ, и, въ особенности, при одновременныхъ впечатлѣніяхъ, лишь въ иной формѣ, смотря по области чувствъ. Если, напр., мы покажемъ въ опытахъ съ тахистоскопомъ короткое слово, то оно схватывается, какъ цѣлое, однимъ актомъ. Если же дать длинное слово, напр., „Wahlverwandtschaften“, то мы легко замѣчаемъ уже при непосредственномъ наблюденіи, что время воспріятія становится длиннѣе и процессъ воспріятія состоитъ

тогда изъ двухъ, иногда даже изъ трехъ очень быстро слѣдующихъ другъ за другомъ актовъ апперцепціи, которые могутъ протекать нѣкоторое время и послѣ момента впечатлѣнія. Еще яснѣе будетъ это слѣдованіе актовъ апперцепціи другъ за другомъ, если вмѣсто слова выбрать предложеніе, приблизительно равное по длинѣ, напр., слѣдующее:

Morgenstunde hat Gold im Munde.

Въ этой фразѣ разложеніе воспріятія на нѣсколько актовъ существенно облегчается раздѣленіемъ фразы на слова. Поэтому при воспріятіи подобной фразы замѣчаются, обыкновенно, три слѣдующихъ другъ за другомъ акта апперцепціи, и лишь при послѣднемъ изъ нихъ мы схватываемъ въ мысли цѣлое. Но и здѣсь это возможно лишь въ томъ случаѣ, если предшествовавшія послѣдней апперцепціи части предложенія еще находятся въ зрительномъ полѣ сознанія. Если же взять настолько длинное предложеніе, что части эти будутъ уже исчезать изъ поля зрѣнія сознанія, то наблюдается то же явленіе, что и при ритмическихъ рядахъ тактовъ, выходящихъ за границы возможныхъ ритмическихъ расчлененій: мы можемъ связать въ заключительномъ актѣ апперцепціи лишь одну часть такого послѣдовательно даннаго цѣлаго. Такимъ образомъ, воспріятіе сложныхъ тактовъ и воспріятіе сложныхъ словъ или предложеній по существу протекаютъ сходно. Различіе заключается лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ апперцепируемое впечатлѣніе соединяется съ предшествовавшимъ, оставшимся въ полѣ перцепціи, впечатлѣніемъ съ помощью ритмическаго дѣленія, во второмъ же случаѣ — съ помощью смысла, объединяющаго части слова или слова. Поэтому весь процессъ отнюдь не

сводится только къ послѣдовательной апперцепціи частей. Вѣдь, предшествовавшія части уже исчезли изъ апперцепціи и стали просто перцепируемыми, и лишь послѣ того онѣ связываются съ послѣднимъ апперцепируемымъ впечатлѣніемъ въ одно цѣлое. Самый же процессъ связыванія совершается въ единомъ и мгновенномъ актѣ апперцепціи. Отсюда вытекаетъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ объединенія болѣе или менѣе значительнаго комплекса элементовъ связующей эти элементы функціей является апперцепція, при чемъ она, въ общемъ, всегда связываетъ непосредственно апперцепируемыя части цѣлаго съ примыкающими къ нимъ только перцепируемыми частями. Поэтому большое значеніе отношеній между обѣими функціями, перцепціей и апперцепціей, заключается въ высшей степени богатомъ разнообразіи этихъ отношеній и въ томъ приспособленіи къ потребностямъ нашей душевной жизни, которое находитъ себѣ выраженіе въ этомъ разнообразіи. Апперцепція то сосредоточивается на одной узкой области, при чемъ безконечное разнообразіе другихъ воздѣйствующихъ впечатлѣній совершенно исчезаетъ изъ сознанія, то—съ помощью обусловленнаго ритмической (*oszillatorisch*) природой ея функціи расчлененія ея послѣдовательныхъ содержаній—переплетаетъ своими нитями обширную, занимающую все поле сознанія, ткань психическихъ содержаній. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ апперцепція остается функціей единства, связующей всѣ эти разнообразныя содержанія въ упорядоченное цѣлое, процессы же перцепціи противостоятъ ей до извѣстной степени, какъ центробѣжныя и подчиненныя ей. Процессы апперцепціи и перцепціи, взятыя вмѣстѣ, образуютъ цѣлое нашей душевной жизни.

II. Элементы сознания.

До сихъ поръ мы рассматривали сознание прежде всего лишь въ его общихъ формальныхъ свойствахъ, какъ они проявляются въ его объемѣ, въ различныхъ степеняхъ ясности его содержаній, наконецъ, въ связанныхъ съ этимъ отношеніяхъ перцепціи и апперцепціи. Вслѣдъ за этимъ самъ собою возникаетъ вопросъ: каковы же тѣ содержанія, которыя даются намъ въ этихъ формахъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ прежде всего ставитъ предъ нами ту задачу, что мы должны дать отчетъ о послѣднихъ, далѣе неразлагаемыхъ составныхъ частяхъ этихъ содержаній. Эти послѣднія составныя части называютъ обыкновенно элементами. Первою задачей всякой науки, изслѣдующей факты, является указаніе элементовъ и затѣмъ — изысканіе законовъ, по которымъ эти элементы сочетаются другъ съ другомъ. Задача психологіи, такимъ образомъ, сводится къ двумъ проблемамъ: каковы элементы сознания? Какія сочетанія образуютъ эти элементы и по какимъ законамъ?

Если мы сочетаніе элементовъ назовемъ, въ отличіе отъ простыхъ изолированныхъ элементовъ, психическимъ образованіемъ, то взаимное отношеніе образованій и элементовъ можно будетъ легко пояснить на повседневныхъ примѣрахъ. Обратимся

опять къ нашимъ опытамъ съ метрономомъ. Воздѣйствіе отдѣльнаго удара маятника, послѣ котораго мы тотчасъ же остановимъ метрономъ, представляетъ собою психическій элементъ. Такой отдѣльный ударъ маятника, далѣе, въ общемъ неразложимъ, если только (въ данномъ случаѣ легко достигнуть этого) мы отвлечемся отъ того, что слышимъ этотъ звукъ идущимъ изъ какого-либо направленія пространства и т. п. Но если на насъ будутъ воздѣйствовать два удара такта, то они конституируютъ уже психическое образованіе. Это образованіе будетъ становиться все болѣе сложнымъ, по мѣрѣ того, какъ мы будемъ включать въ ряды тактовъ большее число ударовъ и, можетъ быть, такъ же усложнять рядъ съ помощью удареній различной силы, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ $\frac{2}{8}$ и $\frac{4}{4}$ тактовъ. Такой элементъ сознанія, какъ отдѣльный ударъ такта, называется ощущеніемъ, а соединеніе такихъ элементовъ въ болѣе или менѣе сложный тактъ — представленіемъ. Впрочемъ, еще и въ настоящее время многіе психологи обозначаютъ словомъ „представленіе“ лишь тѣ образованія, которыя не вызваны непосредственными внѣшними впечатлѣніями, т.-е. лишь такъ называемые „образы воспоминанія“; представленія же, обусловленныя идущими извнѣ впечатлѣніями органовъ чувствъ, называются въ этомъ случаѣ „воспріятіями“. Но съ чисто психологической точки зрѣнія это различіе не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ вообще нѣтъ какихъ-либо общезначимыхъ различій между образами воспоминанія и такъ называемыми воспріятіями органовъ чувствъ. Образы, возникающіе во время сновидѣній, обыкновенно бываютъ столь же живыми, какъ и воспріятія органовъ чувствъ въ бодрственномъ состояніи, по-

чему они сплошь и рядомъ принимаются нами за дѣйствительно пережитыя событія. Кромѣ того, слово „представленіе“ очень хорошо передаетъ существенный, всѣмъ этимъ образованіямъ свойственный признакъ: мы какъ бы ставимъ ихъ передъ собою, т.-е. выносимъ ихъ вовнѣ. Но и тѣ ощущенія и возникающія изъ нихъ образованія, которыя,—въ виду того, что они локализируются въ нашемъ собственномъ тѣлѣ,—называютъ обыкновенно органическими ощущеніями, или общимъ чувствомъ (напр., чувство мускульнаго утомленія, ощущенія боли или тяжести во внутреннихъ органахъ и т. п.), мы также воспринимаемъ, какъ относящіяся въ этомъ смыслѣ ко внѣшнему міру. Въ противоположность этимъ элементамъ осязательнаго и общаго чувствъ, сводящимся къ довольно однообразнымъ ощущеніямъ давленія, тепла, холода, боли, спеціальныя чувства слуха, зрѣнія, запаха, вкуса даютъ массу ощущеній, изъ которыхъ каждое обладаетъ своеобразнымъ, только ему свойственнымъ, качествомъ ощущенія. Каждое такое качество можетъ имѣть различныя степени силы. Такъ, напр., отдѣльный ударъ такта, оставаясь неизмѣннымъ по качеству, можетъ имѣть весьма различную интенсивность.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ ощущенія и представленія находятся другъ съ другомъ въ томъ же отношеніи, которое было выше объяснено на примѣрѣ ударовъ маятника. Такъ, зеленый, красный, бѣлый или черный цвѣтъ мы называемъ зрительными ощущеніями, а зеленую поверхность, черное тѣло—зрительнымъ представленіемъ. Отношеніе при этомъ остается тѣмъ же, что и между отдѣльнымъ ударомъ такта и рядомъ тактовъ; разница лишь въ томъ, что въ этомъ случаѣ соединеніе многихъ ощущеній въ

одно представленіе плоскости или тѣла происходитъ болѣе непосредственно, такъ что установленіе понятія ощущенія требуетъ болѣе старательной абстракціи отъ этого соединенія въ образованія, въ представленіе. Но такъ какъ представленія плоскостей и тѣлъ могутъ измѣняться любымъ образомъ, тогда какъ цвѣтъ плоскости или тѣла остается тѣмъ же самымъ, то и въ этомъ случаѣ мы невольно начинаемъ выдѣлять этотъ остающійся неизмѣннымъ при всѣхъ измѣненіяхъ сочетаній элементъ, какъ простое ощущеніе. Подобнымъ же образомъ и простой тонъ мы разсматриваемъ, какъ слуховое ощущеніе, состоящій же изъ многихъ тоновъ звукъ или же аккордъ—какъ слуховое представленіе и т. д. Если мы слышимъ тона въ мелодической или ритмической связи, то возникаютъ представленія все возрастающей сложности; равнымъ образомъ и многія относительно болѣе простыя зрительныя представленія могутъ соединяться въ болѣе обширныя по объему одновременно или послѣдовательно данныя единства. Въ особенности чувства зрѣнія и слуха порождаютъ такимъ образомъ въ высшей степени разнообразныя и богатыя комбинаціи, во-первыхъ, качествъ простыхъ ощущеній, во-вторыхъ, тѣхъ сплетеній представленій, въ которыя могутъ соединяться эти ощущенія. Такъ, напр., уже простой рядъ тоновъ, начиная отъ самаго низкаго и до самаго высокаго изъ различаемыхъ нами тоновъ, состоитъ изъ безчисленнаго количества тоновъ, изъ которыхъ наша музыкальная гамма беретъ лишь нѣкоторыя, сравнительно большими интервалами отдѣленные другъ отъ друга тона. Музыкальные же звуки представляютъ собою сочетанія большого числа такихъ простыхъ ощущеній тона, а такъ называемыя созвучія отличаются отъ

звукѡвъ тѣмъ, что нѣкоторые изъ обертоновъ звучать въ нихъ съ болѣею силою ¹⁾). Болѣе замкнутое, но зато дифференцирующееся по различнымъ направленіямъ разнообразіе порождаетъ простыя цвѣтѡвыя ощущенія. Такъ, напр., красный цвѣтъ, съ одной стороны, переходитъ черезъ цѣлый рядъ оттѣнковъ въ оранжевый и затѣмъ въ желтый цвѣтъ, съ другой же стороны, точно такъ же черезъ цѣлый рядъ постепенныхъ оттѣнковъ онъ переходитъ черезъ болѣе блѣдныя тона въ бѣлый и черезъ болѣе темныя—въ черный цвѣта.

Представленія этой области нашихъ ощущеній положительно неисчерпаемы. Стоитъ лишь подумать о разнообразнѣйшихъ формахъ поверхностей и тѣлъ и о различіи разстояній и направленій, въ которыхъ мы воспринимаемъ предметы, чтобы намъ стало до очевидности яснымъ, что установить какія-либо границы въ этомъ отношеніи рѣшительно невозможно. Можно сказать, что богатство ощущеній и представленій, доставляемыхъ каждымъ изъ нашихъ чувствъ, находится въ тѣсной зависимости отъ разстоянія тѣхъ предметовъ, которые они дѣлаютъ доступными нашему сознанію. Наиболѣе узка сфера связанныхъ съ нашимъ тѣломъ осязательныхъ впечатлѣній и впечатлѣній общаго чувства. Близка къ ней по объему сфера ощущеній обоихъ такъ называемыхъ химическихъ чувствъ, вкуса и обонянія, выполняющихъ еще и у человѣка присущую имъ на всѣхъ степеняхъ животнаго царства важную функцію вспомогательныхъ органовъ и органовъ защиты при выборѣ пищи. Значительно дальше достигаютъ ощу-

1) Ср. *Wundt*. Vorlesungen über Menschen- und Tierseele. 4-e Auflage, 1906 г., стр. 84; или *Вундтъ*. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. Спб., 1894 г., стр. 72.

щенія и представленія слуха; такъ какъ съ помощью его наше сознание приходитъ въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ въ языкѣ, пѣни и музыкѣ. Наконецъ, зрѣніе, это по преимуществу на разстояніи воспринимающее чувство, даетъ форму и содержаніе общей картинѣ внѣшняго міра.

Но какъ ни различны могутъ быть качества ощущеній и формы представленій, въ одномъ пунктѣ всѣ эти элементы и образованія сходятся: они относятся къ объективному міру, къ вещамъ и процессамъ внѣ насъ, къ ихъ свойствамъ, соединеніямъ и отношеніямъ, такъ какъ даже наше собственное тѣло, которому принадлежатъ наши осязательныя и органическія ощущенія, само представляетъ собою относительно нашего сознания часть внѣшняго міра, хотя и самую близкую. Поэтому возникаетъ вопросъ: являются ли эти объективные элементы и образованія вообще единственными содержаніями сознания? Или, другими словами: существуютъ ли лишь такія психическія содержанія, которыя мы относимъ во внѣшній міръ, или же, кромѣ этого представляющагося въ нашемъ сознаниіи внѣшняго міра, существуютъ и другіе элементы, которые мы постигаемъ уже не какъ противостоящіе намъ объекты или ихъ свойства?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, вновь прибѣгнемъ къ помощи метронома. Если мы выберемъ интервалы средней величины, напр., въ $\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ секунды, и ритмизируемъ такой рядъ тактовъ вышеописаннымъ образомъ путемъ произвольнаго ударенія отдѣльныхъ ударовъ такта, то каждый отдѣльный ударъ будетъ представлять собою, какъ выше замѣчено, ощущеніе, а цѣлый тактъ—представленіе. Въ то же время, при воздѣйствіи такого ритмиче-

скаго цѣлаго, мы наблюдаемъ явленія, которыя не содержатся въ томъ, что мы называли ощущеніемъ и представленіемъ. Прежде всего при окончаніи такого ряда тактовъ мы получаемъ впечатлѣніе нравящагося намъ цѣлаго. Если бы мы захотѣли ближе опредѣлить это понятіе того, что намъ нравится, то намъ пришлось бы обозначить его, какъ субъективное чувствованіе удовольствія, порождаемое внѣшними впечатлѣніями, которыя именно поэтому мы называемъ нравящимися намъ. Такимъ образомъ; это понятіе состоитъ изъ двухъ составныхъ частей: изъ объективнаго представленія, — въ данномъ случаѣ ряда тактовъ, — и изъ субъективнаго чувствованія удовольствія. Ясно, что это чувствованіе удовольствія, само по себѣ взятое, не содержится ни во внѣшнемъ впечатлѣніи ряда тактовъ, ни въ томъ, что мы называемъ его представленіемъ; оно являетъ собою нѣкоторый привходящій субъективный элементъ. Это доказывается также тѣмъ, что оно не проецируется вовнѣ, но воспринимается непосредственно, какъ реакція нашего сознанія или скорѣе же, какъ мы уже напередъ выразимся болѣе подходящимъ терминомъ, нашей апперцепціи. Субъективность чувствованія удовольствія сказывается также въ относительной независимости его отъ объективныхъ свойствъ впечатлѣнія. Такъ какъ при столь простомъ образованіи, какъ ритмическій рядъ тактовъ, чувствованіе удовольствія бываетъ обыкновенно очень умѣреннымъ, то при этомъ легко можно замѣтить, что у многихъ индивидуумовъ возникающее при этомъ чувствованіе удовольствія совершенно опускается подъ порогъ сознанія, такъ что они воспринимаютъ тогда уже лишь объективныя свойства такта, тогда какъ у другихъ лицъ эта субъективная реак-

ція удовольствія прорупааетъ весьма опредѣленно. Какъ извѣстно, это чувствованіе удовольствія становится болѣе интенсивнымъ лишь при соединеніи ритмическаго такта съ гармонической послѣдовательностью тоновъ въ мелодическое цѣлое. Но при возникающемъ такимъ образомъ наслажденіи, доставляемомъ мелодіей, едва ли уже можно отрицать индивидуальное сознаніе. Однако какъ разъ въ этомъ случаѣ мы замѣчаемъ, что степень чувствованія удовольствія при воспріятіи одной и той же мелодіи можетъ въ высшей степени варіировать у различныхъ индивидуумовъ; это субъективное различіе все болѣе увеличивается по мѣрѣ усложненія строенія мелодіи. Очень сложное музыкальное произведеніе можетъ привести въ величайшее восхищеніе музыкально образованнаго человѣка и оставить совершенно холоднымъ профана. Напротивъ, профану въ музыкѣ, быть можетъ, доставитъ удовольствіе самая простая мелодія, которую музыкантъ сочтетъ тривіальной и отталкивающей. Поэтому во всѣхъ этихъ случаяхъ чувствованіе удовольствія, связанное съ извѣстными ощущеніями и представленіями, будетъ субъективнымъ элементомъ, зависящимъ не только отъ впечатлѣнія самого по себѣ взятаго, но прежде всего, всегда и даже главнымъ образомъ отъ впечатлѣнія воспринимающаго субъекта. Отрицательнымъ образомъ этотъ субъективный характеръ сказывается уже въ томъ, что это чувствованіе удовольствія не проецируется вовнѣ, какъ ни тѣсно можетъ оно быть связаннымъ съ относящимися ко внѣшнему міру представленіями.

Но чувствованія удовольствія не единственное, что мы наблюдаемъ при нашихъ простыхъ опытахъ съ маятникомъ метронома. Если мы попытаемся пред-

ставить себѣ возможно точнѣе состояніе сознанія въ промежуткѣ между двумя ударами такта извѣстнаго ритмическаго ряда, то замѣтимъ, что мы схватываемъ равенство двухъ интерваловъ въ силу субъективнаго процесса, одинаковымъ образомъ протекающаго въ каждый изъ сравниваемыхъ промежутковъ времени и обусловливающаго, такимъ образомъ, впечатлѣніе ихъ совпаденія. Въ повседневной жизни воспринимаемыя въ этомъ случаѣ явленія обозначаются, обыкновенно, какъ смѣна „ожиданія“ и „исполненія“. Если мы ближе прослѣдимъ эти явленія, то замѣтимъ, что процессъ ожиданія въ этомъ случаѣ все время закономѣрно измѣняется. Въ моментъ, непосредственно слѣдующій за однимъ ударомъ, ожиданіе направляется на слѣдующій ударъ и, пока онъ дѣйствительно не наступитъ, все время возрастаетъ. Въ моментъ же новаго удара маятника это напряженное ожиданіе смѣняется чувствомъ исполненія ожиданія, затѣмъ весь процессъ повторяется снова. Если ритмъ въ силу удареній различной степени становится сложнѣе, то усложняются соотвѣтствующимъ образомъ и эти субъективные процессы, при чемъ переплетаются другъ съ другомъ многіе подобные процессы ожиданія и исполненія.

Въ чемъ же состоятъ эти процессы, часто встрѣчающіеся намъ и въ другихъ случаяхъ, хотя и не въ столь закономѣрной смѣнѣ, какъ при воздѣйствіи ритма? Ясно само собою, что ожиданіе, равно какъ и исполненіе, отнюдь не является связаннымъ съ самымъ объективнымъ впечатлѣніемъ элементомъ. Эти процессы могутъ субъективно варіироваться не менѣе, чѣмъ наслажденіе отъ воспріятія ритмическаго ряда тактовъ или мелодіи. Поэтому всѣ сходятся въ томъ, что эти своеобразные элементы сознанія возникаютъ

не внѣ насъ, а въ насъ. Возможно еще предположить въ этомъ случаѣ, что носителями этихъ субъективныхъ явленій ожиданія являются ощущенія, которыя при вслушиваніи въ рядъ тактовъ частью воспринимаются внутри уха чрезъ натяженіе барабанной перепонки, частью въ примыкающихъ къ ней мимическихъ мускулахъ. При ожиданіи зрительныхъ впечатлѣній этимъ ощущеніямъ соотвѣтствуютъ подобныя же ощущенія въ глазу. Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи это допущеніе по многимъ основаніямъ неприемлемо. Во-первыхъ, эти ощущенія остаются во время состоянія ожиданія, насколько можно замѣтить, относительно неизмѣнными по силѣ, въ нихъ не замѣтно и слѣда правильно чередующихся другъ съ другомъ напряженнаго ожиданія и внезапнаго перехода въ противоположное состояніе, какъ это мы наблюдали при экспериментахъ съ ритмами. Во-вторыхъ, мы можемъ вызвать совершенно такія же ощущенія въ ухѣ или около уха или въ окружности глаза, или произвольно, — не находясь въ состояніи ожиданія, — напрягая соотвѣтствующіе мускулы, или возбуждая ихъ электрическимъ токомъ средней силы: въ обоихъ случаяхъ характерный элементъ ожиданія отсутствуетъ совершенно. Наконецъ, ясно, что сведеніе этихъ явленій къ однообразнымъ мускульнымъ ощущеніямъ сдѣлало бы невозможнымъ объясненіе того переплетенія состояній ожиданія различной силы и различной длительности, которое мы наблюдали, напр., при болѣе сложныхъ ритмическихъ рядахъ тактовъ или можемъ наблюдать въ сложныхъ душевныхъ состояніяхъ, вызываемыхъ интеллектуальными процессами. Какимъ образомъ ощущенія, даваемая мускуломъ, натягивающимъ барабанную перепонку (*tensor tympani*), или мускулатурою глаза

при фиксаціи, могутъ объяснить намъ сильное чувство ожиданія, возбуждаемое увлекательно написаннымъ романомъ или захватывающей драмой? Если мы примемъ къ тому же во вниманіе, что эти состоянія совершенно такъ же субъективны и зависятъ отъ индивидуальныхъ особенностей сознанія, какъ и чувствованіе удовольствія, возбуждаемое нравящимся намъ ритмомъ, то намъ станетъ до очевидности яснымъ, что эти состоянія (для краткости обозначаютъ ихъ, какъ контрастирующія состоянія на напряженія и разряда) можно съ одинаковымъ правомъ назвать чувствованіями. И всюду, гдѣ они наблюдаются, они въ качествѣ субъективныхъ реакцій сознанія сопровождаютъ ощущенія и представленія, но не бываютъ тождественными съ послѣдними.

При средней скорости ударовъ метронома чувствованія удовольствія, напряженія и разряда появлялись въ тѣсной связи другъ съ другомъ, какъ состоянія сознанія, правильно чередующіяся вмѣстѣ съ ритмическими впечатлѣніями. Но при измѣненіяхъ скорости движенія маятника отношеніе между этими видами чувствованій существенно измѣняется. Если мы возьмемъ интервалъ въ $2\frac{1}{2}$ —3 секунды, то напряженіе и разрядъ еще чувствуются, какъ и прежде; мало того, чувствованія эти проступаютъ даже яснѣе прежняго, такъ какъ напряженіе при болѣшихъ интервалахъ становится болѣе интенсивнымъ. Но въ то же время вмѣстѣ съ увеличеніемъ интерваловъ замѣтно ослабѣваетъ чувствованіе удовольствія, и очень скоро мы достигаемъ той границы, гдѣ чувствованіе напряженія при ожиданіи становится уже мучительнымъ. Такимъ образомъ, чувствованіе удовольствія переходитъ здѣсь въ чувствованіе неудовольствія, при чемъ послѣднее

въ свою очередь тѣсно связывается съ чувствованіями напряженія и разряда. Если мы будемъ измѣнять величину интерваловъ въ противоположную сторону, такъ что удары маятника будутъ слѣдовать другъ за другомъ черезъ промежутокъ въ $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{4}$ секунды, то чувствованія напряженія и разряда исчезаютъ. вмѣсто нихъ появляется все возрастающее вмѣстѣ со скоростью впечатлѣній возбужденіе, къ которому присоединяется еще болѣе или менѣе живое чувство недовольствія. Къ прежде найденнымъ чувствованіямъ присоединяется, слѣдовательно, еще одно, которое всего лучше назвать возбужденіемъ. Это чувство хорошо извѣстно намъ изъ повседневной жизни даже въ наиболѣе сложныхъ своихъ формахъ, такъ какъ оно, очевидно, является существенной составною частью многихъ аффектовъ, напр., гнѣва, возбужденной радости и т. д. Съ помощью тѣхъ же простыхъ средствъ можно тотчасъ вызвать чувство, противоположное возбужденію, если неожиданно измѣнить скорость движенія маятника вновь на среднюю. Такое измѣненіе скорости всегда сопровождается яснымъ чувствованіемъ успокоенія.

Такимъ образомъ, эксперименты съ метрономомъ познакомили насъ съ тремя парами чувствованій: удовольствіе и недовольствіе, напряженіе и разрядъ, возбужденіе и успокоеніе. Въ тоже время для насъ стало яснымъ, что каждая изъ этихъ формъ чувствованій лишь крайне рѣдко наблюдается въ изолированномъ видѣ, по большей же части многія формы чувствованій сочетаются въ одно цѣлое. Такое сочетаніе чувствованій мы можемъ назвать цѣльнымъ чувствованіемъ (Totalgefühl), а отдѣльныя чувствованія—частичными (Partialge-

föhle), при чемъ ясно, что отношеніе между ними совершенно подобно отношенію между представленіями и простыми ощущеніями. Кроме того, замѣтимъ, что каждая изъ контрастирующихъ паръ чувствованій, напр., удовольствіе и неудовольствіе, могутъ уравнивать другъ друга, такъ что возможно приблизительно свободное отъ чувствованій состояніе. Съ другой стороны, впрочемъ, въ виду того, что очень часто въ цѣльное чувствованіе соединяются весьма многія формы чувствованія, могутъ встрѣтиться другъ съ другомъ, — въ особенности, въ болѣе сложныхъ душевныхъ состояніяхъ, — какъ разъ контрастирующія чувствованія; поэтому они не при всѣхъ обстоятельствахъ компенсируютъ другъ друга и иногда соединяются какъ разъ въ контрастирующія сочетанія. Простые случаи такихъ состояній, „раздвоенныхъ настроеній“, какъ они удачно называются и въ повседневной жизни, мы можемъ въ простой формѣ установить уже съ помощью нашихъ экспериментовъ съ метрономомъ, если, напр., мы выберемъ такую послѣдовательность тактовъ, что напряженіе уже начинаетъ становиться мучительнымъ, а предшествующій разрядъ еще возбуждаетъ чувствованіе удовольствія, равно какъ и направленное на послѣдующій разрядъ напряженіе.

Если мы перейдемъ отъ ритмическихъ слуховыхъ впечатлѣній къ любой другой области ощущеній, то вездѣ встрѣтимся съ тѣми же тремя парами чувствованій, которыя были показаны съ помощью метронома. Въ особенности бросается при этомъ въ глаза постоянно по тѣмъ же направленіямъ идущій характеръ чувствованій, если слѣдующія другъ за другомъ впечатлѣнія будутъ вызывать контрастирующія чувствованія. Такъ, красный цвѣтъ дѣйствуетъ воз-

буждающимъ образомъ, синій же въ сравненіи съ нимъ, успокаивающимъ. Не менѣе контрастируютъ другъ съ другомъ низкій и высокій тоны; въ то же время контрастъ чувствованій здѣсь имѣетъ смѣшанный характеръ, какъ это показываютъ выраженія „серьезный“, „торжественный“ для низкихъ и „радостный“, „возбужденный“ для высокихъ тоновъ. Такимъ образомъ, чувствованія удовольствія и неудовольствія, по всей видимости, соединяются при низкихъ тонахъ въ цѣльное впечатлѣніе серьезности, къ которому присоединяется еще, когда именно низкій звукъ контрастируетъ съ предшествующими высокими тонами, чувствованіе успокоенія.

Чувствованія, связанныя съ осязательными, обонятельными и вкусовыми впечатлѣніями, въ общемъ, однообразнѣе и проще. Здѣсь, напр., противостоятъ другъ другу сильное чувствованіе неудовольствія при боли и чувствованіе удовольствія при легкомъ щекотаніи. Точно такъ же противостоятъ другъ другу пріятное впечатлѣніе сладкаго и непріятное интенсивнаго горькаго или кислаго вкуса и т. д. Но уже многіе запахи бываютъ болѣе сложны: такъ, напр., пріятные и въ то же время возбуждающіе, напр., ментоль-эаиръ, или непріятные и возбуждающіе, какъ аммоніакъ, *Asa foetida*. И органическія или общія ощущенія часто бываютъ смѣшаннаго характера, но преимущественно они связаны съ чувствованіями удовольствія или неудовольствія.

Важно, наконецъ, то свойство чувствованій, что они соединяются въ теченіе чувствованій, которое обыкновенно бываетъ связано съ теченіемъ представленій. Длительный процессъ такого рода со смѣняющимися, но связанными другъ съ другомъ содержаніями чувствованій и представленій мы на-

зывается аффектами, болѣе же длительный процессъ такого рода, но болѣе слабый по силѣ — настроеніемъ. Такъ, напр., радость, удовольствіе, веселость, надежды будутъ аффектами съ преобладающимъ чувствованіемъ удовольствія, а гнѣвъ, печаль, забота, страхъ — аффектами съ преобладающимъ оттенкомъ неудовольствія. Сверхъ того, въ оба эти ряда аффектовъ входятъ въ качествѣ ясно различаемыхъ составныхъ частей чувствованія напряженія и разряда, возбужденія и успокоенія, послѣднія въ особенности въ связи съ чувствованіемъ неудовольствія; и тогда мы называемъ эти чувствованія подавляющими (*deprimierende*). Такъ, радость и гнѣвъ будутъ возбуждающими аффектами, печаль и страхъ — подавляющими, надежда, забота, страхъ — аффектами напряженія, въ моментъ же наступленія ожидаемаго событія или при исчезновеніи аффекта страха появляется интенсивное чувствованіе разряда. Многіе аффекты отличаются, кромѣ того, колеблющимся, измѣняющимся то по интенсивности, то качественно теченіемъ чувствованій. Такъ, въ особенности для гнѣва, надежды, заботы характерны колебанія въ интенсивности; въ надеждѣ, страхѣ и заботѣ часто также замѣтны бываютъ и качественныя колебанія: надежда и забота смѣняются другъ друга и тогда, по большей части, усиливаютъ другъ друга въ силу этого контраста. Въ особенности въ аффектахъ мы можемъ наблюдать это теченіе чувствованій также и объективно на движеніяхъ мимическихъ мускуловъ лица, а при сильныхъ аффектахъ также и на движеніяхъ прочихъ мускуловъ тѣла. Эти мимическія и пантомимическія такъ называемыя „выразительныя движенія“ постоянно связаны съ характерными измѣненіями въ біеніи сердца и дыхательныхъ дви-

женіяхъ; такъ какъ эти измѣненія можно наблюдать и при самыхъ слабыхъ аффектахъ и даже при простыхъ, несвязанныхъ въ теченіе аффекта чувствованіяхъ, то они являются самыми надежными показателями этихъ субъективныхъ процессовъ. Къ этимъ измѣненіямъ относятся также и часто наблюдаемыя при аффектѣ суженія и расширенія капиллярныхъ сосудовъ, въ особенности лица; напр., покраснѣніе при стыдѣ или гнѣвѣ, поблѣднѣніе при страхѣ и испугѣ.

Съ аффектами тѣсно связанъ слѣдующій классъ важныхъ сложныхъ длительныхъ процессовъ — волевые процессы. Часто еще и въ наше время принимаютъ волю за особый специфическій психическій элементъ, или же сущность ея усматривается въ представленіи дѣйствія съ извѣстнымъ намѣреніемъ. Болѣе точное изслѣдованіе волевого процесса по его субъективнымъ и объективнымъ признакамъ показываетъ однако, что онъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ аффектами и поэтому можетъ на ряду съ ними считаться теченіемъ чувствованій. Нѣтъ ни одного акта воли, въ который не входили бы болѣе или менѣе интенсивныя чувствованія, соединяющіяся въ аффектъ. Характерное отличіе волевого процесса отъ аффекта заключается, въ сущности, лишь въ конечной стадіи непосредственно предшествующаго волевому дѣйствію и сопровождающаго его процесса. Если эта конечная стадія отпадаетъ, то остается чистый аффектъ. Такъ, напр., мы говоримъ объ аффектѣ гнѣва, если человѣкъ выказываетъ свое гнѣвное возбужденіе только въ выразительныхъ движеніяхъ; напротивъ, мы говоримъ о дѣйствіи подъ вліяніемъ аффекта, если человѣкъ въ гнѣвѣ, напр., свалить своего противника ударомъ

на поль. Во многихъ случаяхъ афффекты и ихъ содержанія чувствованій, образующія конституирующія составныя части волевого процесса, бывають слабѣе, но совсѣмъ они никогда не отсутствуютъ. Произвольное дѣйствіе безъ аффекта, на основаніи чисто интеллектуальнаго обсужденія, какъ оно допускалось многими философами, вообще невозможно. Но волевые процессы, конечно, отличаются при этомъ отъ обыкновенныхъ аффектовъ нѣкоторыми признаками, придающими волѣ ея своеобразный характеръ. Во-первыхъ, опредѣленныя, входящія въ волевой процессъ, представленія, болѣе или менѣе окрашенныя въ чувствованія, находятся въ непосредственной связи съ конечной стадіей, волевымъ поступкомъ, и послѣдній готовится этою связью. Мы называемъ такія подготовляющія, связанныя съ чувствованіями, представленія мотивами или „побудительными причинами“ дѣйствія, „побужденіями“ къ поступку. Во-вторыхъ, эта конечная стадія состоитъ изъ характерныхъ чувствованій, которыя повторяются при всѣхъ волевыхъ явленіяхъ въ сходной по существу формѣ. Обыкновенно мы называемъ ихъ чувствованіями дѣятельности, активности. Они слагаются, — какъ это показываютъ болѣе тщательный субъективный анализъ и сопровождающіе эти чувствованія объективные симптомы выраженія, въ особенности, дыхательныя движенія, — изъ чувствованій возбужденія, напряженія и разряда. При этомъ возбужденіе и напряженіе предшествуютъ заключительному дѣйствію, разрядъ въ связи съ возбужденіемъ сопровождаетъ его и продолжается еще нѣкоторое время спустя. Рѣшающее вліяніе на характеръ волевыхъ процессовъ оказываетъ, въ особенности, количество мотивовъ и ихъ воздѣйствіе другъ на друга.

Если налицо имѣется лишь одинъ мотивъ, подготовляющій аффектъ и его разрѣшеніе въ дѣйствіе, то мы называемъ такой волевой процессъ дѣйствіемъ по влеченію. Дѣйствія животныхъ, повидимому, почти всѣ являются такого рода простыми волевыми дѣйствіями. Но и въ душевной жизни человѣка они играютъ весьма важную роль, сопровождая болѣе сложные волевые процессы, и эти сложные процессы очень часто возникаютъ изъ дѣйствій по влеченію, когда послѣднія повторяются. Дѣйствія, возникающія изъ многихъ борющихся другъ съ другомъ сильно окрашенныхъ чувствованіями мотивовъ, мы называемъ, напротивъ, произвольными дѣйствіями или, если мы вполне сознаемъ предшествовавшую борьбу противоположныхъ мотивовъ, дѣйствіями по выбору. Это усложненіе мотивовъ, обыкновенно, обуславливаетъ и нѣкоторое измѣненіе въ особенности характерной для волевыхъ процессовъ конечной стадіи. Весь процессъ протекаетъ быстрѣе, заключительныя же чувствованія возбужденія, напряженія и разряда, при влеченіяхъ занимающія, по большей части, очень короткій промежутокъ времени, протекаютъ при произвольныхъ дѣйствіяхъ и, въ особенности при дѣйствіяхъ по выбору болѣе длительно, и теченіе ихъ при этомъ бываетъ то болѣе быстрымъ, то болѣе медленнымъ. То же самое можно наблюдать и въ такихъ сложныхъ волевыхъ дѣйствіяхъ, которыя не проявляются вовнѣ въ тѣхъ или другихъ движеніяхъ тѣла, но порождаютъ измѣненія въ теченіи лишь процессовъ сознанія. Подобнаго рода внутреннія волевыя дѣйствія мы наблюдаемъ прежде всего при произвольномъ напряженіи вниманія, при обусловленномъ опредѣленными мотивами направленіи мышленія и т. д.

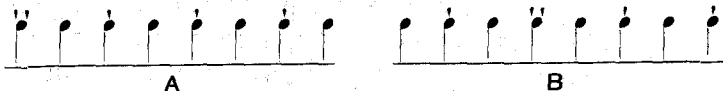
Если мы ближе всмотримся въ чувствованія возбужденія, напряженія и разряда, изъ которыхъ слагаются эти внутреннія волевья дѣйствія, то сейчасъ же замѣтимъ большое ихъ сходство съ процессами, сопровождающими апперцепцію впечатлѣнія или же представленія, возникающаго въ сознаниі въ силу воспоминаній. На ряду съ смѣняющимися ощущеніями мы видимъ обнимаемые однимъ общимъ названіемъ „чувствованій дѣятельности“ элементы, которые, съ одной стороны, являются существенной составной частью дѣйствій по влеченію и произвольныхъ дѣйствій, съ другой—процессовъ вниманія и апперцепціи. Эти процессы сходны другъ съ другомъ также и въ томъ, что въ соотвѣтствіи съ дѣйствіями по влеченію и произвольными бываютъ и различныя формы апперцепціи. Если мы воспринимаемъ впечатлѣніе, которое дано намъ помимо нашего содѣйствія, то вниманіе наше, слѣдуя этому единственному мотиву, обращается на впечатлѣніе до известной степени какъ бы вынужденное къ этому; мы воспринимаемъ впечатлѣніе, какъ можно выразиться, „пассивно“, чувствованіе удовольствія наступаетъ всегда лишь вслѣдъ за впечатлѣніемъ. Напротивъ, если мы обращаемъ вниманіе на ожидаемое впечатлѣніе, то чувствованія напряженія и возбужденія, какъ ясно можно замѣтить, предшествуютъ впечатлѣнію; мы сознаемъ тогда „активную“ апперцепцію. Часто называютъ также эти процессы „непроизвольнымъ“ и „произвольнымъ“ вниманіемъ. Однако эти выраженія нецѣлесообразны, такъ какъ въ дѣйствительности волевые процессы въ обоихъ случаяхъ бываютъ налицо и разнятся, какъ и въ дѣйствіяхъ по влеченію и въ произвольныхъ дѣйствіяхъ, лишь по степени. Ясно безъ дальнѣйшихъ разсужденій, что, въ

виду этого внутренняго средства, самая апперцепція можетъ разсматриваться, какъ элементарный волевой процессъ, который въ то же время бываетъ налицо въ качествѣ существеннаго, всегда вновь проявляющагося въ характерныхъ для воли чувствованіяхъ активности, фактора во всѣхъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ волевыхъ дѣйствіяхъ. Въ этомъ кроется побудительная причина того, что мы считаемъ волю нашимъ сокровеннѣйшимъ, тождественнымъ съ самымъ существомъ нашимъ, достоинствомъ; представленія же противостоятъ волѣ, какъ нѣчто внѣшнее, на что она реагируетъ въ своихъ чувствованіяхъ. Такимъ образомъ, въ послѣдней основѣ своей воля совпадаетъ съ нашимъ „я“; а это „я“ не является ни представленіемъ, ни специфическимъ чувствованіемъ, но заключается въ тѣхъ элементарныхъ волевыхъ процессахъ апперцепціи, которые, постоянно измѣняясь, неуклонно въ то же время сопровождаютъ процессы сознанія и, такимъ образомъ, созидаютъ непреходящій субстратъ нашего самосознанія. Ближайшими внѣшними порожденіями этого „я“ будутъ затѣмъ чувствованія, которыя представляютъ собою не что иное, какъ реакціи апперцепціи на внѣшнія переживанія; дальнѣйшими его порожденіями будутъ самыя эти внѣшнія порожденія, представленія, изъ которыхъ тѣ, которыя всегда присутствуютъ въ нашемъ сознаніи, — представленія нашего собственнаго тѣла, — тѣсно сливаются съ дѣйствующими также и при ихъ воспріятіи волевыми процессами. Поэтому для наивнаго сознанія они сливаются съ нашимъ „я“ въ единство.

Такимъ образомъ, мы видимъ въ аффектахъ, настроеніяхъ и волевыхъ процессахъ такія психическія содержанія, которыя всѣ отличаются другъ отъ друга.

своимъ характернымъ теченіемъ, однако нигдѣ не содержатъ специфическихъ элементовъ, почему всѣ ихъ и всегда можно вновь разложить на тѣ же самыя формы чувствованій. Какъ ни своеобразенъ, въ особенности, волевой процессъ, однако своеобразность его никогда не обусловливается специфическими элементами представленія и чувствованія, но исключительно способомъ сочетанія этихъ элементовъ въ аффекты съ ихъ конечными стадіями, слагающимися опять-таки изъ общихъ формъ чувствованій. Однако остается отвѣтить еще на одинъ вопросъ, который еще не разрѣшенъ путемъ сведенія всѣхъ чувствованій къ вышеупомянутымъ шести главнымъ формамъ чувствованій: удовольствію, неудовольствію, напряженію, разряду, возбужденію и успокоенію. Представляется ли каждая изъ этихъ формъ совершенно обособленной, совершенно одинаковой по качеству, гдѣ бы она ни появлялась вновь? Или же дѣло обстоитъ и здѣсь такъ же, какъ съ отношеніемъ синяго цвѣта къ различнымъ оттѣнкамъ этого цвѣта, т.-е. такъ, что каждая изъ вышеупомянутыхъ основныхъ формъ чувствованій можетъ встрѣчаться не только въ различныхъ степеняхъ интенсивности, но и съ разнообразными качествами? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, вновь обратимся къ нашему метроному, который и здѣсь предоставляетъ намъ ту выгоду, что даетъ возможность наглядно представить проблему съ помощью возможно простого примѣра. Возьмемъ два $\frac{4}{4}$ такта съ различною разстановкою удареній, такую, напр., какая представлена по вышеуказанному методу субъективнаго ритмизированія на фигурахъ А и В. Оба ряда тактовъ содержатъ одинаковое количество повышеній и пониженій съ различною ихъ разстановкою. А даетъ намъ отчет-

ливый примѣръ нисходящаго построенія такта, В—такой же примѣръ сначала восходящаго, затѣмъ нисходящаго такта.

При надлежащей скорости ударовъ метронома можно легко по произволу слышать какъ тотъ, такъ и другой такты въ однообразныхъ ударахъ маятника. Если же нужно, наоборотъ, выбрать одинъ изъ этихъ тактовъ, то слѣдующіе за рядомъ А такты нужно группировать совершенно такъ же, какъ А. То же самое нужно сказать и относительно ряда В. Такое произвольное повтореніе возможно, однако, лишь потому, что при каждомъ послѣднемъ ударѣ такта каждый разъ схватывается все цѣлое, чтобы связывать затѣмъ и слѣдующіе такты совершенно такъ же, какъ мы въ общемъ знаемъ это уже изъ измѣреній объема сознанія. Однако вышеизложенныя наблюденія надъ чувствованіями даютъ намъ важное дополненіе къ прежнимъ наблюденіямъ. Именно они показали намъ, что существенною составною частью такого теченія аффектовъ являются смѣняющіяся чувствованія напряженія и разряда, иногда также возбужденія и успокоенія и, наконецъ, чувствованіе наслажденія, которое мы получаемъ, въ особенности, въ концѣ ряда тактовъ, вслѣдствіе соединенія составныхъ частей его въ ритмически расчлененное цѣлое. Отсюда ясно, что центръ тяжести воздѣйствія чувствованій вообще лежитъ каждый разъ въ концѣ рядовъ тактовъ, ибо тамъ различныя переплетающіяся другъ съ другомъ ритмическія чувствованія соединяются въ цѣлое. Сюда же относится то чув-

ствование, которое при слѣдованіи другъ за другомъ такого рода рядовъ заставляетъ насъ непосредственно воспринимать послѣдующіе ряды, какъ согласующіеся съ предшествующими. Мы апперцепируемъ не предшествующій рядъ самъ по себѣ, такъ какъ большая часть его членовъ отошла уже въ болѣе темное поле зрѣнія сознанія, но то цѣльное чувство, которое связано съ непосредственно апперцепированнымъ конечнымъ членомъ ряда и является, такимъ образомъ, равнодѣйствующей всѣхъ предшествовавшихъ процессовъ чувствованія. Если мы сравнимъ теперь это конечное чувство, которое въ сущности и придаетъ извѣстному ритму его своеобразный аффективный характеръ, представленный у насъ въ двухъ примѣрахъ А и В, то выясняется, насколько оно, съ одной стороны, зависитъ отъ качества и распредѣленія его предшествовавшихъ компонентовъ, а съ другой стороны, насколько оно каждый разъ обладаетъ и специфическимъ качествомъ. Хотя мы и можемъ всегда подвести это качество подъ одно или подъ многія изъ шести основныхъ качествъ, однако этимъ отнюдь не исчерпывается собственное качество конечнаго чувствованія, отличающееся отъ другихъ подобныхъ классовъ. Равнымъ образомъ, нельзя смотрѣть на него, какъ на простую сумму простыхъ чувствованій, связанныхъ съ отдѣльными частями такта. Такъ, напримѣръ, въ рядахъ тактовъ А и В распредѣленные въ нихъ чувствованія напряженія и разряда совершенно одинаковы и отличаются другъ отъ друга развѣ лишь своею относительною силой. Такимъ образомъ, отсюда нельзя было бы понять, почему въ концѣ каждаго подобнаго ряда конечное чувство бываетъ совершенно отличнымъ. Еще болѣе наглядно, чѣмъ при опытахъ съ произвольно

измѣняемымъ ритмическимъ удареніемъ, можно убѣдиться въ этомъ, если мы будемъ выстукивать ряды тактовъ А и В безъ метронома, такъ что ударенія надъ частями тактовъ будутъ поставлены не только субъективно, но и объективно. Если мы при этомъ попросимъ другого наблюдателя сравнить послѣдовательно данные ряды А и В, то въ концѣ каждого ряда онъ получаетъ настолько отличное впечатлѣніе, что не всегда бываетъ въ состояніи съ увѣренностью рѣшить, одинаковой длины эти ряды или одинъ изъ нихъ длиннѣе. Въ то время какъ, слѣдовательно, при повтореніи одинаковыхъ рядовъ тактовъ возможно еще, какъ мы видѣли раньше, схватить, какъ цѣлое, пять подъ рядъ данныхъ четырехдольныхъ тактовъ, при перемѣнѣ ритма, наоборотъ, невозможно болѣе сравненіе одного ряда съ другимъ рядомъ иного ритма. Сконцентрированное на концѣ каждого ряда тактовъ цѣльное чувство обладаетъ при этомъ каждый разъ извѣстной качественной окраской, зависящей отъ свойства ритма, хотя эта своеобразная окраска и совпадаетъ по своей общей формѣ съ возникающимъ при концѣ такта чувствованіемъ наслажденія и разряда предшествующаго ожиданія и напряженія. Эти наблюденія въ то же время существенно дополняютъ полученные прежде результаты относительно соединенія болѣе длинныхъ рядовъ тактовъ. Если мы нашли ранѣе, что констатированіе совпаденія слѣдующаго ряда съ предшествующимъ всегда падаетъ на конечный пунктъ ряда и совершается непосредственно въ единомъ и нераздѣльномъ актѣ апперцепціи, то теперь это явленіе вполнѣ выясняется изъ нераздѣльной природы и мгновеннаго возникновенія конечнаго цѣльнаго чувствованія. Благодаря именно ему

послѣдній ударъ такта извѣстнаго ритмическаго ряда становится представителемъ всего ряда, такъ какъ въ его апперцепціи качество ритмическаго чувствованія, соотвѣтствующаго размѣру такта, концентрируется совершенно адекватнымъ образомъ. Такимъ образомъ, связанные съ представленіемъ качественные отбѣнки чувствованій становятся замѣстителями самыхъ представлений, и эта замѣна пріобрѣтаетъ свое въ высшей степени важное значеніе прежде всего благодаря тому, что—какъ намъ наглядно показали какъ разъ опыты съ ритмомъ—представленія, лежащія въ болѣе темныхъ областяхъ сознанія и ихъ составныя части вновь вступаютъ въ теченіе процессовъ сознанія въ своемъ апперцепціей обусловленномъ эмоціональномъ проявленіи.

То, что было здѣсь пояснено на простомъ примѣрѣ ритма, примѣнимо равнымъ образомъ и къ содержаніямъ представлений всякаго рода. Если мы, соединяя ритмъ съ гармоническою смѣною тоновъ, образуемъ мелодическій мотивъ, то при повтореніи его возникаетъ совершенно тотъ же процессъ, что и при повтореніи несвязаннаго съ мелодіей ряда тактовъ; но качественная равнодѣйствующая этого цѣлаго, которая и въ этомъ случаѣ концентрируется на апперцепціи послѣдняго впечатлѣнія и дѣлаетъ возможнымъ его непосредственное воспризнаніе, въ этомъ случаѣ будетъ гораздо болѣе богатою. Подъ конецъ, однако, и въ этомъ случаѣ цѣлое вновь сгущается въ совершенно нераздѣльное, замкнутое въ себѣ воздѣйствіе чувствованія, и это подготавливается уже въ то время, когда мы слушаемъ мелодическую послѣдовательность тоновъ. Не иначе обстоитъ дѣло и съ любыми иными образованіями представлений. Какъ бы ни было слабо связанное съ ними чувство-

ваніе, однако, благодаря свойствамъ представленія, оно всегда пріобрѣтаетъ качественную окраску, которая въ томъ случаѣ, если нѣтъ другихъ, болѣе живыхъ реакцій чувствованій, проявляется, какъ видоизмѣненіе слабыхъ чувствованій напряженія и возбужденія, сопровождающихъ всѣ процессы сознанія и, въ особенности, процессы апперцепціи. На огромное, часто игнорируемое, значеніе, которое имѣютъ чувствованія для совокупности процессовъ сознанія, именно для процессовъ воспоминанія, познаванія и воспризнанія, равно какъ и для дѣятельности такъ называемыхъ фантазій и разсудка, мы укажемъ ниже, при разсмотрѣніи этихъ различныхъ формъ психическихъ сочетаній. Наконецъ, мы можемъ еще подчеркнуть здѣсь тотъ результатъ, который получается изъ этихъ наблюденій для пониманія природы чувствованій. Если выше чувствованія, какъ состоянія, относимыя нами къ субъекту были названы субъективными реакціями сознанія, то обозначеніе это, какъ мы видимъ теперь, хотя и вѣрно, однако недостаточно. Психическое значеніе придаетъ извѣстному чувствованію, возникающему изъ какихъ-либо объективныхъ содержаній, не отношеніе его къ сознанію вообще, но его тѣсная связь съ апперцепціонными процессами. Чувствованіе, — какъ это при опытахъ съ ритмами ясно видно въ его возникновеніи изъ предшествовавшихъ впечатлѣній, — всегда связано съ актомъ апперцепціи. Поэтому его можно разсматривать, какъ специфическій видъ реакціи апперцепціи на содержанія сознанія, стояція въ связи съ непосредственно апперцепируемымъ впечатлѣніемъ.

Съ этимъ стоятъ въ связи еще два послѣдніе вопроса. Какимъ образомъ пріобрѣтаютъ чувствованія

свойство выступать всегда въ контрастирующихъ парахъ, на примѣръ, удовольствія и неудовольствія и т. д.? Почему эти контрастирующія чувствованія выступаютъ именно въ трехъ парахъ или, короче, въ трехъ направленіяхъ? Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о послѣднихъ, далѣе неразлагаемыхъ фактахъ психологическаго опыта, то отвѣтъ на оба эти вопроса не можетъ быть данъ въ формѣ объясненія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Отвѣтить на этотъ вопросъ — то же, что объяснить, на примѣръ, почему синій цвѣтъ—синій, а красный цвѣтъ—красный. Однако, въ виду связи чувствованій съ совокупностью процессовъ сознанія, можно попытаться вывести на основаніи этой связи основныя отношенія контрастирующихъ чувствованій. Чувствованія, разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, т.-е. какъ видъ реакціи апперцепціи на данныя содержанія, даютъ намъ исходную точку для пониманія контрастирующихъ паръ чувствованій. Мы нашли, что актъ апперцепціи представляетъ собою простой волевой актъ. Но каждый волевой актъ скрыто содержитъ въ себѣ или стремленіе или противодѣйствіе: ибо воля наша или стремится къ какому-нибудь предмету, притягивается имъ, или, наоборотъ, отвращается отъ него. Въ этомъ, какъ теперь ясно видно, выражается основное отношеніе контрастовъ чувствованій, которое лишь развѣтвляется по различнымъ направленіямъ въ основныхъ формахъ чувствованій. Изъ этихъ направленій контрастирующая пара — удовольствие, неудовольствие — можетъ разсматриваться какъ непосредственно связанная съ качественнымъ свойствомъ впечатлѣнія или представленія модификація стремленія и противодѣйствія: къ чему мы стремимся, то связано съ удовольствіемъ, и отъ чего

мы отвращаемся, то связано съ неудовольствіемъ. Съ другой стороны, контрастирующую пару — возбужденіе, успокоеніе — можно поставить въ прямую связь съ тою интенсивностью, съ какою дѣйствуетъ апперцепція, будетъ ли при этомъ содержаніе, вызывающее актъ апперцепціи, возбуждать въ качественномъ отношеніи удовольствіе или неудовольствіе, или же будетъ безразличнымъ. Поскольку этотъ вызванный извѣстнымъ содержаніемъ актъ апперцепціи можетъ состоять или въ усиленіи или въ ослабленіи нормальной функціи апперцепціи, эта интенсивная сторона реакціи и переходитъ въ контрастирующую пару: возбужденіе и успокоеніе. Наконецъ, въ силу связи слѣдующихъ другъ за другомъ процессовъ сознанія, каждый актъ апперцепціи находится въ то же время въ связи съ предшествующими и послѣдующими процессами. Смотря по тому, превѣшиваетъ ли при этомъ направленіе на только что протекшій рядъ или на тотъ, который долженъ возникнуть, получается въ первомъ случаѣ чувствованіе разряда, во второмъ — напряженія. Поэтому мы можемъ въ принципѣ разсматривать каждое отдѣльное чувствованіе, какъ нѣкоторое образованіе, разлагаемое по всѣмъ этимъ измѣненіямъ и ихъ обоимъ основнымъ направленіямъ; при этомъ составныя части этого образованія, взятыя въ отдѣльности, могутъ выступать съ большею или меньшею силой или совсѣмъ отсутствовать, но качественное свойство содержанія сознанія даетъ цѣлому специфическую, отличающую его отъ всякаго другого содержанія, окраску.

III. Ассоціація.

Элементы нашего сознанія, какъ видно изъ предшествующихъ наблюденій, находятся въ сплошной связи другъ съ другомъ. Даже тамъ, гдѣ объективныя впечатлѣнія лишены непрерывной связи, мы обыкновенно возстановляемъ ее съ помощью субъективныхъ ощущеній и чувствованій. Такъ, напримѣръ, отдѣльные удары какого-либо ряда тактовъ сами по себѣ изолированы, однако мы связываемъ ихъ въ ритмическое цѣлое съ помощью нашихъ чувствованій напряженія и разряда и слабыхъ сопровождающихъ мускульныхъ ощущеній. Такимъ образомъ, мы можемъ разсматривать различныя образованія представленій, сложныя чувствованія, аффекты и волевые процессы, какъ равнодѣйствующія психическихъ процессовъ сочетанія, связыванія. Какого же рода бываютъ эти сочетанія и какимъ законамъ слѣдуютъ они? Психологи обыкновенно называютъ ихъ, съ тѣхъ поръ какъ англійская философія XVIII вѣка обратила вниманіе на значеніе этихъ связующихъ процессовъ, „ассоціаціями“, и неоднократно высказывался общераспространенный взглядъ, что одного этого понятія достаточно, чтобы подвести подъ него всѣ процессы сочетанія. Однако мы скоро увидимъ, что при этомъ не было принято въ расчетъ одно весьма важное

основаніе дѣленія, и такъ какъ оно опредѣляетъ всѣ процессы сознанія, то цѣлесообразнѣе будетъ именно его избрать главнымъ основаніемъ дѣленія этихъ сочетаній. Это основаніе дѣленія заключается въ томъ, что одна часть психическихъ сочетаній совершается, какъ мы можемъ выразиться, „сама собой“, т.-е. безъ сопровожденія тѣхъ чувствованій активности, которыя, какъ мы видѣли, являются составными частями апперцептивныхъ и волевыхъ процессовъ; наоборотъ, другая часть психическихъ связей тѣсно связана съ этими чувствованіями. Дальнѣйшія основанія дѣленія болѣе сложныхъ процессовъ сочетанія будутъ вполне параллельны главному. Поэтому мы можемъ всѣ въ общемъ пассивно переживаемые процессы сочетанія назвать ассоціаціями, а активно переживаемые — апперцептивными сочетаніями или, короче, апперцепціями. Если мы въ противоположность обычному словоупотребленію и ограничиваемъ, такимъ образомъ, понятіе ассоціаціи, то, съ другой стороны, мы должны и значительно расширить его, если хотимъ принять во вниманіе всѣ дѣйствительно существующія сочетанія подобнаго рода. Препжнее ученіе объ ассоціаціи основывалось исключительно на наблюденіи процессовъ воспоминанія. При подобныхъ процессахъ мы принимаемъ во вниманіе, во-первыхъ, лишь образованія представлений, а, во-вторыхъ, представленія, при этомъ схематическомъ процессѣ воспоминанія, группируются всегда во временной послѣдовательности: сначала воздѣйствуетъ внѣшнее впечатлѣніе, а затѣмъ мы вспоминаемъ о чемъ-либо изъ прошлаго опыта, или похожемъ на это впечатлѣніе, или стоящемъ съ нимъ въ какомъ-либо иномъ отношеніи. Но эти процессы воспоминанія, какъ намъ покажетъ бли-

жайшее разсмотрѣніе ихъ, представляютъ собою лишь въ высшей степени малую часть ассоціацій, да и среди нихъ-то въ сущности лишь ту часть, которая далеко уступаетъ по своему значенію другимъ формамъ, и если ее сопоставить съ этими формами, то она окажется совершенно второстепенною.

Если мы прежде всего захотимъ распредѣлить чаще всего встрѣчающіяся ассоціаціи, одновременно принимая во вниманіе и насколько просты сочетанія и насколько они тѣсны, то мы можемъ исходить изъ слѣдующаго простаго опыта. Если мы заставимъ звучать натянутую струну рояля, дернувъ ее за середину, то колеблется, какъ учить физика, не только цѣлая струна, но въ болѣе слабой степени и каждая половина, а затѣмъ въ постепенно убывающихъ амплитудахъ—каждая третья, четвертая часть струны и т. д. Этимъ убывающимъ въ порядкѣ простыхъ цѣлыхъ чиселъ частичнымъ колебаніямъ соотвѣтствуютъ тона, идущіе въ вышину: половинѣ струны соотвѣтствуетъ октава, третьей части—квинта этой октавы, четвертой—двойная октава и т. д. Если теперь мы извлечемъ эти верхніе тона одинъ за другимъ, взятые сами по себѣ, приводя каждый разъ въ колебаніе лишь соотвѣтствующую часть струны, и затѣмъ возвратимся къ тону цѣлой струны, то при внимательномъ прислушиваніи мы можемъ на ряду съ гораздо болѣе сильнымъ основнымъ тономъ услышать, по крайней мѣрѣ, ближайшіе къ нему изъ этихъ „обертоновъ“. Поэтому говорятъ: звукъ струны или какого-либо другого источника музыкальнаго звука состоитъ не изъ одного лишь того тона, по которому мы опредѣляемъ его высоту, но сверхъ того изъ ряда обертоновъ, которые придаютъ ему его „звуковую окраску“. Въ этомъ выраженіи

уже включень тотъ смыслъ, что, когда мы слышимъ звукъ, то налицо уже имѣется ассоціація, на этотъ разъ въ особенности тѣсная. Вышеупомянутый опытъ сравненія звука съ отдѣльными изъ его обертоновъ показываетъ намъ именно, что они присутствуютъ въ ощущеніи и при особенно напряженномъ вниманіи могутъ быть восприняты. Несмотря на то, мы при обычныхъ условіяхъ воспринимаемъ ихъ не какъ самостоятельные тона, но всѣ они вмѣстѣ кажутся намъ лишь своеобразнымъ измѣненіемъ основного тона, которое мы называемъ его звуковою окраской (тембромъ). Ассоціація такого рода, при которой составныя части ощущенія настолько растворяются въ конечномъ образованіи, что ихъ нельзя уже ясно отличить, какъ изолированныя составныя части, называется сліяніемъ. Сліяніе можетъ быть болѣе или менѣе тѣснымъ. Такъ, на примѣръ, отдѣльный звукъ представляетъ собою тѣсное сліяніе, аккордъ— болѣе свободное, такъ какъ хотя мы и сочетаемъ отдѣльные основные тона аккорда еще въ довольно тѣсно слитое цѣлое, однако въ состояніи слышать, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ вполне отчетливо и по отдѣльности.

Аналогичныя сліянія могутъ встрѣчаться и въ различныхъ другихъ областяхъ чувствъ, при чемъ они усложняются, въ особенности оттого, что въ нихъ участвуютъ одновременно элементы ощущеній многихъ чувствъ. При этомъ исчезновеніе составныхъ частей въ конечномъ образованіи по большей части приводитъ къ тому, что мы не въ состояніи уже бываемъ воспринять отдѣльные элементы этого образованія путемъ непосредственнаго ощущенія, какъ это еще возможно было отчасти при звуковыхъ сліяніяхъ, и должны прибѣгать тогда уже къ косвен-

нымъ методамъ, исходя изъ слѣдующаго принципа: каждое ощущеніе, измѣненіе котораго оказываетъ существенное вліяніе на конечное представленіе, принадлежитъ къ составнымъ частямъ этого представленія. Прекрасный примѣръ этого рода даютъ намъ въ особенности представленія пространства осязательнаго и зрительнаго чувствъ. Если мы коснемся палочкой какого-нибудь мѣста кожи, то, какъ извѣстно, мы можемъ довольно вѣрно указать мѣсто прикосновенія, не прибѣгая къ зрѣнію. На эту локализацию существенное вліяніе оказываютъ два вида ощущеній, которыя возможно указать въ особенности въ патологическихъ случаяхъ частичнаго пораженія чувствительности. Во-первыхъ, эта локализациа значительно нарушается чрезъ частичную потерю внѣшней кожной чувствительности: пациентъ въ этомъ случаѣ можетъ показать на мѣсто, далеко отстоящее отъ мѣста дѣйствительнаго прикосновенія. Во-вторыхъ, не менѣе нарушаетъ локализацию полное или частичное пораженіе смежной съ затронутымъ мѣстомъ мускульной области, на примѣръ, мускуловъ руки и кисти при осязательномъ впечатлѣніи на рукѣ: и въ этомъ случаѣ больной можетъ совершенно невѣрно указать мѣсто прикосновенія. Поэтому мы должны предположить, что ни осязательныя ощущенія кожи, ни мускульныя ощущенія въ отдѣльности не порождаютъ представленія мѣста прикосновенія, и лишь сліяніе обоихъ указанныхъ видовъ ощущенія даетъ намъ это представленіе. Послѣ того уже, какъ оно возникло, обуславливать локализацию можетъ и свойственное каждому участку кожи, нѣсколько мѣняющееся съ мѣстомъ впечатлѣнія, качество осязательнаго ощущенія, само по себѣ взятое. Слѣпые и въ особенности

слѣпорожденные ясно показываютъ намъ, что для возникновенія представленія мѣста прикосновенія должны слиться обѣ составныя части, осязательное и двигательное ощущенія. Такъ какъ у слѣпыхъ и слѣпорожденныхъ отпадаетъ опредѣляющее у зрячаго человѣка все воспріятіе пространства чувство зрѣнія, то мы наблюдаемъ у нихъ въ особенности интенсивное совмѣстное дѣйствіе осязательныхъ ощущеній и движеній ощупыванія.

Совершенно сходны съ этими условіями развитія осязательнаго чувства тѣ явленія, которыя наблюдаются при образованіи зрительныхъ представленій пространства. И въ этомъ случаѣ мы видимъ всегда совмѣстное дѣйствіе двухъ составныхъ частей. Одна изъ нихъ состоитъ изъ ощущеній сѣтчатки, которыя, выполнѣ аналогично съ осязательными ощущеніями руки, варіируютъ въ своемъ качествѣ не только въ зависимости отъ свойства внѣшнихъ впечатлѣній, но, какъ мы можемъ показать для зрительныхъ воспріятій на большихъ разстояніяхъ, въ зависимости также отъ мѣста сѣтчатки, затронутый впечатлѣніемъ. Другую составную часть образуютъ въ высшей степени тонкія ощущенія, сопровождающія то или иное положеніе глазъ и ихъ движенія; эти ощущенія, совершенно аналогично съ двигательными ощущеніями внѣшнихъ мускуловъ тѣла, измѣняются въ своей интенсивности сообразно съ длиною линіи, прослѣживаемой глазомъ. Поэтому мы наблюдаемъ также здѣсь, что какъ измѣненія въ положеніи элементовъ сѣтчатки, возникающія, напримѣръ, при воспаленіи внутреннихъ оболочекъ глаза, такъ и аномаліи въ механизмѣ движенія глаза замѣтно нарушаютъ наше зрительное воспріятіе пространства: происходитъ или кажущееся смѣщеніе видимыхъ пред-

метовъ или же иллюзіи относительно ихъ величины и отдаленія. Впрочемъ, и въ нормальномъ глазѣ можно доказать вліяніе этихъ факторовъ экспериментальнымъ путемъ. Такъ, затрудняя движенія глаза, можно добиться того, что величина воспринимаемой зрѣніемъ линіи будетъ переоцѣниваться: если мы сравнимъ, на примѣръ, двѣ прямыхъ линіи совершенно одинаковой длины, изъ которыхъ одна прерывается многими поперечными линіями, такъ что ея непрерывное прослѣживаніе глазомъ нарушается, то эта раздѣленная линія покажется намъ бѣльшей, чѣмъ нераздѣленная. Наоборотъ, планомѣрно поставленными экспериментами можно постоянно и одинаковымъ образомъ такъ видоизмѣнять нормальную координацію движеній глаза и ощущеній сѣтчатки, что зрѣніе будетъ постепенно приспособляться къ новому отношенію между движеніями глаза и расположеніемъ элементовъ сѣтчатки. Именно, если носить въ теченіе долгаго времени передъ обоими глазами призматическія стекла въ формѣ очковъ, то сначала мы видимъ предметы искаженными. Прямая линія кажется изогнутою, кругъ—оваломъ и т. д. Но если поносить такія очки въ теченіе многихъ дней, то это искаженіе исчезаетъ; можетъ даже случиться, что предметы будутъ восприниматься въ искаженномъ видѣ, когда мы перестанемъ носить призматическія стекла. Эти явленія, повидимому, можно объяснить только слѣдующимъ образомъ: ощущенія сѣтчатки, благодаря мѣстнымъ различіямъ ихъ качества (мы можемъ назвать ихъ „качественными мѣстными знаками“), координированы съ опредѣленными, различными по интенсивности, двигательными ощущеніями (ихъ мы можемъ назвать „интенсивными мѣстными знаками“), при чемъ отношеніе къ центру сѣтчатки,

повидимому, будетъ рѣшающимъ для этой координаціи Въ то же время опыты съ призматическими очками показываютъ, что это отношеніе не абсолютно устойчиво и не прирождено, а приобрѣтено опытомъ, благодаря самой дѣятельности глаза; поэтому, когда условія этой дѣятельности нарушены, то образуется иная координація. Въмѣстѣ съ тѣмъ это сочетаніе носитъ несомнѣнный характеръ ассоціаціи; а такъ какъ составныя части ощущенія можно отличить въ немъ лишь какъ модифицирующіе элементы общаго пространственнаго представленія, то оно носитъ характеръ сліянія. Это сліяніе въ отличіе отъ интенсивныхъ сліяній звуковъ и созвучій имѣетъ то особое свойство, что состоитъ изъ элементовъ различныхъ областей чувствъ, такъ какъ качественные мѣстные знаки принадлежатъ въ этомъ случаѣ зрительному чувству или, при совершенно аналогичнымъ образомъ разсматриваемыхъ нами осязательныхъ воспріятіяхъ пространства,—осязательнымъ ощущеніямъ кожи, а координированные съ ними интенсивные мѣстные знаки принадлежатъ къ мускульнымъ и двигательнымъ ощущеніямъ. Качественные и интенсивные мѣстные знаки, вмѣстѣ взятые, образуютъ, если можно такъ выразиться, „сложную систему мѣстныхъ знаковъ“.

Какъ ощущенія сливаются въ болѣе или менѣе сложныя представленія, точно такъ же и чувствованія сливаются въ сложныя образованія, въ которыхъ нѣкоторые отдѣльные элементы, по большей части, являются носителями остальныхъ, воздѣйствуютъ на нихъ, аналогично обертонамъ звука, модифицирующимъ образомъ. Эти сліянія чувствованій связываются опять-таки самымъ тѣснымъ образомъ съ относящимися къ нимъ сліяніями представленій. Такъ, напримѣръ, впечатлѣніе аккорда слагается изъ обо-

ихъ видовъ сліяній, и лишь съ помощью психологическаго анализа выдѣляемъ мы въ данномъ случаѣ ассоціацію представленій и чувствованій, которая, въ сущности, и создаетъ эстетическій характеръ аккорда, придаетъ ему извѣстное настроеніе. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ и въ то же время простѣйшихъ сліяній чувствованій подобнаго рода является такъ называемое „общее чувство“. Оно состоитъ изъ безчисленнаго множества органическихъ ощущеній, съ которыми связаны болѣе или менѣе живыя чувствованія, принадлежащія въ этомъ случаѣ къ классу чувствованій удовольствія и неудовольствія. При этомъ и въ данномъ случаѣ, аналогично съ тѣмъ, что мы видѣли въ созвучіи, нѣкоторые элементы преобладаютъ, а другіе служатъ лишь модифицирующимъ дополненіемъ. Наше общее самочувствіе, свѣжесть, жизнерадостность или, наоборотъ, общее недомоганіе и усталость, по существу, порождаются этимъ комплексомъ чувствованій, въ которомъ при нормальныхъ условіяхъ главную роль играютъ физическія чувствованія, связанные съ ощущеніями напряженія мускуловъ и съ двигательными ощущеніями.

Въ высшей степени важная форма сліянія возникаетъ, наконецъ, при тѣхъ воздѣйствіяхъ, преимущественно чувства слуха и нашихъ собственныхъ органовъ движенія, которыя обусловливаютъ наше представленіе времени. И эти процессы мы можемъ ясно показать съ помощью метронома. Если мы разложимъ на элементы процессы сознанія, возбужденные ударами метронома при средней скорости, то эти элементы будутъ, очевидно, принадлежать какъ области ощущеній, такъ и области чувствованій. Ощущеніями будутъ прежде всего отдѣльные удары такта, раздѣленные пустыми интервалами. Однако они, какъ

было замѣчено выше, отнюдь не бываютъ изолированы, такъ какъ одинъ ударъ такта всегда пробуждаетъ въ насъ чувство ожиданія другого удара, легкое, очевидно, зависящее отъ мускула, натягивающаго барабанную перепонку, чувство напряженія, къ которому присоединяется чувство напряженія въ окружающихъ ухо мимическихъ мускулахъ. Такимъ образомъ, весь процессъ представляется, если его разсматривать со стороны ощущенія, какъ непрерывное теченіе ощущеній, въ которомъ черезъ равномерные промежутки появляются болѣе сильныя возбужденія, вызванныя внѣшними впечатлѣніями ударовъ метронома. Но къ этому присоединяются затѣмъ чувствованія напряженія и разряда, имѣющія, какъ мы видѣли, рѣшающее значеніе для ритмическихъ представленій, и эти чувствованія смѣняются постоянно и закономѣрно. Всѣ эти элементы ощущенія и чувствованія въ дѣйствительности составляютъ нераздѣльное цѣлое. Для того, чтобы могло возникнуть представленіе времени, ни одинъ изъ этихъ элементовъ не долженъ отсутствовать. Если отпадутъ ощущенія, то чувствованія до извѣстной степени останутся безъ субстрата. Они могутъ возникать въ смѣнѣ ихъ повышенія и пониженія лишь въ томъ случаѣ, если налицо имѣются впечатлѣнія, къ которымъ могутъ относиться чувствованія ожиданія и исполненія. Напротивъ, ощущенія бываютъ лишены связи, они не могутъ сочетаться во временной рядъ, если отпадаютъ чувствованія напряженія и разряда, которыя обусловливаютъ непосредственную оцѣнку равенства или неравенства слѣдующихъ другъ за другомъ промежутковъ времени. Убѣдительно доказательство этому даютъ слѣдующіе факты: если удары метронома будутъ слѣдовать другъ за другомъ на-

столько медленно, что предшествующій изъ нихъ совершенно исчезаетъ изъ объема сознанія въ моментъ наступленія новаго, то представленіе времени становится совершенно невѣрнымъ. То же самое происходитъ и въ томъ случаѣ, если удары метронома будутъ слѣдовать другъ за другомъ съ такой скоростью, что чувствованія напряженія и разряда уже не могутъ болѣе возникнуть. Въ обоихъ случаяхъ менѣе точное представленіе времени, очевидно, возникаетъ лишь въ силу внѣ лежащихъ моментовъ. Какъ всѣ наши объективныя мѣры времени отъ движенія солнца до колебаній примѣннаго къ измѣреніямъ времени камертона сводятся къ законамъ периодическимъ движеніямъ, такъ и наше субъективное сознаніе времени всецѣло связано съ ритмическими представленіями. Такія представленія возникаютъ уже въ связи съ движеніями при ходьбѣ, чувство же слуха даетъ большее разнообразіе ихъ и съ болѣе тонкими отбѣнками. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ возникающее отсюда представленіе времени разлагается на ощущенія, служація субстратомъ, и на теченіе чувствованій напряженія и разряда, ожиданія и исполненія. Въ самомъ представленіи времени они совершенно сливаются другъ съ другомъ, такъ что и здѣсь вліяніе этихъ факторовъ можно показать лишь на существенныхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣваетъ возникающее изъ нихъ представленіе времени, когда одинъ изъ этихъ факторовъ ощущенія или чувствованія видоизмѣненъ существеннымъ образомъ.

Подобно тому какъ при сліяніи элементы сознанія сочетаются въ болѣе сложныя образованія, точно такъ же и самыя эти образованія вступаютъ далѣе во взаимодействіе другъ съ другомъ, отчего полу-

чаются новыя сочетанія. Въ особенности важны между этими ассоціаціями второй степени тѣ, которыя мы можемъ назвать ассимиляціями и диссимиляціями. Онѣ въ особенности ясны въ ассоціаціяхъ представленій, тогда какъ соотвѣтствующія имъ ассоціаціи чувствованій или примыкають къ нимъ, какъ болѣе отступающія на задній планъ составныя части, или же образуютъ специфическій классъ сложныхъ чувствованій, которыя, какъ связанныя съ процессами мышленія, воспризнанія, воспоминанія и т. д., будутъ нами разобраны ниже.

Сначала обратимъ вниманіе на нѣкоторыя главнѣйшія явленія изъ области ассимиляціи и диссимиляціи. Начнемъ съ простѣйшаго случая, когда одинъ воспринимаемый зрѣніемъ объектъ воздѣйствуетъ на другой ассимилирующимъ образомъ. Это легко достижимо; мы, во-первыхъ, сдѣлаемъ разницу обоихъ объектовъ очень малою и, во-вторыхъ, приведемъ ихъ въ часто встрѣчающееся намъ соотношеніе, благоприятное для представленія ихъ равенства. Напримѣръ, изъ одного и того же центра мы нарисуемъ секторы круга, при чемъ одинъ изъ нихъ будетъ лишь на немного меньше, чѣмъ другіе. Тогда мы склонны будемъ считать всѣ секторы равными другъ другу. Слѣдовательно, всѣ остальные секторы дѣйствуютъ на меньшей ассимилирующимъ образомъ. Чтобы достигнуть, наоборотъ, диссимиляціи, мы нарисуемъ между многими небольшими секторами круга одинъ значительно бѣльшій: тогда онъ, въ противоположность окружающимъ его меньшимъ секторамъ, покажется очень увеличеннымъ, въ чемъ легко убѣдиться, если рядомъ съ кругомъ, раздѣленнымъ на секторы, положить отдѣльно секторъ равной величины съ тѣмъ, который кажется значительно уве-

личеннымъ благодаря диссимиляціи. Этотъ отдѣльно лежащій секторъ покажется намъ гораздо меньшимъ, чѣмъ равный ему по величинѣ секторъ, находящійся въ кругѣ между меньшими. Это диссимилятивное измѣненіе обыкновенно называютъ контрастомъ. Однако этотъ диссимилятивный контрастъ не нужно смѣшивать съ контрастомъ чувствованій, при которомъ дѣло идетъ не о возникновеніи кажущихся различій въ величинѣ, но о качественномъ контрастѣ, напримѣръ, чувствованій удовольствія и неудовольствія.

Важнѣе ассимиляціи и диссимиляціи между прямо данными впечатлѣніями тѣ ассимиляціи и диссимиляціи, которыя возникаютъ изъ взаимодействія прямого впечатлѣнія съ элементами представленія, принадлежащими къ прежнимъ впечатлѣніямъ, слѣдовательно, возникающими благодаря акту воспоминанія. Съ репродуктивными ассимиляціями такого рода мы уже познакомились въ экспериментахъ съ тахистоскопомъ (стр. 27). Тамъ мы видѣли, что слово, въ общемъ, извѣстнаго намъ содержанія легко можно прочесть моментально, хотя его объемъ много превышаетъ фокусъ вниманія. Ясно, что это огромное облегченіе воспріятія знакомаго намъ предмета возможно лишь потому, что предметъ этотъ при его воздѣйствіи репродуцируетъ прежнія соотвѣтствующія впечатлѣнія, что даетъ возможность дополнить образъ, воспринимаемый лишь съ пробѣлами. Въ этомъ всего больше убѣждаютъ насъ тѣ эксперименты, въ которыхъ произвольно мѣняютъ отдѣльныя буквы длиннаго слова. Обыкновенно эти измѣненія при опытахъ съ тахистоскопомъ воспринимаются или отчасти, или же совсѣмъ не воспринимаются. Легко можетъ скорѣе же случиться, что такая комбинація

буквъ, какъ, напрімѣръ, „Wedlvervantsehaften“, будетъ прочтена вѣрно, какъ „Wahlverwandtschaften“, хотя не менѣе чѣмъ 5 буквѣ изъ 20 этого слова замѣнены другими. Если даже случайно вниманіе и направится съ особой силой на отдѣльное невѣрное мѣсто, то хотя въ этомъ случаѣ ошибка и будетъ воспринята, зато аналогичныя ошибки въ другихъ мѣстахъ будутъ произвольно исправлены. Явленіе это, по существу, не отличается отъ того, что мы постоянно просматриваемъ опечатки при чтеніи книги; разница лишь въ томъ, что кратковременность воздѣйствія здѣсь очень благопріятствуетъ иллюзіи. Поэтому обыкновенно допускаютъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ неточнымъ воспріятіемъ, какъ показываетъ самое слово „просматривать“. Тѣмъ не менѣе какъ разъ опыты съ тахистоскопомъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что выраженіе это, въ сущности говоря, невѣрно: на дѣлѣ суть здѣсь не въ томъ, что мы не видимъ невѣрно напечатанныя буквы, но подставляемъ вмѣсто нихъ тѣ, которыя нужны. Если мы непосредственно послѣ опытовъ съ тахистоскопомъ попытаемся представить себѣ только что видѣнную таблицу, то часто можно съ полной ясностью непосредственнаго впечатлѣнія воспринимать правильныя буквы какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ напечатано невѣрно. Это, конечно, возможно лишь въ томъ случаѣ, когда неправильно поставленная буква вытѣсняется нужною буквою, заимствованною изъ репродукціи. Такой процессъ, очевидно, слагается изъ двухъ частей: во-первыхъ, правильная буква оттѣсняетъ неправильную и, во-вторыхъ, репродуцируется нужная буква. Такъ какъ оба эти акта совершаются, конечно, мгновенно, то это оттѣсненіе одною буквою другой можно раз-

сматривать какъ дѣйствіе репродукціи. Но въ этомъ соединеніи обоихъ актовъ сочетается процессъ ассимиляціи съ процессомъ диссимиляціи: благодаря исходящей отъ остальныхъ буквъ слова ассимиляціи репродуцируется правильная буква, а правильная буква, совмѣстно со всѣмъ остальнымъ словомъ, воздѣйствуетъ диссимилирующимъ образомъ на неправильную. Въ то же время изъ этихъ явленій вытекаетъ дальнѣйшее важное для пониманія всѣхъ ассоціаціонныхъ процессовъ слѣдствіе. Такъ, невозможно представить себѣ, чтобы комбинація буквъ, въ родѣ вышешприведенной, воздѣйствовала, какъ цѣлое, и затѣмъ, въ виду того, что она неправильна, замѣщалась правильнымъ словомъ. Ясно скорѣй же, что процессы ассимиляціи и оттѣсненія имѣли мѣсто лишь въ отдѣльныхъ буквахъ. Трудно точно такъ же допустить, чтобы наблюдатель когда-либо прочелъ слово какъ разъ той же длины и тѣхъ типовъ, которые примѣняются при опытахъ съ тахистоскопомъ. Вспоминается, слѣдовательно, не какое-нибудь отдѣльное опредѣленное слово, но неопредѣленно многія подобныя слова воздѣйствуютъ ассимилятивно на данное впечатлѣніе и какъ бы выливаютъ его въ тѣ словесныя формы, которыя мы, въ концѣ-концовъ, воспринимаемъ. Отсюда слѣдуетъ, что эти ассоціаціи сводятся вовсе не къ сочетанію болѣе сложныхъ представленій, но къ сочетанію элементовъ представленія, которые могутъ принадлежать весьма различнымъ представленіямъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ ассимиляція вступаетъ въ весьма тѣсную связь съ вышерассмотрѣнными ассимиляціями. Въ обоихъ случаяхъ ассоціація является элементарнымъ процессомъ, и разница этихъ формъ заключается лишь въ томъ, что элементы при сліяніи представляютъ собою

составныя части сложнаго впечатлѣнія, тогда какъ при ассимиляціи они сами уже принадлежатъ сложнымъ представленіямъ, изъ которыхъ они затѣмъ выпадаютъ, чтобы вступить въ новое образованіе представленій. Такимъ образомъ, и сліяніе и ассимиляція дѣйствуютъ вмѣстѣ при всѣхъ воспріятіяхъ органовъ чувствъ. Въ тотъ моментъ, когда мы видимъ предметъ, слышимъ созвучіе, не только сливаются составныя части впечатлѣнія, но оно тотчасъ же возбуждаетъ репродуктивные элементы, которые заполняютъ его пробѣлы и ставятъ его въ рядъ привычныхъ для насъ представленій. Эти переплетающіеся другъ съ другомъ процессы распространяются затѣмъ на всѣ области воспріятій органовъ чувствъ. То, что мы считаемъ непосредственно воспріятымъ, въ значительной части зависитъ отъ нашего воспоминанія о безчисленныхъ прежнихъ впечатлѣніяхъ, при чемъ мы не можемъ сознательно отдѣлать то, что дано намъ прямо отъ добавленнаго путемъ ассимиляціи. Лишь тамъ, гдѣ репродуктивные элементы начинаютъ преобладать настолько, что впадаютъ въ непримиримое противорѣчіе съ остальными нашими воспріятіями, мы говоримъ уже послѣ воспріятія объ обманѣ чувствъ, или „иллюзіи“. Но это лишь пограничный случай, который чрезъ незамѣтныя промежуточныя ступени переходитъ въ нормальныя ассимиляціи, которыя мы съ равнымъ правомъ можемъ назвать и „нормальными иллюзіями“. Такъ, изъ словъ доклада многія лишь несовершенно долетаютъ до нашего уха, контуры рисунка или картины лишь несовершенно отражаются въ нашемъ глазѣ, тѣмъ не менѣе пробѣлы эти остаются для насъ незамѣтными. Но это происходитъ не оттого, что мы неточно воспринимаемъ вещи, какъ иногда неправильно истол-

ковываютъ это явленіе, но потому, что мы прибѣгаемъ къ богатымъ средствамъ воспоминанія, дополняющаго воспринятый нами образъ.

Эта дополняющая ассоціація проступаетъ вполне ясно и въ томъ случаѣ, когда ассоціація въ собственномъ смыслѣ слова не можетъ имѣть мѣста, потому что ассоціруемые элементы принадлежать къ различнымъ областямъ чувствъ. Въ этомъ случаѣ различіе въ качествахъ ощущеній воздвигаетъ между обѣими областями чувствъ какъ бы перегородку, препятствующую элементамъ слиться въ нераздѣльное цѣлое. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ случаѣ могутъ образоваться устойчивыя сочетанія, которыя при воздѣйствіи одного впечатлѣнія непосредственно репродуцируютъ ассоціированныя ощущенія другого органа чувствъ. При чтеніи про себя мы часто наблюдаемъ, напр., слабые звуковые образы словъ, къ которымъ присоединяются или дѣйствительныя слабыя движенія рѣчи въ органахъ артикуляціи, или, по крайней мѣрѣ, намеки на нихъ. При взглядѣ на музыкальный инструментъ мы внутренне воспринимаемъ слабое слуховое ощущеніе его звука; ружье пробуждаетъ при взглядѣ на него слабый звуковой образъ выстрѣла, когда же мы слышимъ выстрѣлъ,—репродуцированный зрительный образъ ружья и т. д. Такія ассоціаціи представленій изъ различныхъ областей чувствъ называются компликаціями. Онѣ даютъ важное дополненіе къ ассимиляціямъ, такъ какъ вмѣстѣ съ ними, въ сущности, опредѣляютъ теченіе представленій въ сознаніи.

Такое совмѣстное дѣйствіе ассимиляцій и компликацій съ наибольшою ясностью проявляется въ тѣхъ ассоціативныхъ процессахъ, которые въ повседневной жизни называются „узнаваніемъ“, или, если область

ассоціацій, на которую распространяется узнаваніе, неопредѣленно велика, то говорятъ, что мы „признаемъ“ предметъ именно за то, что есть. Напр., мы узнаемъ знакомаго, котораго долгое время не видали; мы признаемъ столь именно столомъ, хотя бы мы никогда его не видали, въ силу неопредѣленно многихъ ассоціацій съ другими столами, которыя онъ въ насъ пробуждаетъ. Изъ изложеннаго нами выше само собою вытекаетъ, что всѣ подобнаго рода процессы—не что иное, какъ ассимиляціи. Обычное словоупотребленіе, слѣдовательно, отнюдь не должно вводить насъ въ искушеніе видѣть въ этихъ процессахъ актъ логическаго мышленія, актъ „познанія“. Конечно, такой актъ можетъ присоединяться къ чисто ассоціативному процессу ассимиляціи, когда, напр., мы уже послѣ этого процесса попытаемся дать себѣ отчетъ въ его мотивахъ. Но самые процессы, какъ они всегда происходятъ и являются существенною составною частью нашего чувственнаго опыта, представляютъ собой чистыя ассоціаціи, и если мы вложимъ въ нихъ какіе-либо акты сужденія или умозаключенія, какъ то обыкновенно дѣлалось въ схоластической и прежней и новой психологіи, то это послужитъ лишь къ тому, что затемнитъ истинный психологическій характеръ этихъ процессовъ. Изъ тѣхъ ассимиляцій, которыя были названы „узнаваніемъ“, особенный интересъ представляютъ лишь тѣ, въ которыхъ процессъ ассимиляціи какъ-либо затрудненъ, потому ли, что воспринимаемый предметъ встрѣчается намъ лишь рѣдко, или же потому, что онъ послѣ прежняго воспріятія измѣнился. Напримѣръ, требуется, какъ извѣстно, нѣкоторое время, прежде чѣмъ мы узнаемъ неожиданно встрѣченнаго друга, который долгіе годы жилъ вдали отъ насъ.

Если мы ближе всмотримся въ этомъ случаѣ въ процессъ ассимиляціи, то всегда замѣтимъ, что первоначально впечатлѣніе незнакомца, съ которымъ мы встрѣчаемся, кажется измѣненнымъ благодаря нѣсколькимъ чертамъ, которыя апперцепируются скорѣе какъ бы чувствомъ, чѣмъ прямо относятся къ опредѣленной личности. Такимъ образомъ, возникаетъ неопредѣленное чувство чего-то знакомаго, которое лишь во второмъ, по бѣльшей части очень быстро совершающемся, актѣ переходитъ въ дѣйствительное узнаваніе, т. е. присоединяется сюда ассимиляція въ собственномъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, здѣсь, какъ мы видимъ, ассимиляція перешла въ послѣдовательную ассоціацію, которою обыкновенно называется лишь процессъ воспоминанія. На самомъ же дѣлѣ процессъ воспоминанія происходитъ изъ обыкновенной мгновенной ассимиляціи, именно, когда она затруднена какими-либо нарушающими моментами, такъ что первое впечатлѣніе и ассимиляція этого впечатлѣнія образуютъ два слѣдующихъ другъ за другомъ акта. Въ особенности ясно проступаетъ такое разложеніе ассимиляціи въ послѣдовательные акты, когда задерживающіе ассимиляцію мотивы настолько сильны, что необходима наличность дальнѣйшаго вспомогательнаго мотива для того, чтобы преодолѣть затрудненія. Какъ часто случается, что кто-нибудь кланяется намъ, какъ знакомый, а мы его совершенно не узнаемъ. Тогда онъ представляется намъ, называетъ себя по имени, — и вдругъ личность его всплываетъ передъ нами, какъ хорошо знакомая. Репродуктивныя ассимиляціи пришли здѣсь въ движеніе лишь при помощи новаго представленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ примѣръ показываетъ, какъ въ это разложеніе процесса ассимиляціи въ процессъ

вспоминанія можетъ случайно вплетаться и компликація: фамилія и зрительный образъ этого лица сочетаны другъ съ другомъ компликативно, но въ то же время при впечатлѣніи человѣческой личности они образуютъ, въ общемъ, довольно устойчивыя ассоціаціи.

При этихъ процессахъ задержки ассимиляціи и помощи ей, которые мы наблюдаемъ при узнаваніи, играютъ немаловажную роль, какъ было сказано уже выше, чувствованія. Прежде чѣмъ мы въ вышеприведенномъ примѣрѣ узнаемъ давно невидѣннаго друга, этотъ актъ уже готовится въ неопредѣленномъ чувствованіи, которое затѣмъ неожиданно переходитъ въ дѣйствительный актъ узнаванія, въ то же время замѣтно усиливаясь. Какъ назвать это чувствованіе? Откуда оно происходитъ и какъ объяснить его переходъ въ ассимиляцію? Говорятъ о нѣкоторомъ чувствѣ „чего-то знакомаго“ или даже о „качествѣ чего-то знакомаго“, („Bekanntheitsqualität“) и видятъ въ немъ специфическій элементъ, присущій всѣмъ актамъ узнаванія. Такое чувствованіе должно было бы присоединяться къ любому знакомому намъ предмету, какъ своего рода внѣшній знакъ. Но допущеніе такого, такъ сказать, абстрактнаго символа совершенно противорѣчитъ непосредственному наблюденію. Какъ бы ни неопредѣленно было чувствованіе въ подготовляющемъ ассимиляцію періодѣ, однако оно въ каждомъ данномъ случаѣ имѣетъ своеобразное качество, которое всецѣло зависитъ отъ свойства узнаваемаго предмета. Такъ, на примѣрѣ, совершенно иные процессы происходятъ, когда мы узнаемъ стараго друга или узнаемъ ландшафтъ, видѣнный нами за долгое время передъ тѣмъ: равнымъ образомъ, совершенно различныя про-

цессы происходятъ въ томъ случаѣ, когда мы встрѣчаемся съ находящимся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нами г. X., или съ г. У., котораго мы совсѣмъ не желали бы больше встрѣчать. Насколько различны бывають самые предметы, настолько же различны и такъ называемыя ихъ „качества чего-то знакомаго“. Отсюда можно заключить, что эти качества представляютъ собой интегрирующія составныя части предметовъ, т.-е. не ихъ объективной природы, но ихъ воздѣйствія на насъ, или, точнѣе выражаясь, на нашу апперцепцію: вѣдь сущность чувствованій мы усматриваемъ именно въ этомъ воздѣйствіи содержаній представленія на апперцепцію. Отсюда вытекаетъ съ необходимостью: „чувство чего-то знакомаго“ представляетъ собою, въ сущности, тотъ эмоціональный характеръ, который имѣетъ для насъ вновь узнаваемый предметъ. Но такъ какъ это чувство чего-то знакомаго, какъ учатъ насъ вышеупомянутыя наблюденія, можетъ пробуждаться съ большою живостью, если ассимиляція чего-либо новаго совершается безъ задержки со стороны прежнихъ представленій, то мы должны заключить, что хотя въ этомъ періодѣ подготовляющагося узнаванія ассимилирующее прежнее представленіе уже начинаетъ выплывать изъ болѣе темной области сознанія и разрѣшаетъ соотвѣтствующую ему реакцію чувствованія, однако само оно еще не можетъ быть апперцепировано. Это истолкованіе процесса получаетъ себѣ существенную поддержку въ нашихъ прежнихъ наблюденіяхъ надъ ритмическими чувствованіями. Вѣдь и при нихъ дѣло шло объ актахъ узнаванія вновь. Если мы повторимъ два равныхъ ряда тактовъ черезъ небольшой промежутокъ времени другъ послѣ друга, то мы узнаемъ второй рядъ, какъ равный

первому. Но это может случиться, какъ мы убѣдились, лишь потому, что на послѣднемъ ударѣ такта cadaго ряда концентрируется цѣльное чувствованіе, которое соотвѣтствуетъ предшествующему ритмическому цѣлому, какъ его специфическое качество чувствованія. Совершенно то же, что мы видимъ при этихъ опытахъ съ тактами, повторяется и при вышеописанномъ замедленномъ узнаваніи вновь въ обычной жизни, до извѣстной степени лишь съ обратнымъ распредѣленіемъ чувствованій. При узнаваніи вновь такта соотвѣтствующее ему чувствованіе возникаетъ изъ воздѣйствія отступившихъ отъ фокуса вниманія въ болѣе темную область сознанія элементовъ на апперцепцію; когда же первое впечатлѣніе лишь постепенно переходитъ въ чувство чего-то знакомаго, то чувствованіе возникаетъ изъ воздѣйствія на апперцепцію уже имѣющихся въ темной области сознанія, но еще не попавшихъ въ фокусъ вниманія элементовъ.

Въ этихъ болѣе сложныхъ процессахъ узнаванія вновь предметовъ привходитъ еще одно условіе, которое при повтореніи рядовъ тактовъ вслѣдствіе простоты этого явленія не имѣло значенія или, по крайней мѣрѣ, имѣло его далеко не въ такой степени, какъ при болѣе сложныхъ. Оно заключается въ томъ, что каждое представленіе возвышается, появляется какъ бы на заднемъ фонѣ другихъ связанныхъ съ нимъ въ пространствѣ или во времени представленій, которыя при узнаваніи вновь то задерживаютъ процессъ ассимиляціи, то помогаютъ ему. Въ первомъ случаѣ они могутъ замедлить узнаваніе вновь или даже сдѣлать его совсѣмъ невозможнымъ. Во второмъ — они оказываютъ ему существенную помощь. Съ особенною ясностью проступаютъ эти побочныя

представленія въ томъ случаѣ, если они присоединяются къ главному представленію лишь спустя нѣкоторое время. Такъ было въ вышеприведенномъ примѣрѣ съ названіемъ фамиліи, которая сразу дала возможность узнать личность; или обратный примѣръ, когда только что начавшая образовываться ассимиляція была нарушена тѣмъ, что фамилія оказалась неподходящей къ остальнымъ мотивамъ ассимиляціи. Такія побочныя представленія, конечно, имѣются налицо и въ томъ случаѣ, когда мы ихъ не замѣчаемъ; поэтому-то, когда мы сознаемъ ихъ лишь смутно, они образуютъ на ряду съ чувственнымъ тономъ главнаго представленія вслѣдствіе оказываемаго ими воздѣйствія на апперцепцію важныя составныя части сопровождающихъ процессы узнаванія и узнаванія вновь чувствованій. Такимъ образомъ, эти чувствованія въ основѣ своей всегда являются равнодѣйствующими суммы воздѣйствій, и каждое отдѣльное переживаніе, вслѣдствіе безконечнаго разнообразія сопровождающихъ ассимиляціи и акты узнаванія вновь побочныхъ представленій, пріобрѣтаютъ свою специфическую эмоціональную окраску, отличающую его отъ всѣхъ прежнихъ и новыхъ переживаній.

Многія относящіяся сюда явленія ускользаютъ отъ обычнаго наблюденія, такъ какъ постоянное повтореніе дѣлаетъ насъ нечувствительными къ нимъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ впечатлѣніе сопровождалось болѣе живою эмоціональною окраской,— а его повтореніе порождало очень отличное отъ прежняго душевное состояніе, въ этихъ случаяхъ мы можемъ ясно замѣтить, какъ первоначальная эмоціональная окраска модифицируется измѣненнымъ заднимъ фономъ, на которомъ она теперь по-

является. Каждый душевный процессъ получаетъ, такимъ образомъ, свою специфическую окраску, хотя бы при поверхностномъ наблюденіи онъ и казался простымъ повтореніемъ прежняго процесса: измѣнившіяся тѣмъ временемъ побочныя представленія придаютъ ему, благодаря своему эмоціональному воздѣйствію, его собственный временный и мѣстный знакъ, которымъ каждый отдѣльный процессъ отличается отъ всякаго другого, хотя бы онъ и казался совершенно одинаковымъ съ нимъ. Но возможенъ и противоположный случай. Кому не знакомо странное чувство, которое иногда закрадывается въ насъ при какомъ-либо душевномъ процессѣ, какъ будто мы уже когда-то пережили только что пережитое нами, хотя мы опредѣленно знаемъ, что это въ дѣйствительности невозможно? И эти относящіяся всецѣло къ области чувствованій явленія нужно свести опять-таки на тѣ воздѣйствія, которыя исходятъ отъ смутныхъ побочныхъ представлений, которыя случайно могутъ весьма близко совпадать другъ съ другомъ и въ томъ случаѣ, когда главныя представленія совершенно различны. Если такія чувствованія въ особенности живы, то они могутъ также обратно воздѣйствовать на ассимиляціонный процессъ—и тогда возникаетъ иллюзія, что предметъ, который мы встрѣчаемъ въ первый разъ, мы видѣли уже раньше. Весьма возможно, что извѣстныя сообщенія о такъ называемомъ „второмъ зрѣніи“, которымъ будто бы одарены многія лица, основываются на особенно живыхъ индивидуальныхъ реакціяхъ чувствованій этого рода и ихъ воздѣйствіяхъ на ассимиляцію. Подобно тому, какъ непрестанно мѣняющіяся констелляціи побочныхъ представлений придаютъ каждому отдѣльному переживанію его специфическій эмоціональный

колорить, отличающій его отъ всѣхъ предшествующихъ и послѣдующихъ переживаній, точно такъ же и при различающихся своими въ фокусѣ сознанія находящимися составными частями процессахъ могутъ вновь появляться сходныя констелляціи смутно сознаваемыхъ содержаній. Сюда же нужно отнести еще одно явленіе, которое навѣрное не ускользнуло ни отъ одного внимательнаго наблюдателя собственной душевной жизни. Если мы воспроизведемъ въ памяти какое-либо прежнее переживаніе или, вообще, какой-либо прежній періодъ жизни, напримѣръ, определенное время дѣтства, года ученія, первое время самостоятельной дѣятельности и т. д., то каждое изъ этихъ полныхъ впечатлѣній событій или періодовъ жизни окажется окрашеннымъ въ своеобразное чувствованіе, которое опять-таки приходитъ въ ясное взаимодействіе съ репродуцированными представленіями, дѣлая ихъ болѣе живыми и само черезъ то усиливаясь. Такъ, едва ли какое-либо отдѣльное репродуцированное представленіе,—которое во второмъ изъ упомянутыхъ случаевъ, поскольку мы будемъ принимать во вниманіе лишь ясно апперцепированныя содержанія, обыкновенно вообще, отсутствуетъ,—можетъ намъ объяснить необыкновенную часто интенсивность и специфическое качество этихъ эмоциональныхъ окрасокъ. Но и здѣсь мы должны принимать во вниманіе, что чѣмъ съ меньшею ясностью выдѣляются определенныя представленія, тѣмъ болѣе дѣйствуютъ безчисленныя смутныя побочныя представленія, а такъ какъ они присущи всякому событію и всякому времени нашей жизни, то они порождаютъ соответствующее цѣльное чувствованіе даже въ томъ случаѣ, когда болѣе определенная репродукція отдѣльныхъ представленій совершенно отсутствуетъ.

Если мы возвратимся послѣ этого отступленія снова къ процессамъ узнаванія вновь, то дѣятельность побочныхъ представленій, выяснившаяся для насъ въ приведенныхъ явленіяхъ, освѣтитъ намъ многія отдѣльныя черты, которыя встрѣчаются намъ уже при обычномъ узнаваніи вновь, а въ особенности при тѣхъ задержкахъ, которыя оно можетъ испытать. Въ особенности, при какъ-либо замедленныхъ актахъ узнаванія вновь обыкновенно наблюдается интенсивная эмоциональная реакція, которая въ тѣхъ случаяхъ, когда ее можно поставить въ связь съ опредѣленными мотивами, указываетъ на побочныя представленія, обычно сознаваемые лишь смутно, иногда же сознаваемые лишь вполнѣ послѣдствіи; и тогда обнаруживается, что они-то и были мотивами сопровождающаго ихъ каждый разъ специфически окрашеннаго чувствованія, равно какъ и самаго узнаванія вновь. Съ этими явленіями находятся въ тѣсной связи нѣкоторыя другія, возникающія въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ вообще никакого акта узнаванія вновь въ собственномъ смыслѣ слова, или развѣ ужъ когда процессъ, сначала протекающій всецѣло въ области эмоциональныхъ воздѣйствій смутныхъ содержаній сознанія, болѣе или менѣе неожиданно переходитъ въ актъ воспоминаній. Нѣсколько примѣровъ могутъ пояснить намъ эти явленія. Кому не случалось въ теченіе цѣлыхъ часовъ испытывать такое чувство, какъ будто онъ что-то забылъ или чего-то не сдѣлалъ, или началъ не такъ, какъ слѣдуетъ, не будучи въ состояніи дать себѣ отчетъ, что его тревожитъ такимъ образомъ? или кому не извѣстны переживанія въ родѣ слѣдующихъ: я выхожу изъ своего дома и въ тотъ самый моментъ, когда вступаю на улицу, я чувствую, какъ будто я сдѣлалъ нѣчто не такъ,

какъ слѣдуетъ затѣмъ случайно я прохожу мимо писчебумажнаго магазина и тутъ неожиданно вспоминаю, что я забылъ взять съ собой одно весьма нужное письмо. Сюда же нужно отнести чувство досады, которое мы испытываемъ, когда хотимъ вспомнить хорошо знакомую фамилію, при чемъ нерѣдко случается, что пытаются произвольно призвать на помощь тѣ вспомогательныя средства воспоминанія, которыя играютъ роль при замедленномъ узнаваніи знакомыхъ лицъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ иногда ссылаются на „способности духа“ — конечно, ничего не говорящее выраженіе, которое нисколько не объясняетъ сущности явленій. Также и въ этомъ случаѣ чувствованія упущенія, забвенія, воспоминанія отнюдь не тѣ же самыя, но въ каждомъ данномъ случаѣ они направляются особымъ свойствомъ соотвѣтствующаго представленія. Поэтому по аналогіи съ узнаваніемъ мы опять-таки можемъ считать ихъ эмоціональными реакціями на смутно сознаваемые представленія, при чемъ качество чувствованій всюду въ то же время зависитъ отъ специфическаго свойства представленій, тогда какъ общій эмоціональный характеръ въ упомянутыхъ случаяхъ преимущественно принадлежитъ направленіямъ напряженія и возбужденія.

Если явленія узнаванія вновь по происхожденію своему представляютъ собой мгновенныя ассимиляціи съ иногда влетающими компликаціями, то въ своихъ только что объясненныхъ формахъ задержки они непосредственно переходятъ въ ассоціаціи воспоминанія. Изъ послѣднихъ старое ученіе объ ассоціаціяхъ и заимствовало свой схематизмъ ассоціативныхъ формъ. На дѣлѣ же онѣ представляютъ собой только чаще всего бросающіяся въ глаза явле-

нія ассоціаціи, такъ какъ при нихъ связанныя между собою представленія кажутся развернутыми во временную послѣдовательность. Но вышеприведенныя наблюденія убѣдили насъ въ томъ, что послѣдовательныя ассоціаціи не являются ни единственною, ни самую важную формою сочетанія. Въ дѣйствительности, по психологическому происхожденію ихъ можно опредѣлить, какъ ассимиляцію и компликацію, въ которыхъ сочетаніе конституирующихъ ихъ главныхъ составныхъ частей было какъ-либо задержано противодѣйствующими мотивами, такъ что они могли выступить, какъ самостоятельныя представленія. Это ясно сказывается въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ возможенъ непрерывный переходъ отъ непосредственнаго, въ одномъ непосредственномъ актѣ происходящаго, ассимилятивнаго узнаванія къ ассоціаціи воспоминанія. Представимъ себѣ, на примѣръ, что мы разсматриваемъ портретъ, изображающій извѣстную намъ личность, при чемъ портретъ этотъ выполненъ въ самыхъ различныхъ степеняхъ сходства съ оригиналомъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, въ которыхъ живописецъ достигъ высшей степени вѣрности оригиналу, можетъ случиться, что мы воспримемъ изображеніе съ живымъ впечатлѣніемъ тожества его съ оригиналомъ. Тогда возникаетъ непосредственная, возникающая безъ задержки и замедленія, ассимиляція. Если портретъ достаточно похожъ, чтобы мы безъ затрудненія признали въ немъ знакомое лицо, но искаженъ нѣкоторыми чуждыми чертами, то процессъ переходитъ въ замедленную ассимиляцію. Привнесенныя художникомъ черты при болѣе продолжительномъ разсматриваніи оттѣсняются репродуктивною ассимиляціей, и можетъ случиться, что послѣ нѣ котораго времени мы будемъ видѣть знакомое

лицо и въ менѣе удачномъ портретѣ. Если, наконецъ, портретъ совершенно не похожъ, то возникаетъ своеобразная борьба между ассимиляціей и диссимиляціей, при чемъ можетъ случиться, что мы попытаемся воскресить въ воображеніи знакомое намъ лицо независимо отъ портрета; обыкновенно называютъ этотъ процессъ „ассоціаціей по сходству“ и допускаютъ, что видимый и воспроизводимый образъ присутствуетъ въ сознаніи послѣдовательно. Но такое допущеніе, какъ легко можно въ этомъ убѣдиться, представляетъ собою одностороннюю схематизацію случайнаго промежуточнаго явленія, а самая сущность процесса, борьба ассимилятивныхъ и диссимилятивныхъ воздѣйствій, оставляется совершенно въ сторонѣ.

Ассимиляція впечатлѣнія можетъ разложиться на послѣдовательный рядъ представленій еще при одномъ условіи: это случается тогда, когда впечатлѣніе въ прежнихъ опытахъ было составною частью болѣе сложнаго представленія, отдѣльные члены котораго были расположены во временной послѣдовательности; при этомъ безразлично, былъ ли самый рядъ временнымъ или пространственнымъ: важно лишь то, что воспріятіе его требовало послѣдовательнаго ряда актовъ. Оба случая въ сущности одинаковы, такъ какъ они совпадаютъ въ мотивѣ преемственности. Видимъ ли мы или слышимъ, на примѣръ, слова: „Азъ есмь“, то всякому человѣку, знающему десять заповѣдей, приходитъ на умъ: „Господь Богъ твой“ и т. д. При этомъ безразлично, будутъ ли эти слова представляться ему въ зрительныхъ образахъ, какъ продолженіе видѣнныхъ словъ, или же онъ воспринимаетъ ихъ въ слабыхъ звуковыхъ образахъ, или же они вытекаютъ у него, какъ сочетанная изъ слу-

ховыхъ и зрительныхъ образовъ компликація. Такое сочетаніе обыкновенно называютъ „ассоціаціей по смежности“. И въ этомъ случаѣ допускають, что непосредственно данные и репродуцированные члены ряда примыкають другъ къ другу въ чистой преемственности. Но и это—вымышленная схема, которой дѣйствительность совсѣмъ не соотвѣтствуетъ. Если мы всмотримся внимательно въ теченіе этого процесса, то ясно замѣтимъ, что невидимая и неслышимая нами часть ряда вступаетъ въ сознаніе отнюдь не тогда, когда непосредственно воспринимаемая уже исчезла изъ апперцепціи. Скорѣе же здѣсь наблюдается опять-таки совершенно то же явленіе, съ которымъ мы имѣли дѣло при опытахъ съ рядами тактовъ или въ обратномъ, смыслѣ при замедленномъ узнаваніи предмета. Въ тотъ моментъ, когда въ нашемъ примѣрѣ были апперцепированы слова „азъ есмь“, въ темныхъ нѣдрахъ сознанія появилось уже все слѣдующее содержаніе десяти заповѣдей, такъ что эмоціональный характеръ не только ближайшихъ словъ, но и всѣхъ десяти заповѣдей вообще сразу опредѣляетъ апперцепцію. Въ дѣйствительности, слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ репродуктивною ассимиляціей, въ которой лишь вслѣдствіе временнаго порядка вступающихъ во взаимную ассимиляцію частей эти части апперцепируются преемственно, подобно тому, какъ отдѣльные удары ряда тактовъ образуютъ послѣдовательность и въ то же время присутствуютъ въ сознаніи, какъ связанное цѣлое. Такъ, этотъ процессъ до нѣкоторой степени видоизмѣняется, если впечатлѣніе пробуждаетъ различнаго рода элементы воспоминанія, благодаря которымъ оно можетъ апперцепироваться въ зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ сознанія.

Если я слышу, напริมѣръ, слово „отецъ“ безъ всякой опредѣленной связи съ другими представленіями, то съ нимъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ вступить въ ассимилятивное сочетаніе и слово „мать“ и слово „домъ“ или „родина“ и т. д. Въ этихъ случаяхъ можетъ поэтому наступить борьба между этими различными репродукціями, подобная той, напрімѣръ, которую мы наблюдали при созерцаніи непохожаго портрета, и выражается это, по болѣе части, равнымъ образомъ въ чувствованіяхъ неудовольствія и возбужденія, а также въ замедленіи всего процесса. Однако такія явленія, обычныя при искусственныхъ такъ называемыхъ опытахъ съ ассоціями, рѣдко встрѣчаются при нормальныхъ условіяхъ душевной жизни.

Изъ этихъ наблюденій выясняется, что удержанное отчасти и современною психологіей раздѣленіе всѣхъ ассоціій воспоминанія на ассоціи по „сходству“ и по „смежности“ основывается на схематизаціи этихъ процессовъ, при которой совершенно упускается изъ виду самое существенное содержаніе ассоціій и, въ особенности, ихъ тѣсная связь съ мгновенными ассимиляціями. Основная же причина этого болѣе съ фикціями и шаблонами, чѣмъ съ дѣйствительными явленіями, оперирующаго способа изслѣдованія душевной жизни кроется въ ложномъ оцѣнѣ представленій, которое скорѣе было закрѣплено, чѣмъ устранено ходячею ассоціационною психологіей. Такъ какъ въ процессахъ воспоминанія усмотрѣли типичныя и даже исключительныя формы ассоціій, вмѣсто того, чтобы видѣть въ нихъ исключительные случаи, которые развиваются изъ процессовъ сліянія, ассимиляціи и компликаціи лишь при опредѣленныхъ условіяхъ, то и сочли послѣдова-

тельность двухъ зависящихъ другъ отъ друга лишь черезъ внѣшнее сходство или привычную смежность связанныхъ представленій основною схемою психическихъ процессовъ вообще. Такимъ образомъ и случилось возрѣніе, что каждое представленіе являетъ собою приблизительно похожій неизмѣнный объектъ, приблизительно такъ же неизмѣнный, какъ и предметъ, къ которому оно относится. Стоитъ только прибѣгнуть къ непосредственному, не зависящему отъ такъ называемыхъ законовъ и теорій ассоціаціи, наблюденію самыхъ процессовъ сознанія, чтобы убѣдиться въ томъ, что представленіе совершенно такъ же, какъ чувствованіе, аффектъ или волевой процессъ, не бываетъ даже относительно неизмѣнной вещью. Бываютъ лишь измѣнчивые и преходящіе процессы представленія, но не постоянно вновь возвращающіяся и вновь исчезающія представленія, и эти процессы представленія постоянно переплетаются другъ съ другомъ въ элементахъ, изъ которыхъ они составляются. Воспроизведенное представленіе поэтому, въ общемъ, не болѣе тождественно съ прежнимъ актомъ того же самаго воспроизведенія, чѣмъ съ первоначальнымъ впечатлѣніемъ, къ которому оно относится. Если, съ одной стороны, представленія—не неизмѣнный объектъ, то, съ другой стороны, они и не процессы, протекающіе независимо отъ чувствованія и аффектовъ, ибо смутно сознаваемые представленія непрестанно воздѣйствуютъ черезъ свой эмоціональный характеръ на апперцепцію и благодаря тому вновь возникаютъ изъ такихъ сочетаній, которыя связываютъ массу содержаній сознанія въ одно цѣлое. Поэтому и при ассоціаціяхъ воспоминанія никогда не ассоціируются сложныя представленія, но каждая ассоціація разлагается на большое число

элементарныхъ сочетаній, въ которыхъ всегда вплетаются заразъ процессы задержки и оттъсненія, почему ассоціированное представленіе всегда будетъ измѣненнымъ въ сравненіи съ первоначальнымъ представленіемъ, простымъ повтореніемъ котораго она кажется; и эти измѣненія зависятъ отъ особыхъ условій возникновенія этого представленія. Слѣдовательно, ассимиляціи и диссимиляціи, постоянно вторгающіяся, какъ репродуктивные факторы, въ наши непосредственныя воспріятія, являются основными формами душевныхъ процессовъ, опредѣляющими также и всѣ акты воспоминанія. Эти акты воспоминанія можно всюду свести на процессы ассимиляціи, которые отчасти вслѣдствіе встрѣчающихся задержекъ или вслѣдствіе временнаго порядка процессовъ представленія сами разлагаются въ преемственный рядъ.

IV. Апперцепція.

Бываютъ случаи тяжелыхъ душевныхъ болѣзней, въ которыхъ больной съ большою скоростью выкрикиваетъ массу бессмысленнымъ образомъ набранныхъ словъ, часто перемѣшанныхъ съ совершенно лишеными значенія звуками. Это явленіе разсматриваютъ, какъ частичный случай такъ называемаго „вихря идей“. И здоровый психически человѣкъ можетъ самъ въ себѣ вызвать это явленіе, если онъ наудачу, не останавливаясь ни на одной мысли, будетъ говорить слова, которыя случайно придутъ ему на умъ. Такой бессмысленный наборъ словъ мы видимъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ рядѣ: „Schule Haus Garten bauen Steine Boden hart weich lang sehen Ernte Regen bewegen Segen“.

Напротивъ, обратимъ вниманіе на связную рѣчь, хотя бы, напримѣръ, въ началѣ 7-й книги „Вильгельма Мейстера“ Гёте: „Весна наступила во всей своей прелести; ранняя гроза, собиравшаяся въ горахъ, разразилась страшной бурей; дождь ручьями побѣждалъ въ долины, солнце снова проглянуло во всемъ блескѣ изъ-за тучъ, и на сѣромъ небѣ появилась прекрасная радуга“.

Такъ чѣмъ же отличается одно изъ этихъ сочетаній словъ отъ другого? Можетъ быть, кто-нибудь

отвѣтитъ, что въ первомъ ряду вообще нѣтъ никакой связи между отдѣльными членами, что онъ почти походитъ на слова лексикона, безъ всякаго плана и порядка расположенныя другъ возлѣ друга. Однако легко замѣтитъ, что отдѣльныя слова въ этомъ ряду не такъ безсвязны, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Обыкновенно въ нихъ замѣтна какая-нибудь ассоціація воспоминанія, связывающая послѣдующее слово съ предшествующими. Часто также ассоціація можетъ связывать одно слово съ другимъ, находящимся отъ него на большомъ разстояніи, или одновременно съ двумя словами, напр., „Steine“ съ „bauen“ и съ „Haus“, „Boden“ съ „Garten“ и т. д. Иногда же связь устанавливается не содержаніемъ представленій, а просто риемою, напр., въ „Regen, bewegen, Segen“. Наконецъ, иногда совсѣмъ нельзя отыскать опредѣленной ассоціаціи. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе разнообразныя, часто лишь смутно по ихъ эмоціональному проявленію сознаваемые представленія, съ которыми мы познакомились выше, мы и въ такихъ случаяхъ должны допустить скрытыя ассоціаціи, тѣмъ болѣе, что онѣ встрѣчаются относительно рѣдко. „Свободно поднимающіяся представленія“, которыя иногда еще допускаются, мы, не сомнѣваясь, можемъ поставить на одну доску со „случаемъ“ въ области физическихъ явленій, такъ какъ этотъ „случай“ обозначаетъ лишь недоказуемую для насъ въ данномъ случаѣ причинность. Съ этой точки зрѣнія первый изъ приведенныхъ здѣсь рядовъ словъ въ каждомъ изъ своихъ членовъ какъ-либо обусловленъ психологически черезъ ассоціацію, но рядъ этотъ не образуетъ ничего цѣлаго, онъ походитъ до извѣстной степени на кучу камней, изъ которыхъ возможно построить домъ или даже многіе

дома, но недостаетъ для этого плана. Если, напротивъ, мы рассмотримъ второй рядъ, то увидимъ, что отдѣльные члены, конечно, и здѣсь связаны чрезъ ассоціацію: общее представленіе весны, гроза, буря, горы, дождь, солнце, радуга,—все это звенья ассоціативной цѣпи, но эти звенья подобраны такимъ образомъ, что сочетаются въ цѣльную картину, и впечатлѣніе ея сразу ставитъ насъ въ то положеніе и приводитъ въ то настроеніе, которое хотѣлъ пробудить въ читателѣ поэтъ. Въ этой картинѣ нѣтъ ни одной лишней изъ главныхъ составныхъ частей, каждая изъ нихъ сочетается съ цѣлымъ, такъ что одно общее представленіе соединяетъ другъ съ другомъ всѣ эти ассоціированные члены.

Если мы можемъ попытаться отличить второй изъ вышеупомянутыхъ рядовъ представленій отъ перваго чрезъ объективный признакъ осмысленнаго порядка его отдѣльныхъ частей, то въ отношеніи къ субъективной сторонѣ процесса этого будетъ недостаточно. Представимъ себѣ, что ребенокъ выучилъ приведенное мѣсто изъ Вильгельма Мейстера наизусть, не обращая ни малѣйшаго вниманія на значеніе словъ,—какъ это иногда бываетъ,—и затѣмъ воспроизводитъ его такъ же бессмысленно. Тогда это мѣсто будетъ отличаться отъ перваго ряда словъ по своему психологическому характеру лишь кажущимся образомъ: отдѣльныя слова какъ тамъ, такъ и тутъ связаны другъ съ другомъ чрезъ простую ассоціацію, но въ сознаніи самого ребенка они не образуютъ никакого единого цѣлаго. Чѣмъ же отличается это лишь кажущееся единство безъ смысла зазубренныхъ наизусть предложеній отъ дѣйствительнаго единства въ умѣ поэта, написавшаго ихъ, или вдумчиваго читателя, который вновь построилъ въ своемъ вооб-

раженіи всю эту картину? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть двоякимъ: авторъ, который впервые создалъ въ своей фантазіи эту картину, и читатель, воссоздающій ее, дѣйствуютъ не совсѣмъ одинаковымъ образомъ. У поэта, прежде чѣмъ онъ написалъ это мѣсто, цѣлое, хотя бы въ неопредѣленныхъ наброскахъ, должно было содержаться въ сознаниі. Процессъ здѣсь, вновь возвращаясь къ нашимъ опытамъ съ метрономомъ, совершенно тотъ же, что при воспріятіи ритмическаго ряда, который мы слышимъ по извѣстному размѣру въ ударахъ метронома или же при отбиваніи заранѣе опредѣленнаго ритма пальцами по столу: цѣлое уже находится въ сознаниі, но отдѣльныя части его попадаютъ въ фиксаціонную точку лишь послѣдовательно, чтобы затѣмъ въ концѣ періода опять кончить связывающимъ весь рядъ цѣльнымъ чувствованіемъ, которое уже вначалѣ предваряло предстоящій періодъ. Иначе протекаетъ процессъ у воссоздающаго читателя: хотя вниманіе его съ самаго начала направлено на сложное изъ многихъ частей общее представленіе, однако само оно порождается лишь впечатлѣніями прочтенныхъ словъ. У поэта, слѣдовательно, цѣлое стоитъ въ началѣ и въ концѣ творческой мысли, развивающейся въ послѣдовательной апперцепціи отдѣльныхъ частей. У читателя же вначалѣ имѣется лишь направленное на цѣлое чувство ожиданія, находящее себѣ выраженіе въ ориентированныхъ уже, по бѣльшей части, по опредѣленнымъ качественнымъ направленіямъ чувствованійхъ напряженія; но этого ожиданія достаточно, чтобы направлять послѣдовательное воспріятіе частей цѣлаго въ томъ же смыслѣ, въ какомъ самъ поэтъ довелъ до яснаго сознанія свое первоначально неопредѣленное общее представленіе. Такимъ обра-

зомъ, въ обоихъ случаяхъ дѣятельность апперцепціи является существеннымъ факторомъ, отличающимъ возникновеніе такого сочетанія отъ простаго ассоціативнаго ряда, и извѣстная связь мыслей сама становится простою ассоціаціей, если части ея сочетаны лишь по памяти и репродуцируются безъ внутренняго единства. И въ этомъ случаѣ репродукція становится тогда пассивно переживаемымъ процессомъ, которому недостаетъ сознанія собственной дѣятельности, свойственнаго какъ творческой мысли, такъ, съ вышеупомянутыми модификаціями, и воспроизведенію ея въ душѣ слушателя или читателя. Въ обоихъ случаяхъ, такимъ образомъ, именно описанное выше характерное для активной апперцепціи чувство дѣятельности, слагающееся изъ смѣняющихся возбужденій, напряженій и разрядовъ, придаетъ процессу его своеобразный, существенно отличающій его отъ простой ассоціаціи характеръ.

Но если всѣ апперцепціи и совпадаютъ въ этихъ объективныхъ признакахъ сочетанія многообразнаго въ единство и субъективныхъ признакахъ произвольной дѣятельности, зато при сравненіи мыслительныхъ процессовъ обнаруживается поразительная разница въ содержаніи связанныхъ представленій. Возьмемъ, напр., слѣдующее предложеніе изъ Канта: „Идетъ ли обработка познаній, относящихся къ функціи разума, по вѣрному пути науки или нѣтъ, объ этомъ скоро можно будетъ судить по слѣдствіямъ“. Всякій читатель, сравнивъ это предложеніе изъ „Критики чистаго разума“ съ описаніемъ изъ „Вильгельма Мейстера“, подумаетъ, что они относятся къ совершенно различнымъ областямъ мышленія. Въ описаніи все—созерцаніе, каждое слово—наглядное представленіе, цѣлое даетъ картину въ

словахъ; въ предложеніи изъ „Критики“ ни одно слово не выражаетъ живого созерцанія, все предложеніе составлено изъ абстрактныхъ понятій, которыя получаютъ живое содержаніе лишь благодаря пробуждаемымъ ими дальнѣйшимъ рядамъ мыслей. Но и это абстрактное образованіе мыслей совпадаетъ съ нагляднымъ описаніемъ изъ Мейстера въ томъ, что и оно въ послѣднемъ основаніи своемъ сводится къ созерцаніямъ, и для выраженія его необходимы слова, которыя, какъ слуховыя и зрительныя впечатлѣнія, сами опять-таки являются наглядными представленіями. Конечно, такія понятія, какъ познаніе, разумъ, наука, и даже такія, какъ обработка, функція, путь, слѣдствіе, изъ которыхъ слагается взятое нами изъ Канта предложеніе, въ томъ значеніи, въ какомъ употребилъ ихъ Кантъ,—отнюдь не наглядны. Но если мы обратимся къ первоначальному ихъ значенію, оно всегда окажется заимствованнымъ изъ чувственнаго опыта. Слово „работа“ въ языкѣ первоначальной стадіи развитія употребляется лишь въ смыслѣ механической, выражающейся въ видимыхъ нами дѣйствіяхъ, работѣ; „познаніе“ означаетъ на непосредственное созерцаніе опирающееся познаніе, разумъ — воспріятіе, разумѣніе словъ или другихъ чувственныхъ впечатлѣній. Наконецъ, „путь“ и „слѣдствіе“ еще въ достаточной степени ясно носятъ отпечатокъ опирающихся на чувственный опытъ понятій ходьбы и слѣдованія за чѣмъ-либо, хотя въ той мысли, образовать которую они въ данномъ случаѣ помогаютъ, и они далеки по смыслу отъ своего происхожденія. И такъ какъ даже самая абстрактная мысль во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ въ концѣ-концовъ сводится къ непосредственному созерцанію, то эти вспомогательныя средства выраженія, отъ ко-

торыхъ мы никогда не можемъ отдѣлаться, доказываютъ въ то же время, что даже самое отвлеченное, далекое отъ непосредственнаго созерцанія мышленіе шагъ за шагомъ развилось изъ созерцательнаго. Это произошло, какъ учить исторія развитія познанія, благодаря тому, что первоначальныя чувственныя представленія вступили другъ съ другомъ въ разнообразныя отношенія, въ силу чего на высшей ступени развитія мышленія эти отношенія представленій стали схватываться вмѣстѣ, какъ отдѣльные члены мышленія, подобно тому какъ на первоначальной стадіи схватывались вмѣстѣ самыя конкретныя представленія. Такимъ образомъ, слово „познаніе“ замѣщаетъ для мыслящаго человѣка почти безграничную массу процессовъ созерцательнаго познанія, благодаря чему „познаніе“ и становится абстрактнымъ понятіемъ, которое само уже не можетъ созерцаться непосредственно. Именно такимъ способомъ и совершается чрезъ никогда непрерывающееся сцѣпленіе апперцепцій дальнѣйшее сгущеніе мышленія, существенно въ то же время берегающее и сохраняющее умственную работу. Слово, выражающее понятіе, напр., „познаніе“, подобно поэтому кредитному билету, который можетъ представлять собою почти неограниченную цѣнность въ переводѣ на чистую монету. Сюда совершенно подходятъ слова Мефистофеля ученику:

„Zwar ist's mit der Gedankenfabrik
 Wie mit einem Weber-Meisterstück,
 Wo Ein Tritt tausend Fäden regt,
 Die Schifflein herüber hinüber schießen,
 Die Fäden ungesehen fließen,
 Ein Schlag tausend Verbindungen schlägt“ ¹⁾.

1) Ибо на фабрикѣ мышленья,
 Чтò въ ткацкомъ, такъ сказать, станкѣ:

Но какъ ни далеко можетъ мышленіе отклониться съ помощью этого развитія значенія словъ отъ своей первоначальной созерцательной основы, однако въ дѣйствительномъ своемъ теченіи оно опять-таки всегда будетъ чувственно-созерцательнымъ.

Ибо, какъ продолжаетъ Мефистофель, „а гдѣ чего вамъ не понять, тамъ слово громкое поможетъ“. И это слово именно тогда имѣетъ свое важное значеніе. Слово является настоящимъ представляемымъ эквивалентомъ не подлежащаго представленію понятія. Слово превращаетъ абстрактную мысль въ созерцательный, слышимый и видимый процессъ представленія.

Однако на ряду съ этими, обусловленными постоянными апперцепціями сгущеніями, первоначальное созерцательное мышленіе сохраняетъ — вмѣстѣ со всѣми промежуточными ступенями между конкретнымъ объектомъ и наиболѣе абстрактнымъ понятіемъ — всегда особое значеніе, свойственное каждой изъ этихъ степеней; и между всѣмъ этимъ рядомъ ступеней значеній именно самое первоначальное, свойственное исключительно отдѣльному созерцанію дѣйствительнаго, играетъ въ нашемъ мышленіи и въ нашей жизни особенно важную роль. Оно играетъ роль въ нашей жизни, благодаря которой мы принадлежимъ непосредственной дѣйствительности и самостоятельно вторгаемся въ нее; въ нашемъ мышленіи, которое всегда принуждено мыслить абстрактныя образованія мыслей осуществленными въ ихъ единичныхъ примѣненіяхъ, если оно не хочетъ потерять подъ собой всякую почву. Это особенное зна-

Въ немъ очень сложно управленье,

А сила—только въ челнокѣ:

Одинъ ударь,—сто петель вьется,

И тысяча узловъ плетется.

ченіе первоначальнаго, еще не ослабленнаго никакими абстракціями созерцанія находитъ свое выраженіе въ томъ, что обѣ области человѣческой духовной дѣятельности, которыя дополняютъ другъ друга и составляютъ главную цѣнность человѣческой жизни—наука и искусство,—осуществляютъ обѣ эти формы мышленія. Поэтому творенія искусства представляютъ собою образованія мыслей не въ меньшей степени, чѣмъ научныя произведенія; поэтому въ своемъ строеніи они слѣдуютъ совершенно тѣмъ же законамъ апперцепціи, съ которыми мы имѣли дѣло въ мысли, выразившейся въ языкѣ. Подобно тому какъ мысль присутствуетъ въ нашемъ сознаніи, какъ цѣлое, прежде всего воздѣйствующее на апперцепцію лишь черезъ конечное цѣльное чувствованіе, чтобы затѣмъ въ преемственныхъ апперцепціяхъ разложиться на свои отдѣльныя составныя части, такъ и скульпторъ, живописецъ, поэтъ или композиторъ сначала схватываютъ произведеніе искусства въ его цѣломъ, притомъ часто лишь въ очень неопредѣленныхъ чертахъ, прежде чѣмъ перейдутъ къ выполненію отдѣльныхъ частей; и тогда въ этой аналитической дѣятельности тотчасъ же образуется и общее представленіе, которое влагается въ первоначальный неясный набросокъ. При этомъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ какъ ходъ мыслей, такъ и композиція произведенія искусства могутъ, благодаря вліянію промежуточныхъ ассоціацій, измѣниться, въ нихъ могутъ быть сдѣланы вставки, дополненія, но закономерное теченіе самаго процесса въ общемъ остается неизмѣненнымъ. Поэтому какъ творенія искусства, такъ и выраженіе мысли въ связныхъ предложеніяхъ никогда не бываютъ простымъ продуктомъ ассоціацій.

Эти психологическія наблюденія поясняютъ намъ многія явленія, наблюдаемыя въ повседневной жизни. Прежде всего сюда относится тотъ мало обращающій на себя вниманіе фактъ, что мы въ нашей рѣчи можемъ безъ затрудненія довести до конца довольно запутанныя мысли, несмотря на то, что въ началѣ предложенія мы далеко не ясно сознавали отдѣльныя слова и представленія, равно какъ и ихъ связь другъ съ другомъ. Многія лица, когда имъ впервые приходится выступить съ публичною рѣчью, терпятъ фiasco именно потому, что въ эти мгновенія они лишаются довѣрія къ такому саморегулированію хода нашихъ мыслей, такъ какъ имъ кажется, что сначала они должны найти надлежащій переходъ отъ одного слова къ другому. Поэтому, въ то время какъ они въ непринужденномъ разговорѣ безъ всякаго труда доводятъ до конца самыя запутанныя конструкции предложеній, ихъ рѣчь предъ публикой становится запиноющеюся, беспомощною, и каждую минуту имъ грозитъ опасность остановиться. Безусловная увѣренность въ возможности свободно и произвольно выразить однажды схваченную мысль является въ этомъ случаѣ самымъ надежнымъ средствомъ къ воспитанію въ себѣ способности преодолевать всѣ эти затрудненія, хотя въ этомъ можетъ помочь и планомѣрное педагогическое воздѣйствіе.

Если мы представимъ себѣ затѣмъ процессы, благодаря которымъ связываются начало и конецъ выраженія мысли въ одномъ предложеніи или въ нѣсколькихъ сочтаныхъ вмѣстѣ предложеніяхъ, то легко можно замѣтить, что уже при произнесеніи перваго слова общее содержаніе было налицо во всей присущей ему эмоціональной окраскѣ, тогда какъ представленія и выражающія ихъ слова едва

сознавались далѣе начала предложенія. Если далѣе теченіе мыслей совершается безъ ассоціативныхъ отклоненій и дополненій, благодаря которымъ въ мысль вставляются случайныя составныя части, первоначально далекія отъ нея, то мы тотчасъ же замѣчаемъ, что это возникающее вначалѣ чувство вполнѣ согласуется съ конечнымъ чувствованіемъ, сопровождающимъ заключительное звено высказанной мысли. Разница лишь въ томъ, что это конечное чувство, съ одной стороны, сопровождая заключительное слово, бываетъ интенсивнѣе, а съ другой стороны, постепенно переходитъ въ чувство, подготавливающее слѣдующую мысль. При этомъ бросается въ глаза, что эти явленія во всемъ существенномъ совершенно согласуются съ тѣми наблюденіями, которыя были сдѣланы нами при опытахъ съ метрономомъ надъ рядами тактовъ. Разница лишь въ томъ, что въ этомъ экспериментѣ съ рядами тактовъ условія проще и точнѣе, такъ что наблюденія менѣе опредѣленныя при обычномъ мышленіи и обычной рѣчи приобрѣтаютъ здѣсь непосредственную очевидность.

Болѣе сложными, чѣмъ при обычномъ мышленіи и обычной рѣчи, бываютъ естественнымъ образомъ эти явленія въ тѣхъ случаяхъ, когда связь мыслительныхъ процессовъ распространяется на болѣе обширныя созданія мысли. Хотя и предъ художникомъ, схватившимъ идею большого произведенія искусства, и предъ философомъ, захваченнымъ концепціей сложной системы мыслей, уже носится эта идея въ цѣломъ, прежде чѣмъ онъ перейдетъ къ ея выполненію, однако въ подобныхъ случаяхъ эта антиципация возможна лишь въ видѣ неопредѣленнаго цѣльнаго чувствованія, которое указываетъ ходу мы-

слей ихъ направленіе, чтобы во время развитія мыслей самому проступить все яснѣе и яснѣе. При этомъ, однако, въ такихъ болѣе сложныхъ случаяхъ отклоняющія вліянія все болѣе и болѣе увеличиваются въ силѣ и поэтому непрестанно измѣняютъ качество связаннаго съ цѣлымъ чувственнаго тона. Поэтому можетъ случиться, что все мысленное построеніе послѣ выполненія приметъ совершенно иной видъ, чѣмъ тотъ, который оно имѣло при первой концепціи, и можетъ даже случиться, что такія рѣзкія измѣненія неоднократно повторятся въ ходѣ процесса. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ возникаютъ обыкновенно новыя ассоціаціи, вызванныя отдѣльными членами ряда, и если онѣ не подходятъ къ преднамѣренному ходу мыслей, то онѣ могутъ или обратно ассимилировать его, или же совершенно отбѣснить. Съ усложненіемъ продуктовъ мысли эти побочныя вліянія возрастаютъ, наконецъ, до такой степени, что согласный съ первоначальнымъ планомъ непрерывный ходъ мыслей становится исключеніемъ, а преобладаніе преобразующихъ его постороннихъ вліяній—правиломъ. Если въ большинствѣ случаевъ подобныя явленія и ускользаютъ отъ объективнаго контроля, зато можно много привести и такихъ случаевъ, въ которыхъ они, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ главныхъ моментахъ, совершенно очевидны. Такъ, напримѣръ, Фаустъ, Гёте, не только носитъ на себѣ ясныя слѣды неоднократнаго измѣненія первоначальной идеи, но даже наводитъ насъ на догадку, что при послѣдней изъ своихъ концепцій поэтъ забылъ первую; и Вильгельмъ Мейстеръ производитъ почти такое впечатлѣніе, какъ если бы поэтъ хотѣлъ намѣренно дать возможно большую свободу игрѣ возникшихъ во время самаго процесса

творчества ассоціацій. Конечно, мы взяли крайніе случаи. Но и вообще, едва ли найдется въ области искусства или науки такое твореніе, выполненіе котораго было бы вполнѣ свободно отъ этихъ побочныхъ вторгающихся вліяній, имѣющихъ свой источникъ отчасти въ новыхъ впечатлѣніяхъ, отчасти въ порожденныхъ ими или ихъ творческой переработкой образованіяхъ. На школьномъ языкѣ психологовъ эти переплетающіеся другъ съ другомъ процессы подведены подъ понятія „разсудка“ и „фантазіи“. Если перевѣшиваетъ планомѣрный распорядокъ мыслей, связанный въ то же время, по большей части, съ тенденціей къ абстракціи, то процессъ этотъ приписывается, обыкновенно, разсудку; гдѣ же сознание отдается свободной игрѣ ассоціацій и вновь пробужденныхъ мысленныхъ образованій и вмѣстѣ съ тѣмъ склонно къ болѣе созерцательной формѣ мышленія, тамъ говорятъ о дѣятельности фантазіи. Но очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь не о какихъ-либо обособленныхъ душевныхъ способностяхъ, даже не о функціяхъ различнаго рода, но въ сущности всегда лишь объ участіи входящихъ во всѣ мыслительные процессы апперцепцій и ассоціацій въ различномъ относительномъ распредѣленіи. Совершенно превратно также такое пониманіе душевной жизни, согласно которому, по школьной традиціи, фантазія считается исключительнымъ свойствомъ художниковъ, а разсудокъ — дѣятелей науки. Наука безъ фантазіи имѣетъ не болѣе цѣны, чѣмъ искусство безъ разсудка.

Подобно тому какъ эти схематическія общія понятія разсудка и фантазіи въ извѣстномъ смыслѣ соотвѣтствуютъ лишь различнымъ точкамъ зрѣнія, подъ которыми разсматриваются и различаются по отно-

зительному вліянiю факторовъ сами по себѣ единыя и нераздѣльныя душевныя функціи; точно такъ же въ концѣ-концовъ и ассоціаціи, и апперцепціонныя сочетанія не представляютъ собою процессовъ, принадлежащихъ къ совершенно различнымъ областямъ душевной жизни. Скорѣе же они не только постоянно переходятъ другъ въ друга, но апперцепціи даже происходятъ изъ ассоціацій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы въ состоянiи свести ихъ на условія ихъ различія. Съ наибольшей ясностью можно показать это происхожденіе апперцепціонныхъ сочетаній изъ ассоціацій въ наиболѣе доступной намъ въ своихъ объективныхъ продуктахъ области мыслительной дѣятельности, именно въ мышленіи, выраженномъ въ рѣчи. Слѣдующій примѣръ, примыкающій къ вышеприведеннымъ созерцательнымъ и выраженнымъ въ понятіяхъ формамъ мышленія, можетъ пояснить намъ это. Описаніе изъ Вильгельма Мейстера, рисующее наступленіе весны, мы привели, какъ образчикъ чувственно созерцательнаго выраженія, въ смыслѣ обычныхъ для насъ формъ образованія мысли. Однако и это созерцательное выраженіе всецѣло подчинено законамъ нашего мышленія въ понятіяхъ, которое отчасти связываетъ въ общее представленіе въ интересахъ именно цѣльнаго соединенія далеко отстоящіе члены мысли и вынуждаетъ насъ въ частицахъ и формахъ склоненій и спряженій употреблять абстрактные элементы понятій для приведенія въ извѣстный порядокъ частей созерцаемаго. Иначе обстоитъ дѣло на болѣе первобытной стадіи развитія мышленія и его выраженія въ языкѣ. Возьмемъ, на примѣръ, изъ нашего собственнаго языка простой оборотъ въ родѣ слѣдующаго: „онъ далъ дѣтямъ грифель“. Если бы мы

совершенно дословно перевели это предложёніе, непосредственно созерцательное для насъ, уроженцу нашей африканской колоніи Того, — онъ, конечно, не понялъ бы насъ. Уже „грифель“ былъ бы для него слишкомъ абстрактнымъ понятіемъ. Далѣе, онъ не могъ бы понять, какъ можно кому-нибудь давать что-либо, не взятое предварительно откуда-нибудь. Вставленные же между понятіемъ грифеля и дѣйствія передачи члены, которые служатъ у насъ для соединенія частей въ одно цѣльное представленіе, показались бы ему скорѣе смѣшеніемъ совершенно различныхъ элементовъ. Наконецъ, онъ не можетъ образовать понятія „дѣти“, не мысля въ то же время, что они—дѣти того или другого человѣка. Поэтому вышеприведенное предложёніе нужно перевести на языкъ Того-негровъ слѣдующимъ образомъ: „Онъ брать камень писать нѣчто его давать чьи-то дѣти“. При этомъ нужно замѣтить, что даже этотъ дословный переводъ, въ сущности, носить на себѣ слѣды умственной культуры нашего языка, такъ какъ языкъ Того не знаетъ вообще различія существительныхъ и прилагательныхъ, которыя мы должны были здѣсь употребить. Если мы всмотримся поближе въ подобное предложёніе, то для насъ станетъ очевиднымъ, что представленія въ немъ расположены именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ протекаетъ процессъ созерцанія; и такъ какъ каждое слово, въ сущности, обозначаетъ лишь одно представленіе, не подводимое при этомъ ни подъ какія грамматическія категоріи, вообще не имѣющіяся въ языкѣ Того,—то все выраженіе мысли стоитъ здѣсь по существу еще на ступени чистой ассоціаціи представленій. Отъ совершенно безъ всякаго плана переходящей отъ одного члена къ другому ассоціаціи, въ родѣ приведеннаго

нами выше ряда: „Schule Haus Garten и т. д.“, это предложеніе отличается лишь тѣмъ, что оно шагъ за шагомъ непосредственно слѣдуетъ созерцаемому процессу, слѣдовательно репродуцируетъ его въ воспоминаніи совершенно такъ же, какъ онъ протекалъ въ воспріятіи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ процессѣ предъ нами ясно проступаютъ оба мотива, которые превращаютъ чистую ассоціацію вслѣдствіе какого-то, какъ бы въ ней самой лежащаго, побужденія въ апперцептивныя сочетанія. Одинъ изъ этихъ мотивовъ объективный: законмѣрное сцѣпленіе внѣшнихъ явленій, представляющееся созерцанію и вызывающее ассоціацію, вынуждаетъ представленія связываться другъ съ другомъ равнымъ образомъ законмѣрно. Рядъ въ родѣ вышеприведеннаго „Schule Haus Garten и т. д.“, возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если ходъ мыслей отрѣшается отъ созерцанія, чтобы отдаться случайнымъ внутреннимъ мотивамъ, которые остаются, если отпадаетъ эта, постоянно регулирующая наше мышленіе послѣдовательность явленій. Поэтому связанная съ этими явленіями ассоціація будетъ болѣе первоначальною, чѣмъ мышленіе, и законмѣрность хода вещей въ природѣ такимъ образомъ сообщаетъ законмѣрность и нормальной ассоціаціи нашихъ представленій. Къ этому объективному присоединяется и другой, субъективный, мотивъ: мы не могли бы ассоціативно удержать и воспроизвести рядъ впечатлѣній, данный намъ въ извѣстной послѣдовательности, если бы вниманіе не прослѣживало послѣдовательно всѣ отдѣльныя части ряда, чтобы, наконецъ, соединить ихъ въ одно цѣлое. Такимъ образомъ, наше мышленіе возникаетъ изъ связи вещей въ природѣ, которую человѣкъ видитъ вокругъ себя, и самое это

мышленіе съ самаго начала является не чѣмъ инымъ, какъ субъективнымъ воспроизведеніемъ законѣрнаго хода вещей въ природѣ. Но самое это воспроизведеніе возможно въ свою очередь лишь благодаря волѣ, господствующей надъ сцѣпленіемъ представленій. Такимъ образомъ, человѣческое мышленіе, какъ и самый человѣкъ, одновременно является и созданіемъ природы и твореніемъ собственной душевной жизни, находящей въ волѣ то единство, которое связываетъ необозримое многообразіе душевныхъ содержаній въ одно нераздѣльное цѣлое. Такимъ образомъ, развитіе апперцептивныхъ сочетаній мыслей изъ ассоціацій подтверждаетъ въ концѣ-концовъ полученный прежде при разсмотрѣніи волевыхъ процессовъ результатъ—именно, что всякимъ внѣшнимъ произвольнымъ дѣйствіямъ противостоятъ внутренніе акты воли, выражающіеся именно въ воздѣйствіи на ходъ мыслей. Эта связь внутреннихъ и внѣшнихъ актовъ воли находитъ себѣ наиболѣе ясное выраженіе въ тѣсной связи мышленія и рѣчи. Внѣшнее дѣйствіе невозможно для насъ безъ одновременныхъ внутреннихъ волевыхъ актовъ. Поэтому господству воли надъ первоначально безъ всякаго порядка движущимися по различнымъ направленіямъ ассоціаціями съ самаго начала соотвѣтствуетъ слѣдующее извѣстнымъ правиламъ выраженіе мыслей въ языкѣ, какъ внѣшняя волевая дѣятельность. Какъ бы ни близко стояла мысль въ первобытномъ языкѣ, на примѣръ, въ вышеприведенной фразѣ на языкѣ Того, къ чистой ассоціаціи представленій, все же господство воли сказывается въ ней въ томъ, что ассоціативный рядъ будетъ имѣть тѣсную внутреннюю связь. Этимъ дана въ то же время основа, на которой теперь могутъ возникнуть болѣе сложныя формы апперцепціи

вслѣдствіе постоянныхъ сгущеній и связей мышленія, вмѣстѣ съ чѣмъ онѣ находятъ себѣ адекватное выраженіе и въ формахъ рѣчи. Эта связь внутренней и внѣшней воли, какъ она живо проявляется въ соединеніи мышленія и рѣчи, имѣетъ огромное и практическое и теоретическое значеніе. Подобно тому какъ лишь изъ этой связи мы можемъ приобрѣсти удовлетворительное пониманіе высшихъ проявленій человѣческой душевной жизни, точно такъ же съ практической стороны она убѣждаетъ насъ въ томъ, что самая важная для образованія характера часть воспитанія — воспитаніе воли — не должна быть направлена ни исключительно, ни даже главнымъ образомъ на выражающееся вовнѣ поведеніе и поступки человѣка. Воспитаніе воли имѣетъ скорѣе же своимъ объектомъ прежде всего именно внутреннюю волю, проявляющуюся въ закономѣрномъ мышленіи, и укрѣпленіе этой воли противъ отвлекающей игры ассоціацій является одной изъ важнѣйшихъ, хотя въ то же время и труднѣйшихъ задачъ воспитанія.

Неоднократно пытались прослѣдить процессы мышленія на другомъ пути, чѣмъ тотъ, по которому мы слѣдовали выше. Прежде всего полагали, что вѣрнѣй всего мы найдемъ путь, если положимъ въ основу психологическаго анализа мыслительныхъ процессовъ законы логическаго мышленія, какъ они установлены со временъ Аристотеля въ научной логикѣ. Наибольшее остроуміе въ этомъ преобразованіи психическихъ процессовъ въ логическія сужденія и умозаключенія проявила схоластическая философія, хотя въ послѣдователяхъ ея нѣтъ недостатка и въ новѣйшее время. Отъ мыслительныхъ процессовъ въ собственномъ смыслѣ слова схоластическая философія распространила это логическое истолкованіе всего

психическаго также на ассоціаціи, на процессы чувственнаго воспріятія, на простыя ощущенія, чувствованія, аффекты и т. д., такъ что въ этой схоластической психологіи прежнихъ временъ человѣческое сознаніе какъ бы само превратилось въ схоластическаго философа, который всѣ свои дѣйствія регулируетъ законами логики. На самомъ же дѣлѣ эти законы являются позднѣйшимъ продуктомъ научнаго развитія, предполагающимъ длинную, опредѣленную множествомъ особыхъ факторовъ исторію мышленія. Попытка объяснить, исходя изъ этихъ нормъ—покрывающихъ даже для развитогаго сознанія лишь незначительную часть его мыслительныхъ процессовъ,—мышленіе въ психологическомъ смыслѣ слова можетъ поэтому привести лишь къ тому, что дѣйствительные факты будутъ опутаны сѣтью логическихъ рефлексій. Въ дѣйствительности объ этихъ попыткахъ можно сказать, что по своимъ результатамъ онѣ оказались совершенно безплодными: психическіе процессы онѣ устранили совсѣмъ, а для истолкованія логическихъ законовъ рѣшительно ничего не сдѣлали, и именно потому, что видѣли въ нихъ первоначальные факты сознанія.

Многіе психологи полагали, что этотъ методъ можно поправить, призвавъ на помощь непосредственное самонаблюденіе. Они пытались, обращая вниманіе на собственное сознаніе, дать себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ въ насъ, когда мы мыслимъ. Или же они пытались достигнуть той же цѣли, задавая вопросы другому лицу, которые должны были пробудить въ немъ мыслительные процессы, а затѣмъ спрашивали это лицо о сдѣланныхъ имъ во время этихъ процессовъ наблюденіяхъ надъ собою. Тому, кто слѣдилъ за нашими прежними наблюденіями, ясно, что

изъ подобныхъ попытокъ непосредственно, безъ всякой подготовки, прослѣдить сложнѣйшіе душевные процессы ничего не могло выйти. Если мы не приобрѣтемъ—съ помощью тщательнаго анализа болѣе элементарныхъ психическихъ процессовъ, условій дѣятельности вниманія, объема сознанія, равно какъ отношенія между вниманіемъ и объемомъ сознанія и разнообразныхъ участвующихъ при этомъ процессовъ чувствованій—необходимыхъ заключеній объ общихъ условіяхъ мыслительныхъ процессовъ и, до известной степени, о томъ фонѣ, на которомъ они протекають,—то невозможнымъ окажется понять какъ-либо самые эти процессы въ ихъ психическихъ связяхъ. Поэтому-то всѣ подобныя попытки подойти къ проблемѣ мышленія прямо путемъ непосредственнаго самонаблюденія не привели ни къ какому результату. Конечно, многіе психологи усмотрѣли причину этого не въ ложности ихъ собственнаго метода, но въ сущности самаго мышленія. Его объявили бессознательнымъ процессомъ, т.-е.,—такъ какъ все чувственно созерцаемое принадлежитъ сознанію,—сверхчувственнымъ процессомъ, въ истолкованіи котораго опять-таки можно было отдаться собственнымъ произвольнымъ спекуляціямъ. Этимъ, конечно, опять были настежь открыты двери истолкованію психическихъ процессовъ по образцу произвольно истолкованныхъ логическихъ рефлексій. Этотъ мнимый методъ точнаго самонаблюденія пришелъ поэтому опять къ своей исходной точкѣ—къ схоластикѣ.

Въ противоположность этому схоластическому методу можно считать за правило какъ въ психологіи, такъ и во всякой другой наукѣ, что сложныя явленія понять нельзя, если мы предварительно не ознакомимся съ простыми явленіями, которыя предполага-

ются сложными. Согласно съ этимъ общія явленія теченія простыхъ процессовъ въ сознаниі, какъ мы въ наиболѣе наглядной формѣ и въ то же время при наиболѣе простыхъ условіяхъ наблюдали ихъ въ сочетаніи и сравненіи рядовъ тактовъ, даютъ намъ наиболѣе общія предварительныя условія, которыя должны быть разсматриваемы, какъ опредѣляющія, и для безконечно болѣе сложныхъ мыслительныхъ процессовъ. Само собою разумѣется, что эти формальныя условія всѣхъ процессовъ сознанія еще недостаточны для того, чтобы дать отчетъ относительно особыхъ свойствъ и явленій развитія и мышленія. Для этого мы должны скорѣе же обратиться къ самому этому развитію, какъ оно представлено въ документахъ словеснаго выраженія мыслей на различныхъ ступеняхъ развитія сознанія. Къ сожалѣнію, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ наиболѣе доступное нашему наблюденію развитіе ребенка даетъ, по легко понятнымъ причинамъ, лишь скудные и отчасти сомнительные результаты. Мышленіе и рѣчь ребенка предполагаютъ множество унаслѣдованныхъ, въ силу нашихъ современныхъ условій культуры, способностей, вліяніе которыхъ едва ли можно учесть съ достаточной увѣренностью; мало того, для насъ совершенно невозможно оберечь дитя отъ тѣхъ вліяній, которыя съ самаго начала оказываетъ на него окружающая среда. При всякихъ условіяхъ, слѣдовательно, духовное развитіе нашихъ дѣтей бываетъ не только ускореннымъ, но и существенно измѣненнымъ въ сравненіи съ чисто-самопроизвольнымъ ростомъ. Напротивъ, въ душевной жизни первобытныхъ народовъ намъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, даны такія ступени свободнаго и во многихъ случаяхъ относительно мало зависящаго отъ внѣшнихъ куль-

турныхъ вліяній развитія мышленія; и различныя ступени, которыя показываетъ намъ эта душевная жизнь, находятъ себѣ, по бѣльшей части, адекватное выраженіе во внѣшнихъ явленіяхъ, отражающихъ эту душевную жизнь прежде всего въ явленіяхъ рѣчи, представляющей собою одновременно и средство выраженія и органъ мышленія. Такимъ образомъ, рука объ руку съ формами развитія языка, можно шагъ за шагомъ прослѣдить вышеописанный переходъ ассоціативныхъ процессовъ сознанія въ апперцептивные. На это указывалъ намъ выше уже примѣръ относительно первобытной формы словеснаго выраженія мысли въ ея отношеніи къ нашимъ культурнымъ языкамъ. Ближайшее разсмотрѣніе этого предмета однако выводитъ насъ изъ области индивидуальной психологіи въ область психологіи народовъ, одну изъ значительныхъ частей которой представляетъ собою исторія развитія языка.

V. Законы душевной жизни.

Многіе психологи и философы отрицали существованіе особыхъ законовъ душевной жизни, поскольку подъ ними понимается отличная отъ общихъ физическихъ законовъ законмѣрность процессовъ. По мнѣнію однихъ, все, что можно назвать психическимъ закономъ, въ сущности является психологическимъ рефлексомъ физическихъ связей, — рефлексомъ, который составляется изъ ощущеній, связанныхъ съ известными центральными мозговыми процессами. Другіе утверждаютъ, что въ душевной области совсѣмъ нѣтъ законовъ. Существенное различіе между естественными науками и науками о духѣ состоитъ, согласно этому воззрѣнію, скорѣе же въ томъ, что естественныя науки однѣ только опираются на устойчивыя законы, напротивъ, науки о духѣ совершенно лишены законмѣрнаго порядка явленій. Первое изъ этихъ воззрѣній, принадлежащее материалистической психологіи, мы можемъ оставить здѣсь безъ разсмотрѣнія: оно находитъ себѣ опроверженіе во всѣхъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами явленіяхъ сознанія, такъ какъ разбивается о самый фактъ сознанія, невыводимый изъ какихъ-либо физическихъ свойствъ матеріальныхъ молекулъ или атомовъ. То неоспоримое положеніе, что не бываетъ процессовъ сознанія, не

связанныхъ какимъ-либо образомъ съ физическими процессами, материалистическая гипотеза возвела въ догматъ, по которому самые процессы сознанія по сущности своей представляютъ собою физическіе процессы. Но это утвержденіе стоитъ въ противорѣчій съ нашимъ непосредственнымъ опытомъ: въ немъ человѣкъ, какъ и всякое другое подобное ему живое существо, данъ намъ, какъ психофизическое, а не просто физическое единство.

Второе возрѣніе—допускающее законы въ смыслѣ общезначимыхъ правилъ явленій лишь въ естественныхъ наукахъ и поэтому принципиально ограничивающее задачу психологіи описаніемъ фактовъ, связь которыхъ или произвольна, или чисто случайна,—основывается на очевидно неправильно понятомъ примѣненіи понятія закона: полагаютъ, что закономѣрными можно считать лишь такія закономѣрности явленій, которыя повторяются неизмѣнно и всегда одинаковымъ образомъ. Такихъ законовъ вообще нѣтъ, нѣтъ ихъ и въ естествознаніи. Скорѣе же въ этомъ случаѣ имѣетъ значеніе слѣдующее основоположеніе: законы опредѣляютъ теченіе явленій лишь посколькѣ они не уничтожаются другими законами. Но такъ какъ, вслѣдствіе сложной природы всѣхъ явленій, каждый процессъ, въ общемъ, находится подъ вліяніемъ многихъ законовъ, то отсюда вытекаетъ, что наиболѣе общіе законы природы въ опытѣ никогда не могутъ быть указаны во всей ихъ строгости. Такъ, на примѣръ, нѣтъ ни одного закона въ механикѣ, которому мы приписывали бы ббльшую общезначимость, чѣмъ такъ называемому „закону косности“. Его можно формулировать слѣдующимъ образомъ: „когда известное приведенное въ движеніе тѣло не испытываетъ никакого дальнѣйшаго воздѣйствія какой-либо

силы, то оно продолжаетъ свое движеніе въ одномъ и томъ же направленіи и съ одинаковой скоростью въ безграничность“. Ясно, что этотъ законъ никогда и нигдѣ не можетъ быть осуществленъ въ опытѣ, такъ какъ нигдѣ и никогда не мыслимъ случай полной независимости отъ дальнѣйшихъ, измѣняющихъ движеніе, воздѣйствій какой-либо силы. Тѣмъ не менѣе законъ косности имѣетъ для насъ значеніе безспорнаго закона природы, такъ какъ всѣ дѣйствительные процессы движенія можно разсматривать, какъ закономерныя видоизмѣненія идеальнаго, въ конкретномъ опытѣ никогда не встрѣчающагося, случая движенія, не зависящаго отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній.

Если мы съ этой общепринятой въ естествознаніи точки зрѣнія подойдемъ къ вопросу о существованіи или несуществованіи психическихъ законовъ, то прежде всего само собою будетъ яснымъ, что подъ такими законами мы будемъ понимать лишь закономерныя процессы въ самомъ сознаніи, а не тѣ, которые лежатъ внѣ сознанія, напримѣръ, относятся къ фізіологическимъ мозговымъ процессамъ. Такимъ образомъ, сочетанія ощущеній или простыхъ чувствованій въ сложныя представленія, аффекты и т. д., если они совершаются какъ-либо закономерно, могутъ быть названы психическими законами. Напротивъ, тотъ фактъ, что, напримѣръ, оптическія оси обоихъ глазъ устанавливаются на свѣтящуюся точку, появляющуюся на темномъ полѣ зрѣнія, будетъ фізіологическимъ закономъ, а отнюдь не психическимъ. Само собою разумѣется, что фізическіе законы, подобные указанному въ этомъ примѣрѣ, могутъ оказывать рѣшающее вліяніе на дѣятельность извѣстныхъ психическихъ законовъ; однако это не препятствуетъ

намъ рѣзко отграничивать другъ отъ друга оба эти вида законѣрности, такъ какъ для допущенія психическаго закона необходимо то основное положеніе, что какъ слагаемая, такъ и равнодѣйствующія дѣйствій подобныхъ законовъ бываютъ составными частями непосредственнаго сознанія, т.-е. ощущеніями, чувствованіями и ихъ сочетаніями. Если теперь, придерживаясь этого критерія, мы бросимъ взглядъ на разнообразныя процессы сознанія, затронутыя нами выше, то станетъ яснымъ, что всѣмъ этимъ процессамъ присущъ характеръ строгой законѣрности, конечно, не въ томъ смыслѣ, что эти законы являются какъ бы застывшими правилами безъ исключенія—такихъ законовъ, какъ было замѣчено выше, вообще нѣтъ, въ силу никогда не прерывающейся интерференціи воздѣйствій,—но въ томъ единственно допустимомъ смыслѣ, что всякое сложное явленіе можетъ быть сведено на законѣрное совмѣстное дѣйствіе элементовъ. Если это требованіе не было бы соблюдено, то нарушилась бы и связь нашей душевной жизни. Она распалась бы на хаосъ лишенныхъ связи элементовъ. Невозможно бы стало и самое сознаніе, такъ какъ оно является какъ разъ противоположностью такого хаотическаго безпорядка. Такъ, на примѣръ, каждое отдѣльное представленіе является законѣрнымъ сочетаніемъ ощущеній. Извѣстный звукъ опредѣленнаго тембра всегда и неизмѣнно состоитъ изъ одинаковыхъ элементарныхъ тоновъ. Конечно, для этого психическаго закона сліянія тоновъ весьма важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что извѣстные объективные источники звука, на примѣръ, струны, трубы обладаютъ физическими свойствами, вслѣдствіе которыхъ возникаютъ такія законѣрныя сочетанія тоновъ, но, сами по себѣ взятые, эти физическіе факты

не имѣютъ ничего общаго съ указаннымъ психическимъ закономъ. Если бы наше сознание по природѣ своей не было предрасположено къ такимъ закономѣрнымъ сочетаніямъ, то и объективные моменты, подобныя вышеуказаннымъ, не оказали бы на него никакого дѣйствія. Совершенно такъ же обстоитъ дѣло и съ соединеніемъ зрительныхъ ощущеній въ пространственныя представленія, съ сліяніемъ изображеній предмета въ правомъ и лѣвомъ глазу въ рельефное общее изображеніе, съ возникновеніемъ своеобразныхъ цѣльныхъ чувствованій и ихъ частичныхъ чувствованій, какъ это мы наблюдали въ общемъ чувствѣ, въ эстетическихъ элементарныхъ чувствованіяхъ, наконецъ, съ возникновеніемъ аффектовъ и волевыхъ процессовъ изъ ихъ элементовъ. Отъ этихъ отдѣльныхъ болѣе или менѣе сложныхъ процессовъ сознанія характеръ закономѣрности переходитъ прежде всего также и на временную послѣдовательность процессовъ. Какъ ни недостаточны обобщенія стараго ученія объ ассоціаціяхъ, однако главная ошибка его была не въ томъ, что оно слишкомъ поспѣшно постулировало законы, но скорѣе въ томъ, что оно не попыталось достаточно глубоко проникнуть въ закономѣрную основу ассоціативныхъ процессовъ съ помощью ихъ анализа. Послѣднее убѣдительно доказательство въ пользу этого закономѣрнаго характера душевныхъ переживаній даютъ, наконецъ, апперцептивныя сочетанія, своеобразные продукты которыхъ, опять-таки, конечно, всецѣло обусловленные законами ассоціацій, мы видѣли въ связи мыслей. Едва ли можно дать лучшее доказательство нелѣпости вышеупомянутаго ученія о полной свободѣ душевныхъ переживаній отъ всякихъ законовъ, чѣмъ то слѣдствіе, къ которому оно, въ сущности, ведетъ:

последовательнымъ выводомъ изъ него было бы положеніе, что самое понятіе закона—противозаконно, ибо это понятіе, вѣдь, не что иное, какъ одинъ изъ продуктовъ тѣхъ мысленныхъ построений, закономѣрная природа которыхъ оспаривается.

Разсмотрѣніе множества частныхъ психическихъ законовъ завело бы насъ слишкомъ далеко; къ тому же мы упоминали о ихъ общемъ характерѣ въ тѣхъ главахъ, въ которыхъ говорилось объ ассоціаціи и объ апперцепціи. Но, подобно какъ въ естественныхъ наукахъ надъ частными законами явленій возвышаются болѣе общіе законы, которые мы иногда обозначаемъ даже, какъ принципы изслѣдованія, поскольку они имѣютъ значеніе общихъ требованій, направляющихъ изслѣдованіе,—такъ точно и въ психологической области мы можемъ установить основные законы, не заключающіеся въ частныхъ законахъ явленій, такъ какъ получаются они только послѣ обзора совокупности этихъ послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, имѣетъ значеніе общезначимаго основного закона въ области механической физики приведенный выше въ качествѣ образца законъ инерціи; на такое же значеніе еще въ бѣльшемъ объемѣ заявляютъ притязаніе: законъ постоянства матеріи и родственныи ему законъ сохраненія силы или энергіи. Сообразно съ этимъ мы задаемъ себѣ вопросъ: есть ли въ психологіи столь же общезначимые законы?

Прежде чѣмъ дѣлать попытки отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно упомянуть объ одномъ ограниченіи, съ которымъ уже въ области естественныхъ наукъ встрѣчается требованіе общезначимости руководящихъ принциповъ; въ душевной же сферѣ его значеніе, какъ мы а priori можемъ ожидать, еще больше, вслѣдствіе необыкновенно сложной природы психи-

ческих явлений. Это ограничение состоитъ въ томъ, что значеніе каждаго основнаго закона зависитъ отъ опредѣленныхъ предположеній, и тамъ, гдѣ эти предположенія не оказываются уже вѣрными, и руководящіе законы становятся сомнительными и неосновательными. Такъ, законъ постоянства энергіи имѣетъ значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока измѣряемыя количества энергіи относятся къ замкнутой, слѣдовательно, ограниченной матеріальной системѣ. Но онъ теряетъ свое значеніе, если система имѣетъ безграничное протяженіе, или если она и ограничена, но зато можетъ быть доступной для постороннихъ вліяній. Принимая въ соображеніе условія, складывающіяся въ силу своеобразія душевныхъ явленій, придется примѣнить аналогичное ограниченіе и къ психологическимъ основнымъ законамъ, которые получаются посредствомъ обобщенія частныхъ психологическихъ законовъ. Эти основные законы, вслѣдствіе зависимости душевныхъ явленій отъ природы сознанія, имѣютъ значеніе только въ предѣлахъ связныхъ душевныхъ процессовъ. Такимъ образомъ, хотя и можно установить, на примѣръ, основной законъ, управляющій образованіемъ сложныхъ психическихъ процессовъ изъ ихъ элементовъ, но не имѣетъ никакого смысла устанавливать такой законъ для совершенно несовмѣстимыхъ процессовъ, находящихся въ сознаніи внѣ всякой связи. Возможно, что вслѣдствіе этого границы значенія психологическихъ принциповъ уже, чѣмъ предѣлы общихъ законовъ природы. Однако это находится въ зависимости отъ особенностей психологическаго разсмотрѣнія, которое всюду направлено не на внѣшнія, а на внутреннія отношенія. Также нельзя упускать изъ виду, что это ограниченіе можетъ компенсироваться самымъ характеромъ пси-

хическихъ основныхъ законовъ. Въ дѣйствительности, уже разсмотрѣніе перваго и самаго общаго изъ этихъ законовъ покажетъ намъ, что наше предположеніе оказывается вѣрнымъ.

Этотъ первый основной законъ касается именно отношенія содержащихся въ сложномъ психическомъ процессѣ составныхъ частей къ той единой производной, въ которую онѣ соединяются. Это отношеніе по качеству своего содержанія можетъ быть чрезвычайно измѣнчивымъ, такъ что по качеству элементовъ и ихъ соединеній отдѣльные психическіе процессы несравнимы между собой. Подобно тому какъ мы не можемъ сравнивать другъ съ другомъ элементарныхъ ощущеній свѣта и качествъ музыкальныхъ тоновъ, точно такъ же нельзя сравнить по качеству содержанія пространственный зрительный образъ съ аккордомъ или отношенія обоихъ съ отношеніями элементовъ эстетическаго чувства къ нему самому, отдѣльныхъ чувствованій аффекта къ совокупности содержанія этого послѣдняго, или съ отношеніями чувствованій и представлений, входящихъ въ составъ мотивовъ, къ волевому процессу, въ который они входятъ. При всемъ томъ всѣ эти случаи, — что касается формальнаго отношенія слагаемыхъ какого-нибудь процесса къ ихъ производнымъ, — подчиняются одному и тому же принципу, который мы можемъ коротко обозначить, какъ законъ творческихъ производныхъ. Онъ гласитъ, что при всѣхъ психическихъ сочетаніяхъ продуктъ не является простымъ сложениемъ элементовъ, которые входятъ въ его составъ, но представляетъ собою новое образованіе, которое однако, что касается его плана, предустановлено этими элементами, такъ что дальнѣйшія составныя части и не нужны для его возникновенія, да съ точки

зрѣнія психологическаго истолкованія и вообще не представляются возможными. Такъ, въ свѣтовыхъ ощущеніяхъ сѣтчатки и въ ощущеніяхъ напряженія въ глазу при его движеніяхъ и фиксаціи содержится все существенное, что нужно для возникновенія опредѣленнаго пространственнаго образа. Несмотря на это, само пространственное образованіе есть нѣчто новое, что еще не содержалось въ тѣхъ элементахъ по своимъ производнымъ свойствамъ. Точно такъ же и волевой актъ, возникающій подъ вліяніемъ большаго числа частью содѣйствующихъ, частью противодѣйствующихъ другъ другу мотивовъ, является необходимымъ продуктомъ этого взаимодѣйствія мотивовъ, такъ что наблюденіе не находитъ нигдѣ никакого специфическаго процесса; и, несмотря на это, самъ волевой актъ не является простымъ сложеніемъ элементовъ, составляющихъ мотивы, но представляетъ собою нѣчто новое, претворяющее эти элементы въ единую производную. Яснѣе всего выступаетъ передъ нами эта творческая, но въ то же время и совершенно законмѣрная природа психическихъ явленій въ апперцептивныхъ соединеніяхъ, за которыми она поэтому собственно уже давно безмолвно признана. Каждому извѣстно, что выводъ основаннаго на цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ мыслительныхъ актовъ умозаключенія можетъ быть результатомъ этихъ отдѣльныхъ актовъ, — результатомъ, который можетъ прекрасно освѣтить наше познающее мышленіе; и хотя онъ былъ совершенно скрытъ отъ насъ, однако, анализируя впослѣдствіи его происхожденіе, мы убѣждаемся, что онъ возникъ именно изъ этихъ предпосылокъ. Поэтому прежде всего на творческомъ характерѣ апперцептивныхъ соединеній, какъ на фундаментѣ, воздвигается законмѣрность психическихъ

развитій, которую обнаруживаетъ отчасти единичное сознание въ продолженіе индивидуальной жизни, отчасти складъ общаго духовнаго развитія, выраженный въ культурѣ и исторіи. Время отъ времени появляющееся подъ вліяніемъ догматическихъ предразсудковъ утвержденіе, что законъ постоянства, которое имѣетъ значеніе для силъ природы, необходимо долженъ постоянно сохранять и духовную жизнь на одинаковомъ количественномъ уровнѣ, опровергается поэтому фактами какъ индивидуальной, такъ и общей исторіи развитія. Это, естественно, еще не исключаетъ того, что здѣсь, какъ и тамъ, — вслѣдствіе вышеуказанныхъ условій, въ которыхъ находятся всѣ связныя явленія духа, — въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ имѣть мѣсто перерывы въ теченіи явленій, а въ зависимости отъ нихъ и обратныя движенія. Несмотря на все это, соединеніе творческаго роста и строгой законѣрности, характеризующее духовную жизнь, проявляется въ томъ, что, въ особенности, при болѣе запутанныхъ процессахъ и при болѣе значительныхъ формахъ теченія явленій, хотя будущія производныя и не могутъ никогда быть заранѣе опредѣлены, однако, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, бываетъ возможенъ, наоборотъ, точный выводъ составляющихъ изъ данныхъ производныхъ. Психологъ, а также и историкъ, руководимый психологическимъ духомъ, является прорицателемъ прошлаго. Если онъ стоитъ на высотѣ своей задачи, онъ можетъ сказать не только то, что произошло, но и то, какъ необходимо должно было событіе произойти сообразно съ даннымъ положеніемъ вещей. На практикѣ въ историческихъ наукахъ эта точка зрѣнія уже давно признана. Но было бы однако немаловажно для психологіи, чтобы она была въ состояніи указать такой же

законъ производныхъ и для чувственныхъ воспріятій и душевныхъ движеній, гдѣ вслѣдствіе простоты условій нерѣдко обратная дедукція въ то же время превращается и въ предсказаніе явленій.

Значительное измѣненіе испытываетъ законъ производныхъ въ такихъ случаяхъ, когда въ ходѣ психическихъ процессовъ выступаютъ побочныя вліянія, лежащія внѣ области, изъ которой непосредственно получены эти производныя, и когда эти побочныя вліянія становятся самостоятельными условіями новыхъ результатовъ, которые соединяются вмѣстѣ съ непосредственно полученными въ одинъ сложный результатъ. Въ этихъ случаяхъ можетъ произойти даже и то, что эти постороннія вліянія достигнуть преобладающаго значенія и, такимъ образомъ, сведуть даже первоначальныя производныя на степень побочныхъ или, въ концѣ-концовъ, и совершенно вытѣснятъ ихъ. Такой ходъ явленій можетъ при болѣе длинныхъ связанныхъ процессахъ повториться много разъ и такимъ образомъ произвести цѣль явленій, звенья которой все больше и больше удаляются отъ точекъ отправленія даннаго ряда явленій. Таковы, преимущественно, волевые процессы, составленные изъ всякаго рода другихъ психическихъ образованій, у которыхъ эту модификацію закона производныхъ можно доказать на многочисленныхъ явленіяхъ и особенно на явленіяхъ, принадлежащихъ къ области психологіи народовъ и исторіи культуры. Поступокъ, возникающій изъ опредѣленнаго мотива, осуществляетъ, кромѣ предназначенныхъ даннымъ мотивомъ цѣлей, и другія, непосредственно не намѣченныя дѣйствія. Въ то время, какъ эти послѣднія являются въ сознаніи и вызываютъ въ немъ чувствованія и влеченія, они, съ своей стороны, ста-

новятся новыми мотивами, которые или осложняютъ, или измѣняютъ первоначальный волевой поступокъ, или замѣняютъ его другимъ. По этой главной своей формѣ упомянутую модификацію закона производныхъ можно обозначить, какъ принципъ гетерогоніи цѣлей. Для развитія какъ индивидуальнаго, такъ и общаго сознанія законъ этотъ имѣетъ выдающееся значеніе, въ особенности еще потому, что и ослабѣвшія вліянія первоначальныхъ мотивовъ почти постоянно все еще остаются сохраненными, на ряду съ новыми, занявшими ихъ мѣсто, по крайней мѣрѣ въ видѣ отдѣльныхъ слѣдовъ. Въ безчисленномъ множествѣ нашихъ привычекъ, нравовъ и особенно въ перешедшихъ къ намъ изъ далекаго прошлаго религиозныхъ обрядахъ обыкновенно продолжаютъ существовать въ непонятныхъ формахъ такіе остатки прежнихъ цѣлей. Не только сами эти явленія, но также и возникновеніе актуальныхъ цѣлей останется невыясненнымъ, пока не сумѣютъ дать себѣ отчета о законѣ гетерогоніи, который въ этой области повсюду оказываетъ свое дѣйствіе.

Закону производныхъ противопоставляется дальше, какъ его дополненіе, и однако, въ извѣстномъ смыслѣ, такъ же и какъ выраженіе той же самой психической законѣрности принципъ связующихъ отношеній. Какъ законъ производныхъ объединяетъ въ формулѣ виды психическаго синтеза, такъ законъ отношеній можетъ считаться аналитическимъ закономъ, который подчиняетъ общему правилу отношенія составныхъ частей, содержащихся въ одномъ такомъ синтетическомъ цѣломъ. Правило же это состоитъ въ томъ, что психическіе элементы какого-нибудь продукта стоятъ другъ съ другомъ въ такихъ внутреннихъ связяхъ, изъ которыхъ не-

обходимо образуется самый продуктъ, а въ то же время этими связями мотивируется и свойственный всѣмъ психическимъ производнымъ творческій характеръ. При этомъ подъ внутренними связями мы понимаемъ такія, которыя зависятъ отъ качественного состоянія отдѣльныхъ содержаній и, такимъ образомъ, противопоставляются тѣмъ внѣшнимъ связямъ, которыя опредѣлены ихъ формальнымъ распредѣленіемъ, какъ специфически отличное и въ то же время дополняющее отношеніе. Въ этомъ смыслѣ отношеніе внѣшнихъ и внутреннихъ связей совпадаетъ съ отношеніемъ естественно-научнаго и психологическаго разсмотрѣнія явленій. Явленія природы вполнѣ опредѣляются посредствомъ склада пространственныхъ и временныхъ связей, въ которыхъ состоятъ другъ съ другомъ элементы явленій. Напротивъ, сущность душевныхъ процессовъ, хотя они также не могутъ, въ силу зависимости своей отъ явленій природы, обойтись безъ этихъ внѣшнихъ обозначеній, — обосновывается на внутреннихъ качественныхъ связяхъ соединенныхъ въ одно цѣлое элементовъ.

Какъ законъ производныхъ, такъ и этотъ, находящійся въ постоянномъ взаимоотношеніи съ нимъ законъ отношеній обнимаютъ всѣ такъ или иначе связанныя другъ съ другомъ единства душевныхъ явленій, отъ единичныхъ процессовъ представленій и сложныхъ процессовъ чувствованій до обширныхъ индивидуальныхъ и общихъ развитій душевной жизни включительно. Такъ, соединеніе суммы музыкальныхъ тоновъ въ одинъ единственный звукъ посредствомъ специфическаго, только изъ соединенія получающагося значенія представленій и чувствованій, покоится всецѣло на качественныхъ и интенсивныхъ связяхъ,

въ которыхъ стоять другъ съ другомъ музыкальные тоны. Это отчетливо видно изъ законѣрной зависимости производныхъ и отношеній другъ отъ друга, именно изъ того, что измѣненіе отношеній модифицируетъ и характеръ производныхъ. Точно такъ же и пространственный зрительный образъ находится въ зависимости отъ отношеній качественныхъ и интенсивныхъ элементовъ ощущеній сѣтчатки и ощущеній напряженности глаза и т. д. Сложное эстетическое чувство является постольку производнымъ изъ болѣе простыхъ, зависящихъ отъ частей воспріятія эстетическихъ чувствованій, поскольку эти послѣднія, съ своей стороны, опредѣляютъ продуктъ своими качественными связями. Наконецъ, всѣ процессы духовнаго развитія основываются на связяхъ отдѣльныхъ мотивовъ, посредствомъ которыхъ они соединяются въ производныя. Отъ пониманія этой связи закона производныхъ съ закономъ отношеній зависитъ поэтому и познаніе значенія каждаго изъ этихъ принциповъ. Какъ мы не можемъ дать себѣ отчета о психической цѣнности творческихъ новообразованій, не принимая во вниманіе внутреннихъ связей составныхъ частей, такъ точно мы не въ состояніи понять и своеобразіе этихъ связей, не имѣя постоянно въ виду получаемыхъ такимъ образомъ продуктовъ.

Нагляднѣйшее доказательство этой тѣсной связи обоихъ принциповъ даютъ тѣ же апперцептивныя соединенія, въ особенности, въ формѣ логическихъ мыслительныхъ процессовъ, ясно выраженныхъ въ грамматическихъ соединеніяхъ предложеній. Содержаніе мысли всякаго предложенія представляетъ собою прежде всего, какъ мы видѣли выше, нѣчто цѣлое, но еще не является въ нашемъ сознаніи об-

разованіемъ представленій, достигшимъ ясной апперцепціи. Въ этой стадіи оно представляетъ собою производную изъ предшествовавшихъ его образованію единичныхъ процессовъ ассоціаціи и апперцепціи. Затѣмъ, во второй стадіи грамматическаго выраженія мысли къ нимъ присоединяется разложеніе совокупнаго представленія на его части, при которомъ всѣ эти части безъ исключенія ставятся другъ къ другу въ связующія отношенія. Таковы отношенія, которыя обозначаются у грамматиковъ, какъ подлежащее и сказуемое, имя и опредѣленіе, глаголь и нарѣчіе и т. д. Грамматическое значеніе этихъ категорій отчетливо показываетъ, что при этомъ въ то же время въ системѣ взаимно подчиняющихся и подчиненныхъ отношеній находитъ мѣсто то связующее разложеніе, которое благодаря именно этому логическому распредѣленію соединяется въ единую производную. Такъ, отношеніе между подлежащимъ и сказуемымъ обнимаетъ всѣ дальнѣйшія отношенія между именемъ и опредѣленіемъ, глаголомъ и дополненіемъ или нарѣчіемъ, между болѣе близкимъ и болѣе отдаленнымъ дополненіемъ въ качествѣ подчиненныхъ членовъ, которые соединены другъ съ другомъ отчасти ихъ собственными связями, а отчасти и посредствомъ связей тѣхъ самыхъ общихъ членовъ предложенія. Этимъ объясняется также и тотъ психологическій фактъ, что послѣ того, какъ этотъ процессъ расчлененія мысли окончился, въ сознаніи снова находится совокупное представленіе, какъ и въ началѣ процесса, только еще отчетливѣе. Соотвѣтственно соединяются затѣмъ такія единичныя образованія мыслей въ болѣе обширныя цѣпи мыслей, относительно простыя формы которыхъ находятъ себѣ выраженіе въ процессахъ умозаключенія.

Какъ законъ производныхъ въ извѣстныхъ особенно значительныхъ случаяхъ находить специфическое примѣненіе и въ то же время дополненіе въ принципъ гетерогоніи цѣлей, такъ и закону отношеній соотвѣтствуетъ принципъ усиливающихъ контрастовъ. Онъ обнимаетъ тѣ отношенія психическихъ элементовъ и образованій, которыя зависятъ отъ извѣстныхъ крайнихъ величинъ качественныхъ и интенсивныхъ составляющихъ какого-нибудь цѣлаго. Въ области соединеній представленій намъ встрѣтились такія дѣйствія контраста у ассоціативныхъ ассимиляцій и диссимиляцій. Тамъ мы видѣли, что при извѣстной крайней величинѣ различія двухъ ощущеній или представленій, — на примѣръ, двухъ разстояній въ пространствѣ или во времени, двухъ ощущеній звука или свѣта, — ассимиляція, имѣющая мѣсто при менѣе значительномъ различіи, внезапно переходитъ въ диссимиляцію: впечатлѣнія не приравниваются болѣе другъ къ другу, но усиливаются въ противоположныхъ направленіяхъ. Въ другой, особенно важной формѣ встрѣчаемся мы съ этимъ закономъ въ области чувствованій, гдѣ онъ въ то же время стоитъ въ связи съ двойственностью чувствованій, которая свойственна всѣмъ ихъ процессамъ чувствованій и соединеніямъ этихъ послѣднихъ. Вслѣдствіе этой двойственности, какъ мы видѣли, каждому чувствованію, какъ таковому, соотвѣтствуетъ противоположное чувствованіе: удовольствію — неудовольствіе, возбужденію — успокоеніе, напряженію — разрядъ. Здѣсь законъ отношеній проявляется въ формѣ закона контрастовъ прежде всего тѣмъ, что переменна производящихъ контрастъ чувствованій усиливаетъ самый контрастъ. Такъ, чувство удовольствія ощущается интенсивнѣе и отчетливѣе по отно-

шенію къ своему специфическому качеству, если ему предшествовало чувство неудовольствія. Сходно съ этимъ отношеніе между возбужденіемъ и успокоеніемъ, напряженіемъ и разрядомъ.

И законъ контрастовъ ни въ какомъ случаѣ не ограничивается связью единичныхъ данныхъ непосредственно рядомъ другъ съ другомъ или другъ послѣ друга содержаній сознанія, но онъ оказываетъ свое весьма важное вліяніе и тамъ, гдѣ онъ распространяется на болѣе обширные ряды явленій душевной жизни. Такъ, мыслящими историками уже давно замѣчено, что въ историческомъ развитіи не только слѣдуютъ другъ за другомъ періоды подъема и упадка, но также и періоды особаго направленія духовной жизни, которые какъ въ томъ впечатлѣніи, которое они на насъ производятъ, такъ и въ объективныхъ отношеніяхъ въ такой степени усиливаютъ другъ друга, что послѣдующая фаза каждый разъ повышается благодаря предыдущей. Такъ, напри- мѣръ, — ограничимся примѣрами изъ ближайшаго прошлаго, — наша классическая литература на нашихъ глазахъ получила свой своеобразный духовный отпечатокъ созерцательнаго спокойствія и красоты формы въ значительной степени благодаря противоположности къ возбужденному сильнымъ аффектами „періоду бури и натиска“. А на романтику, склонную къ культу фантазій и поэтически преображеннаго прошлаго, не меньше того повліяла ея противоположность къ эпохѣ Просвѣщенія, которая обладала яснымъ разсудкомъ и разсматривала настоящее, какъ самый зрѣлый плодъ человѣческаго развитія. Отчетливѣе всего и въ болѣе непродолжительныхъ періодахъ происходитъ такая смѣна контрастовъ въ процессахъ хозяйственной жизни, гдѣ она отчасти,

конечно, поддерживается и смѣной культурныхъ условій. Но все же именно здѣсь тѣ рѣзкія противоположности, какія, напримѣръ, мы наблюдаемъ въ колебаніяхъ нашихъ кредитныхъ отношеній и игры на биржѣ, объясняются исключительно противоположностями душевнаго настроенія людей, колеблющагося между надеждой и уныніемъ и этимъ колебаніемъ усиливающимъ каждый аффе́ктъ.

Если сдѣлать обзоръ четырехъ приведенныхъ здѣсь принциповъ,—изъ которыхъ второй и четвертый, въ свою очередь, можно разсматривать, какъ особья примѣненія двухъ основныхъ законовъ, закона творческихъ производныхъ и закона связующихъ отношеній,—въ ихъ совокупной связи, то бросается въ глаза, что они не только тѣснѣйшимъ образомъ связаны другъ съ другомъ, но и могутъ разсматриваться, какъ совершенно несомвѣстимые, по существу несравнимые съ тѣми принципами, которымъ, обыкновенно, подчиняютъ совокупность явленій природы. Нерѣдко являлась увѣренность, что въ этомъ отношеніи общихъ законовъ духа къ законамъ природы заключается ихъ противорѣчіе и въ зависимости отъ этого,—такъ какъ на законы природы смотрѣли, какъ на болѣе общіе и болѣе обязательные,—эти психологическіе принципы обозначали вообще, какъ недопустимыя обобщенія, если только ихъ не игнорировали совершенно, что также было обычно. Но вышеприведенныя разъясненія должны были въ достаточной степени показать, что въ дѣйствительности при истолкованіи психическихъ процессовъ, начиная съ самыхъ простыхъ чувственныхъ воспріятій и соединеній чувствованій и кончая самыми запутанными душевными процессами, какіе мы встрѣчаемъ въ общественной жизни и въ исторіи,—нельзя сдѣлать

ни одного шага, не наталкиваясь вездѣ и всегда опять-таки на эти принципы, если только строго слѣдовать требованію—анализировать психическіе процессы въ ихъ собственной связи и поскольку они намъ вообще даны, какъ процессы, находящіеся во внутренней связи другъ съ другомъ. Въ дѣйствительности, это противорѣчіе или невниманіе къ этимъ законамъ обыкновенно руководится обратнымъ правиломъ, по которому не сами психическіе процессы должны служить мѣриломъ для законовъ, которые ихъ опредѣляютъ, а законы природы, обоснованные явленіями природы, должны управлять и душевной жизнью. Въ этомъ смыслѣ разсматривали именно и законъ сохраненія энергіи, какъ основной законъ всякаго духовнаго развитія, и для этой цѣли, чтобы все же обезпечить духовной жизни ея самостоятельность, образовали даже понятіе „психической энергіи“, которая вмѣстѣ съ механической, тепловой, электромагнетической и съ другими возможными энергіями подчинялась бы закону постоянства энергіи при ея превращеніяхъ. Но такъ какъ мы не имѣемъ для этой психической энергіи опредѣленной единицы измѣренія, а она постоянно встрѣчается среди количествъ другихъ физическихъ энергіи, то допустили, что она можетъ быть включена и безъ прямого измѣренія въ рядъ протекающихъ при опредѣленной эквивалентности превращеній, такъ какъ она хотя и не измѣряется непосредственно, однако можетъ стать измѣряемой величиной посредствомъ эквивалентныхъ ей физическихъ энергіи: такъ, на примѣръ, она можетъ быть включена между опредѣленнымъ количествомъ химической энергіи, которое вводится въ организмъ снаружи, и эквивалентнымъ ей количествомъ тепловой и механической

рабочей энергіи, которую онъ отдаетъ наружу. Естественно, что съ этими положеніями такой законъ, какъ законъ творческихъ производныхъ, былъ бы или вообще несоединимъ или, во всякомъ случаѣ, онъ лежалъ бы внѣ общей закономерности психической жизни. Но, само собою разумѣется, это отношеніе можно обратить и въ противоположное, и тогда мы придемъ къ выводу, что скорѣе психическая закономерность лежитъ внѣ закона энергіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и включеніе ея въ ходъ превращеній энергіи становится вообще произвольной фикціей. Это видно, вѣдь, и изъ того, что въ первомъ случаѣ можно было бы и любой другой фиктивный процессъ, на примѣръ, какое-нибудь чудо, включить въ ряды превращеній энергіи.

Такимъ образомъ, и при указанныхъ выше примѣненіяхъ физическихъ законовъ къ психическимъ явленіямъ ссылаются по большей части не на эмпирическіе факты, а на метафизическій руководящій законъ, именно на требованіе „монистическаго міровоззрѣнія“. И это понятіе находитъ себѣ оправданіе, поскольку оно покоится на логическомъ требованіи и въ состояніи ему удовлетворить. Если же это не достигается, то и такъ называемый монизмъ превращается фактически въ дуализмъ, какъ это, на примѣръ, несомнѣнно случилось бы при рационалистическомъ объясненіи чуда, на которое мы выше намекали. Въ дѣйствительности, монизмъ въ пониманіи отношенія между физическимъ и психическимъ находитъ научное обоснованіе лишь постольку, поскольку онъ настаиваетъ на томъ, что человекъ не долженъ быть разсматриваемъ только съ физической или только съ психической стороны, но онъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ психофизическій

индивидуумъ, каковымъ мы встрѣчаемъ его въ дѣйствительности. Единственно такой монизмъ соотвѣтствуетъ фактамъ, въ то время какъ дуалистическое дѣленіе на душу и тѣло, даже если оно появляется подъ монистическимъ флагомъ въ формѣ душъ-атомовъ или анонимной психической энергіи, представляетъ собою гипотезу, которая и не можетъ быть доказана, и бесполезна для истолкованія душевной жизни. Съ точки же зрѣнія единственно научно обоснованнаго монизма душевные жизненные процессы слѣдуетъ разсматривать, какъ неотдѣлимая составная часть человѣческой и вообще животной жизни, и ихъ слѣдуетъ опредѣлять соотвѣтственно имманентнымъ имъ самимъ свойствамъ, а не сообразно съ законами, относящимися къ другимъ областямъ явленій, при формулированіи которыхъ эти свойства вообще не были приняты во вниманіе. Впрочемъ, нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія въ томъ, что физическія и психическія жизненные явленія подчиняются различнымъ законамъ, если только эти законы не являются несомвѣстимыми съ фактическимъ единствомъ психофизическаго индивидуума. Поистинѣ же о такой несомвѣстимости не можетъ быть рѣчи, во-первыхъ, уже потому, что оба ряда явленій по существу различны и, во вторыхъ, потому, что фактически, насколько мы знаемъ, всюду, гдѣ эти ряды явленій сходятся въ единствѣ индивидуума, они подчиняются принципу законмѣрной координаціи. Такъ, напримѣръ, законъ творческихъ производныхъ ничуть не противорѣчитъ закону постоянства энергіи, такъ какъ мѣры, которыми мы опредѣляемъ психическія величины (Werthe), абсолютно несравнимы съ тѣми мѣрами, которыми мы измѣряемъ физическія количества (Grössen). Психи-

ческое мы опредѣляемъ по количеству его величинъ (Wertgrößen), а физическое — по величинѣ его количества (Größenwert); такъ какъ самое понятіе величины (Wert) ведетъ свое начало исключительно отъ психическихъ явленій, то этимъ указывается, что физическое количество само по себѣ собственно вообще недоступно измѣренію величиной и дѣлается доступнымъ только въ томъ случаѣ, если мы его дѣлаемъ предметомъ сравнительнаго обсужденія, а слѣдовательно, такимъ образомъ, до извѣстной степени переносимъ его въ психологическую область. Но несомнѣстимыя величины вообще несравнимы, поскольку онѣ недоступны превращенію одной въ другую. Такъ, мы можемъ сравнивать теплоту и механическую работу только потому, что они могутъ переходить другъ въ друга по опредѣленному закону эквивалентности, но ощущеніе звука и ощущеніе свѣта, зрительное представленіе и аккордъ мы не можемъ сравнивать другъ съ другомъ, потому что превращеніе одного изъ этихъ психическихъ содержаній въ другое немислимо. Но, подобно тому, какъ физическія количества, вслѣдствіе неограниченной способности къ превращенію физическихъ энергій въ эквивалентныхъ отношеніяхъ, подчинены закону постоянства энергій, такъ, наоборотъ, не имѣетъ никакого смысла стараться примѣнять этотъ законъ къ качественнымъ и интенсивнымъ психическимъ величинамъ, которыя совсѣмъ не допускаютъ такого превращенія. Но это опять-таки стоитъ въ связи съ тѣмъ, что предметомъ психологій является все многообразіе непосредственно данныхъ качественныхъ содержаній нашего опыта, а каждое изъ нихъ теряетъ своеобразіе, какъ только мы пытаемся превратить его въ какое-нибудь другое.

содержаніе. Такимъ образомъ, ничуть не противорѣчатъ другъ другу, съ одной стороны, изслѣдованія естественными науками физическія явленія и ихъ законы, а съ другой—разсмотрѣнныя психологіей качественныя содержанія жизни; они даже дополняютъ другъ друга, поскольку мы должны ихъ связывать, если хотимъ понять жизнь даннаго намъ, какъ нѣчто единое, психофизическаго индивидуума.

Однако эта несравнимость свойствъ не могла бы совмѣщаться съ единствомъ ихъ субстрата, если бы физическія величины количествъ и психическія количества величинъ не были въ этомъ субстратѣ зависимы другъ отъ друга. Эта взаимная зависимость состоитъ, съ одной стороны, въ томъ, что физическіе элементы, считать ли ихъ атомами или частями непрерывной матеріи, должны быть мыслимы нами необходимо въ формахъ, возникшихъ по психическимъ законамъ представленій пространства и времени, а съ другой, — въ томъ, что психическіе элементы, простыя ощущенія и чувства, неразрывно связаны съ опредѣленными физическими процессами. При этомъ, впрочемъ, эти послѣдніе сами ни въ какомъ случаѣ не обязаны быть простыми по своимъ свойствамъ, какъ это иногда допускали до сихъ поръ на основаніи метафизическихъ предразсудковъ. Скорѣе здѣсь оказывается вѣрнымъ противоположное отношеніе, какъ насъ неопровержимо убѣждаетъ въ этомъ опытъ, который единственно и можетъ разрѣшить этотъ вопросъ. Вѣдь, всякое простое ощущеніе, какъ мы видимъ, стоитъ въ зависимости отъ высшей степени сложнаго комплекса периферическихъ и центральныхъ нервныхъ процессовъ, равно какъ и каждое чувство, какъ бы элементарно оно ни было; это показы-

вають разнообразныя выраженія ихъ, которыя сопровождаютъ даже самое простѣйшее возбужденіе чувства.

Но если, въ противорѣчій съ этой фактической соотносительностью простыхъ, т.-е. неразложимыхъ, психическихъ содержаній со сложными физическими процессами, ввести метафизическій постулатъ соотвѣтствія психически простого физически простому, то естественно сдѣлать и слѣдующій шагъ,—принять постоянное соотвѣтствіе обоихъ рядовъ явленій до самыхъ высшихъ и запутаннѣйшихъ содержаній сознанія. Тогда указанная выше закономѣрная связь психическихъ элементовъ съ физическими процессами превращается въ метафизическій параллелизмъ, для котораго психическое и по содержанію и по формѣ является копіей физическаго, а физическое копіей психическихъ явленій. Это предположеніе находитъ себѣ выраженіе въ положеніи Спинозы: „Порядокъ и связь идей тѣ же, что порядокъ и связь вещей“. Это положеніе было мыслимо, пока физическая сторона свойствъ живыхъ существъ была еще мало извѣстна и пока еще не дали себѣ отчета о тѣхъ психологическихъ законахъ, которые управляютъ соединеніемъ процессовъ сознанія, начиная съ простыхъ чувственныхъ воспріятій и кончая сложными умственными процессами, когда, слѣдовательно, философія еще допускала построеніе дѣйствительности изъ абстрактныхъ понятій субстанціи и причинности. Въ наше время даже и метафизика, если она претендуетъ на признаніе, должна опираться на дѣйствительные факты, а не на тѣ понятія, съ которыми оперировали сообразуясь лишь съ логически-диалектическими мотивами. И при этой точкѣ зрѣнія можетъ удержаться, если принимать во вниманіе

образность выраженія, „законъ психологическаго параллелизма“, въ томъ смыслѣ, что нѣтъ ни одного психическаго процесса отъ простыхъ элементовъ ощущеній и чувствованій до сложнѣйшихъ умственныхъ процессовъ,—который не сопровождался бы параллельно физическими процессами. Но такъ какъ уже элементы ощущеній и чувствованій абсолютно несравнимы съ ихъ физическими субстратами въ томъ смыслѣ, что никогда простые процессы первыхъ не соотвѣтствуютъ хотя бы относительно простымъ процессамъ послѣднихъ, то это имѣетъ значеніе; естественно, и для всѣхъ другихъ содержаній сознанія, которыя составляются изъ указанныхъ элементовъ. Здѣсь всюду мы встрѣчаемся съ физическимъ и психическимъ, какъ съ несравнимыми свойствами даннаго, какъ нѣчто единое, психо-физическаго индивидуума, изъ которыхъ каждое должно разсматриваться сообразно съ тѣми законами соединенія элементовъ, которые въ немъ самомъ находятъ свое выраженіе. А такъ какъ самыя свойства эти несовмѣстимы, то никогда не можетъ случиться, чтобы между законами обоего рода явилось противорѣчіе; и наоборотъ, кто хочетъ тѣ связи, которыя имѣютъ значеніе для одной стороны жизненныхъ явленій, примѣнить къ другой, тотъ неизбежно долженъ или противорѣчить фактамъ или вообще отказаться отъ истолкованія одной области, разсматриваемой такимъ образомъ подъ чуждыми для нея точками зрѣнія. Поэтому для современной точки зрѣнія психологіи, которая должна оставаться руководящей и для философскаго разсмотрѣнія, можетъ быть рѣчь о „параллелизмѣ“ между психическимъ и физическимъ лишь постольку, поскольку всѣ элементы психической жизни зависятъ отъ органическихъ физическихъ процессовъ; наоборотъ, со-

единенія этихъ элементовъ не могутъ быть никогда опредѣлены законами, имѣющими значеніе для соединеній физическихъ жизненныхъ процессовъ, если при этомъ не хотятъ исключить именно то, что является характернымъ и полнымъ значенія для душевной жизни. Если противъ такого ограниченія такъ называемаго закона параллелизма при случаѣ возражать, что оно непослѣдовательно и неудовлетворительно, то это возраженіе основывается, во-первыхъ, на вмѣшательствѣ апріорной метафизики прошлаго времени, которую наука давно опередила въ ея основахъ, и, во-вторыхъ, на непониманіи дѣйствительной задачи, которую надлежитъ разрѣшить психологіи. Эта задача никогда не можетъ состоять въ томъ, чтобы примѣнять къ психической сторонѣ жизненныхъ процессовъ тѣ законы, которые ей самой совсѣмъ не принадлежатъ; усилія психологіи должны быть обращены, наоборотъ, на то, чтобы установить эти законы на основаніи содержаній психической жизни, точно такъ же, какъ съ другой стороны фізіологическое изслѣдованіе обмѣна веществъ и энергій въ организмѣ въ правѣ ничуть не заботиться о его психическихъ свойствахъ. Вѣдь истинное единство жизни достигается не тѣмъ, что подчиняютъ фактическія явленія такимъ законамъ, къ которымъ у нихъ вообще нѣтъ никакого внутренняго отношенія, а тѣмъ, что стараются дать себѣ отчетъ о всѣхъ сторонахъ жизни и о тѣхъ связяхъ, которыя онѣ имѣютъ другъ съ другомъ.

Съ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя развиты здѣсь объ отношеніи психическихъ законовъ къ законамъ природы и о соединеніи тѣхъ и другихъ въ одно цѣлое рѣшается также и вопросъ миѣологическаго происхожденія, который перешелъ изъ миѣологіи въ философію, а изъ нея въ психологію: вопросъ о

сущности души. Для первобытнаго мышленія душа — демоническое существо, имѣющее своимъ мѣстопробываніемъ все тѣло, въ особенности же отдѣльные излюбленные органы, какъ-то: сердце, почки, печень, кровь. Наряду съ этимъ древнѣйшимъ представленіемъ о тѣлесной душѣ развивается рано и второе представленіе, которое видитъ въ душѣ существо, только внѣшне соединенное съ тѣломъ, которое покидаетъ тѣло при смерти въ послѣднемъ вздохѣ, а временно также и во снѣ въ призрачныхъ сновидѣніяхъ: душа—дыханіе или душа—тѣнь. Оба представленія съ давнихъ поръ, несмотря на ихъ внутреннее противорѣчіе, соединяются другъ съ другомъ; хотя уже въ мифологическомъ мышленіи душа—дыханіе или *φύξις*, повидимому, все больше и больше оттѣсняетъ представленіе о тѣлесной душѣ.

Развитіе понятія о душѣ въ философіи представляетъ собою, въ сущности, копію этого мифологическаго развитія. Древняя философія, а по ея слѣдамъ и средняя, придерживаются представленія о тѣлесной душѣ. Душа для нея дѣйствующее начало всѣхъ, даже физическихъ и жизненныхъ процессовъ, какъ, напр., питанія и размноженія. При этомъ высшая душевная дѣятельность зависитъ, по ихъ представленію, отъ спеціальнаго, отдѣляемаго отъ тѣла существа. Свое наиболѣе совершенное научное выраженіе это воззрѣніе, которое въ ясной для пониманія формѣ просто лишь развиваетъ дальше мифологическія представленія, нашло въ психологіи Аристотеля. При этомъ подготовленная уже классическимъ произведеніемъ Аристотеля побѣда, которую уже въ мифологіи одержала отдѣляемая отъ тѣла душа надъ тѣлесной, непремѣнно должна была въ концѣ-концовъ привести къ единой державію этого самостоятельнаго душевнаго существа, въ свойствахъ котораго стали замѣчать

все болѣе и болѣе полную противоположность къ тѣлу, подчиняющемуся чисто матеріальнымъ законамъ. Это развитіе достигло своего апогея въ системѣ Декарта, послѣдняго философа эпохи Возрожденія. Съ тѣхъ поръ тѣло стали разсматривать, какъ протяженную субстанцію, подчиненную только механическимъ законамъ, которой противопоставляется душа, какъ непротяженная, чисто мыслимая субстанція. Обѣ субстанціи во время жизни внѣшне связаны одна съ другой въ одной только точкѣ мозга, о положеніи которой, съ тѣхъ поръ, какъ Декартъ выбралъ для этого шишковидную железу, появилось безчисленное множество гипотезъ. Тѣло находится во взаимодействіи съ этой душой, мыслимой аналогично матеріальному атому.

Здѣсь не мѣсто прослѣдить судьбы, которыя пережили эти представленія потомъ въ исторіи новой философіи и психологіи. Для основнаго пониманія души, какъ неизмѣняющейся субстанціи, по отношенію къ которой душевные процессы должны разсматриваться, какъ измѣнчивыя, но сами по себѣ отличныя отъ нея явленія, всѣ эти превращенія дуалистической гипотезы не имѣютъ рѣшающаго значенія, состоятъ ли они въ томъ, что вмѣстѣ со Спинозой превращаютъ двѣ субстанціи въ два атрибута, къ которымъ приложимъ неограниченный параллелизмъ, или въ томъ, что вмѣстѣ съ матеріализмомъ считаютъ душевную субстанцію свойствомъ единственно признанной въ дѣйствительности тѣлесной субстанціи. Все же очевидно, что эти дальнѣйшія преобразованія гипотезы о субстанціи тѣмъ больше противорѣчатъ законамъ душевной жизни, чѣмъ больше они стараются устранить противорѣчивое понятіе двухъ субстанцій, которыя существенно различны, но все же подлежатъ объединенію. Поэто-

му, если душа Картезія несоединима съ нашими современными фізіологическими знаніями о тѣлесномъ субстратѣ душевной жизни, то метафизическій монизмъ вообще уничтожаетъ въ тѣхъ обѣихъ формахъ, сочетающихъ въ единство душевную и тѣлесную субстанціи, возможность познанія душевной жизни.

Поэтому мы противопоставляемъ метафизическому понятію субстанціальности психологическій принципъ актуальности души. Душевные процессы — это непреходящая иллюзія, которой сама душа безъ всякой связи противопоставляется лишь, какъ неизмѣняющееся, само по себѣ непознаваемое бытіе, такъ что попытка соединить то и другое неизбѣжно приводитъ къ переплетенію фиктивныхъ дѣйствій и противодѣйствій, которымъ произвольно даютъ традиціонныя названія представленія, чувствованія, стремленія и т. п. Блестящій примѣръ непродуктивности этихъ стараній положить субстанцію въ основаніе объясненія душевной жизни даетъ намъ послѣдняя и самая основательная изъ этихъ попытокъ: такъ называемая „механика представленій“ Гербарта. Пусть все психическое — это безпрестанная смѣна явленій, постоянное возникновеніе и созиданіе, но никакая сверхчувственная субстанція не поможетъ намъ разобраться въ отдѣльныхъ частяхъ этихъ явленій или же въ связи этихъ частей. Чувственное воспріятіе есть продуктъ только элементовъ ощущеній, аффектъ — теченіе непосредственно пережитыхъ чувствованій, процессъ мысли — обоснованное въ самомъ себѣ соединеніе его членовъ. Нигдѣ эти факты дѣйствительной душевной жизни не нуждаются въ другомъ субстратѣ для своего истолкованія, кромѣ того, который данъ въ нихъ самихъ, и единство этой жизни не выигрываетъ ровно ничего отъ

того, что его собственной связи придаютъ еще субстанцію, которая и не воспринимается и не переживается въ дѣйствительности, а только противопоставляется той обоснованной самой въ себѣ жизни, какъ абстрактное повтореніе ея понятія.

Такъ, намъ стоить только взглянуть на близко родственныя психологіи области знанія, на такъ называемыя науки о духѣ, чтобы убѣдиться въ пустотѣ и бесплодности психологическаго понятія о субстанціи. Названіе „науки о духѣ“ лишь постольку имѣетъ право на существованіе, поскольку эти области знанія основываются на фактахъ психологіи, науки о духѣ въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова. А развѣ когда-нибудь обращался историкъ, филологъ или юристъ къ другимъ вспомогательнымъ средствамъ для пониманія явленій или къ другимъ аргументамъ для доказательства своихъ утвержденій, кромѣ тѣхъ, которыя взяты изъ непосредственныхъ фактовъ душевной жизни? И почему должны здѣсь способъ изслѣдованія въ психологіи стоять въ полномъ противорѣчій съ методомъ только что упомянутыхъ областей знанія? Если она не должна стремиться только къ тому, чтобы стать пригоднымъ основаніемъ для наукъ о духѣ, то она всюду оказывается зависимою отъ историческихъ наукъ, для того, чтобы достигнуть пониманія болѣе высоко развитыхъ духовныхъ процессовъ. Объ этомъ ясно свидѣтельствуется новая, исключительно на такихъ отношеніяхъ основанная дисциплина „психологіи народовъ“, которая образуетъ ближайшую переходную область между психологіей и отдѣльными науками о духѣ.

Неоспоримо, метафизическая психологія новаго времени, которая вышла изъ ученія Декарта о двухъ существенно различныхъ и все же внѣшне одна съ другой связанныхъ субстанціяхъ, дальше отъ дѣй-

ствительности душевной жизни, чѣмъ психологія старой метафизики, которая видѣла въ душѣ принципъ жизни вообще или, по выраженію Аристотеля, цѣлестремительную силу, изъ которой вытекаетъ совокупность какъ физическихъ, такъ и психическихъ жизненныхъ явленій. Она старалась, по крайней мѣрѣ, удовлетворить тому единству жизни, которое обыкновенный дуализмъ долженъ разсматривать, какъ чудо, если онъ не приметъ психическое за смутное отображеніе физическаго или наоборотъ, это послѣднее—только за субъективное представленіе, лишенное собственной реальности. Однако и путь того древняго виталистическаго ученія о душѣ сталъ намъ неподходящимъ. Вѣдь, онъ пытается удовлетворить единству жизни только тѣмъ, что ставитъ на мѣсто теперь требуемаго причиннаго объясненія явленій всеобъемлющее понятіе цѣли, которое по своей неопредѣленности не объясняетъ удовлетворительно ни своеобразія душевныхъ процессовъ ни физической стороны жизненныхъ явленій. Питаніе, размноженіе, перемѣна мѣста, съ одной стороны, воспріятіе, фантазію, разсудокъ—съ другой, мы никакъ не можемъ соединить между собою, хотя факты, которые эти понятія обозначаютъ, въ общемъ и въ частности цѣлесообразны по отношенію къ связи жизненныхъ явленій. Они сопротивляются однако такому соединенію не потому, что они зависятъ отъ существенно различныхъ субстратовъ, а потому, что они покоятся на совершенно различныхъ способахъ разсмотрѣнія данныхъ, какъ нѣчто единое, жизненныхъ процессовъ. Питаніе, размноженіе, перемѣна мѣста—это органическіе процессы, принадлежащіе объективной природѣ; и тѣ представленія, которыя мы на основаніи свойственныхъ имъ признаковъ составляемъ о нихъ, имѣютъ значеніе зна

ковъ, указывающихъ на независимую отъ нашего сознанія дѣйствительность. При ихъ изслѣдованіи мы должны поэтому, такъ же какъ и при разсмотрѣніи явленій природы внѣ нашего тѣла, отвлекаться отъ субъективныхъ процессовъ сознанія, съ которыми они связаны, если мы хотимъ узнать ихъ въ ихъ объективной естественной связи. Напротивъ, наши представленія, обусловленные субъективно, наши чувствованія и аффекты являютъ собою непосредственныя переживанія, которыя психологія старается понять точно такъ, какъ они возникаютъ и протекаютъ въ сознаніи и становятся въ соотношеніе другъ къ другу. Поэтому фізіологія и психологія разсматриваютъ одинъ и тотъ же, единый самъ по себѣ психофізическій индивидуумъ. Но обѣ науки разсматриваютъ этотъ предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнія: фізіологія—какъ объектъ внѣшняго міра, включенный въ связь фізико-химическихъ процессовъ, изъ которыхъ состоитъ органическая жизнь; психологія же—какъ связь переживаній нашего сознанія. Но въ каждомъ познаніи играютъ роль два фактора: познающій субъектъ и независимо отъ него мыслимый объектъ. Изслѣдованіе субъекта въ его свойствахъ, данныхъ намъ въ нашемъ человѣческомъ сознаніи, образуетъ поэтому не только необходимое дополненіе къ естественно-научному разсмотрѣнію самого человѣка, но оно приобретаетъ и болѣе общее значеніе—что всѣ душевныя состоянія и ихъ развитіе возникаютъ изъ непосредственно пережитыхъ процессовъ сознанія и поэтому понятны только изъ нихъ. Это именно мы и понимаемъ подъ принципомъ актуальности души.

~~18035~~

7290